

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2019 Том 19 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2019 Volume 19 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 10.09.2019. Выход в свет 19.09.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,58. Тираж 500 экз. Заказ № 1097. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfert@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаршвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хазендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfher C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfher@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Куропятник М.С.** Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты 387
- Кравченко С.А.** Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота (на англ. яз.) 397
- Шульц Э.Э.** К проблеме классификации революций 406

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Пациорковский В.В., Крухмалева О.В.** Образование в цифровом обществе: региональный аспект 419
- Егорышев С.В., Садыков Р.М., Мигунова Ю.В.** Социальные практики питания детей в малообеспеченных российских семьях 432
- Шлыкова Е.В.** Ресурсы успешной адаптации к условиям экономического кризиса и факторы развития адаптационного потенциала молодежи Москвы 443

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

- Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Кириллов А.В.** Поиск работы выпускниками московских вузов: мотивация и притязания 458
- Хагуров Т.А., Остапенко А.А.** Динамика мировоззренческих установок молодежи Кубани 470
- Кошарная Г.Б., Щанина Е.В.** Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект 481
- Зайцев Д.В., Суркова И.Ю., Селиванова Ю.В.** Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе 494
- Кумса Э.** Национальная память народности оромо (на англ. яз.) 503

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Никифоров Я.А.** Социология как ресурс «разумной силы» в эпоху глобализации 517
- Цвык В.А., Цвык И.В.** Нравственные ценности профессиональной деятельности в информационном обществе (на англ. яз.) 530
- Анисимов Р.И.** Нестандартный труд: кто в выигрыше? Теоретико-методологический анализ подходов к изучению нестандартной трудовой занятости 543

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

Шабага А.В. Эссе о неолиберализме 553

Человеческое достоинство и способы его утраты, или несколько рецептов, как стать счастливым. Рецензия на книги: Бири П. Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства / Пер. с нем. Д.В. Сильверстова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018; Кетс де Врис М. Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018. 563

Искусственный интеллект как проблема современной социальной аналитики. Рецензия на книги: Boden M.A. AI: Its Nature and Future. Oxford: Oxford University Press, 2016; Collins H. Artificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers. Cambridge: Polity Press, 2018 581

ЮБИЛЕИ

Иванову В.Н. — 85 лет! 587

Голенковой З.Т. — 80 лет! 589

Кравченко С.А. — 70 лет! 591

НАШИ АВТОРЫ 592

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kuropjatnik M.S.** Indigeneity in the context of globalization: Epistemological and sociocultural aspects 387
- Kravchenko S.A.** Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn 397
- Shults E.E.** On the classification of revolutions 406

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Patsiorkovskiy V.V., Kruhmaleva O.V.** Education in digital society: A regional aspect 419
- Egoryshev S.V., Sadykov R.M., Migunova Yu.V.** Social food practices of children in the low-income Russian families 432
- Shlykova E.V.** The Moscow youth's resources of successful adaptation to the economic crisis and factors of enhancing their adaptation potential 443

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Yudina T.N., Mazaev Yu.N., Kirillov A.V.** Job search by the graduates of Moscow universities: Motivation and claims 458
- Khagurov T.A., Ostapenko A.A.** The dynamics of the value orientations of the Kuban youth 470
- Kosharnaya G.B., Shchanina E.V.** Deprivation factors for the elderly in the social-labor sphere: A regional aspect 481
- Zaitsev D.V., Surkova I.Yu., Selivanova Yu.V.** Social-economic well-being and social tension in the Volga Region 494
- Kumsa A.** The Oromo national memories 503

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Nikiforov Ya.A.** Sociology as a resource of "intelligent power" in the globalization era 517
- Tsvyk V.A., Tsvyk I.V.** Moral values of professional activity in information society 530
- Anisimov R.I.** Non-standard work: Who wins? Theoretical-methodological analysis of the approaches to the study of non-standard employment 543

REVIEWS AND ESSAYS

Shabaga A.V. An essay on neoliberalism 553

Human dignity and ways to lose it, or A few recipes for happiness. Books review: Bieri P. *Zhiznenny vybor. O mnogoobrazii chelovecheskogo dostoinstva* [Dignity as a Way of Life. A Treatise on the Diversity of Human Dignity]. Per. s nem. D.V. Silverstova. Saint Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha; 2018; Kets de Vries M. *Seks, dengi, schastie i smert: V poiskakh sebya* [Sex, Money, Happiness, and Death: The Quest for Authenticity]. Per. s angl. Moscow: Alpina Publisher; 2018 563

Artificial intelligence as a challenge for the contemporary social analysis. Books review: Boden M.A. *AI: Its Nature and Future*. Oxford: Oxford University Press, 2016; Collins H. *Artificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. Cambridge: Polity Press, 2018 581

ANNIVERSARIES

Ivanov V.N. celebrates the 85th anniversary 587

Golenkova Z.T. celebrates the 80th anniversary 589

Kravchenko S.A. celebrates the 70th anniversary 591

AUTHORS 592

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-387-396

Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

В последние десятилетия одной из значимых тенденций реконфигурации ландшафтов социального и культурного разнообразия становится «индигенизация современности». В своем современном значении концепт «индигенность» выражает стремление коренных народов (indigenous peoples) и разных сообществ, прежде маргинализованных в границах национальных государств, самостоятельно определять перспективы своего развития. В глобальной перспективе индигенность утрачивает прежнюю сопряженность с определенными типами обществ или культурными сценариями аутентичности и традиционных образов жизни, и индигенные акторы перестают играть роль радикально Другого в современных дискурсах и интеллектуальной жизни Запада. Переход от генеалогической модели индигенности, основанной на идеях происхождения, родства и культурной аутентичности, к реляционной модели позволяет сместить фокус внимания со свойств, присущих тем, кто понимается как индигенный в определенном контексте, на отношения индигенных и неиндигенных акторов. Коренные народы конституируют и репрезентируют свою идентичность и культуру с учетом общественного мнения, национального законодательства и международно-правового регулирования, что приводит к фундаментальным трансформациям самих акторов. Их характеристики больше не могут быть представлены только в терминах примордиальности. В условиях глобализации культурные паттерны индигенности отличаются разнообразием и осмысляются на основе новых подходов к изучению социальной организации культурного разнообразия, а также моделей управления им. Современный дискурс индигенности поддерживают такие концепты, как «частичные отношения», «вовлеченность», «интеркультурные отношения», что подразумевает признание множественных частичных отношений, связывающих субъекта и объект, индигенные и неиндигенные «миры» и культурные практики. Изменение характера дискурса индигенности как в социокультурном, так и эпистемологическом аспекте сопряжено и с реконфигурацией проблемного поля социальной антропологии.

Ключевые слова: социальная антропология; коренные народы; глобализация; индигенность; реляционный подход; интеркультурные отношения

В последние десятилетия изменения в социальных и культурных ландшафтах индигенности приобрели мультипликативный характер, подразумевающий их большую сложность и противоречивость, чем те разнородные импульсы и гло-

* © Куропятник М.С., 2019.

Статья поступила 03.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

бальные воздействия, которые инициировали их. Эти изменения не укладываются в рамки ностальгических представлений о разрушении традиционных образов жизни, несмотря на выраженность этих тенденций, их визуальную оформленность в публичном пространстве и во многом фатальные последствия для ряда народов. Речь идет не только о том, что границы между западными и незападными обществами, подверженными глобальным социальным трансформациям, становятся более размытыми, чем когда-либо прежде, или представляются таковыми. Этот модус эмпирических изменений окружающего мира подразумевает концептуальную/символическую историю Запада как политического и культурного проекта, сопряженного с дискурсом «дикаря», «примитивного» и радикально Другого не только в логике конституирования своей противоположности, но и своего alter Ego [29. Р. 1—9; 25. Р. 448—449]. В рамках этого проекта термины «примитивные», «племенные», «коренные» (или «индигенные») соотносились с народами, неизменно идентифицируемыми как незападные (т.е. несовременные) и превращаемыми в традиционный объект антропологических исследований.

В свете иной постановки фундаментальных культурных вопросов нашего времени, формирования новых подходов к концептуализации социального и культурного разнообразия и моделей управления им, а также размывания ценностей линейного развития и прогресса эти категории утратили свой критический потенциал [25. Р. 453—454] и интеллектуальную привлекательность. Акценты в современных дискурсах смещаются с идеи пространственно-временного дистанцирования Других [3. С. 174—175] на концептуализацию индигенности в глобальной перспективе. По мере того как индигенность «глобализируется»/«интернационализируется» [19. Р. 303—306], она утрачивает однозначную сопряженность с определенными типами обществ или культурными сценариями аутентичности и традиционных образов жизни. Вместе с тем такие концепты, как «международный индигенизм» и «цифровая идентичность» [22. Р. 66—80] коренных народов, прежде воспринимавшиеся как оксюморон, становятся реальностью XXI века. И, наконец, культурная перспектива индигенности определяется как теми, кто относится к этой категории, так и многочисленными другими — неиндигенными — акторами.

Переосмысливая антропологию: от «слота дикаря» к «индигенному слоту»

Среди работ, ознаменовавших смену парадигм в социальных и гуманитарных науках почти полвека назад [5; 12; 14], особое место занимает статья М.-Р. Труйю «Anthropology and the savage slot: Poetics and politics of the otherness» (1991). Труйю не только исследовал сценарии формирования и паттерны символической организации «слота дикаря» как пространства локализации Другого в социальной антропологии и — более широко — в контексте интеллектуальной истории Запада (современности), но и предложил «язык» описания условий его коллапса [25. Р. 449; 29. Р. 1—2]: «слот дикаря» обретает осязаемые контуры в условиях придания релевантности состоянию изоляции, непризнания эпистемологического статуса голосов коренного населения, а также фокуса на инаковости, т.е. на культурных различиях, соотносимых с экзотичным и радикально Другим [29. Р. 19, 124].

В дисциплинарных рамках социальной антропологии последнее становится настолько рутинной практикой, что «to other» (создавать Другого или категоризировать объект исследования как Другого) используется как глагол наряду с терминами «угнетать», «маргинализировать» и «дискриминировать» [25. Р. 449]. Не менее важным фактором воспроизводства символических границ «слота дикаря» в методологическом плане становятся отношения триангуляции — отождествления поля как объекта исследования, объекта наблюдения и места, где что-то происходит [29. Р. 124—126].

Несмотря на то, что «слот дикаря», как и аналогичные символические структуры, существенно сужает или упрощает видение социокультурной реальности, акцентируя внимание на одних аспектах ландшафта и его обитателях и игнорируя другие [18. Р. 153], этот концепт стремительно приобрел популярность в академической сфере. Выявленная Труйю логика формирования слотов позволяет взглянуть на глобальные социокультурные трансформации не только с точки зрения постулирования очередного кризиса антропологии или в терминах «ускользающего мира» коренных народов [22. Р. 70], но и в контексте значимых проблем собственной культуры. Именно в этом смысле, как заметил Дж. Роббинс, и «дикарь», и Другой сегодня «пребывают под покровом темноты» (или, возможно, вернулись туда) [25. Р. 450]. Иными словами, Запад утратил интерес к «дикарю», как только тот перестал играть роль различий и радикально Другого в его интеллектуальной жизни и способах самопонимания [25. Р. 454].

Смещение фокуса социальной антропологии со «слота дикаря» к «племенному слоту» (tribal slot) [18], «слоту страданий» (suffering slot) [25], и, наконец, к «индигенному слоту» (indigenous slot) [17] сопряжено не только с переосмыслением объекта исследования, но и с признанием множественных «частичных отношений» [28], связывающих субъекта и объект. В том числе речь идет о переосмыслении эпистемологического статуса индигенного дискурса [29. Р. 27], больше несводимого к сведениям, предоставляемым информантом «о своей культуре» [21. Р. 681]. В рамках «индигенной антропологии», ориентированной на проведение исследований «в поле своей культуры», во многом преодолеваются практики реификации этнографического Другого, обретающего свою сущность на основе дихотомии западного—незападного (индигенного), в том числе в терминах наблюдатель—информант [10. Р. XXV—XXVIII; 21]

Еще более значимые изменения происходят, когда индигенные акторы вовлекаются в процесс концептуализации собственной культуры и ее репрезентации в национальных и глобальном контекстах. Но как трансформируются сами индигенные акторы, неизбежно конституирующие свою идентичность относительно общественного мнения, национального законодательства и международных конвенций [8. Р. 4]? Этнографические тексты и антропологические версии культуры могут становиться источником возвращения «утраченного знания» в культурные конфигурации [23. Р. 235]. Заметим, что подобного рода практики в ряде контекстов понимаются индигенными акторами как репатриация культурного наследия. В этой связи современные индигенные формы социальности и культуры вряд ли могут быть исследованы и осмыслены вне контекста глубокой, сложной и проти-

воречивой вовлеченности друг в друга «индигенных и неиндигенных миров, онтологий и акторов» [13. Р. 3—7; 24. Р. 215], а также их практик. Именно артикуляция отношений индигенных и неиндигенных акторов и социальных институтов, подразумевающая реляционность и одновременно фокус на их соучастии в перманентном процессе производства культурных значений, придает зримые очертания конституируемым ими проектам «традиции» и «современности» [13. Р. 3—4, 11].

Как утверждает У. Ханнерц, в «современной глобальной ойкумене» не существует «действительно удаленного Другого», как не существует и «примитивных» сообществ — здесь представлены смешение и континуум разнообразных прямых и опосредованных включений [16. Р. 11]. Однако все больше народов в современном мире определяют себя как индигенных, соотнося себя с «индигенным слотом». Очевидно, эта тенденция обусловлена тем, что концепт «индигенности» входит в резонанс с историческим опытом и выраженными устремлениями многих социальных и культурных групп, маргинализированных в границах национальных государств [17. Р. 404], самостоятельно определять перспективы своего развития. Таким образом, индигенность сегодня подразумевает новый способ определения своего места в «глобализованном политическом пространстве» и появление «глобального индигенного субъекта» [17. Р. 404; 19. Р. 306; 22. Р. 66—74]. Именно эту тенденцию М. Салинз обозначил как «индигенизацию современности» [26. Р. 410].

Ускользящий мир коренных народов?

В социальном дискурсе только коренные, или «племенные», народы наделяются способностью утверждать, что их культура, идентичность и само существование неразрывно взаимосвязаны в том уникальном пространстве, что они занимают [18. Р. 68]. Парадоксальным образом этот паттерн формирования и репрезентации идентичности сохраняется и в условиях экстерриториальности коренных народов, с одной стороны, а также детерриторизации их культуры — с другой. Иными словами, в условиях глобализации они «приносят свою идентичность всюду, куда бы ни пришли и что бы ни делали» [9. Р. 190].

Как отмечает Дж. Клиффорд, в США, Австралии и Канаде большинство людей, идентифицируемых как индигенные, в настоящее время живут в городах [11. Р. 21]. Аналогичные тенденции наблюдаются в России, где численность городского населения у многих коренных малочисленных народов по данным переписей 2002 и 2010 годов достигает 30%. В ряде случаев процент городского населения оказывается еще более высоким — от 40% до 60% [6. С. 11]. Возникающие в городах социокультурные паттерны индигенности и в России, и за рубежом изучены недостаточно. Тем не менее, в научный дискурс включается концепт «аборигены-горожане» [6. С. 11] — еще один оксюморон, посредством которого выражается сложность и противоречивость социальных и культурных процессов в контексте индигенности. Репрезентация «аборигенами-горожанами» своей идентичности основывается на соединении идей «укорененности» и «мобильности» — «roots and routes», по определению Клиффорда [11. Р. 52]. Паттерны циркулярной

миграции на родину, к «очагу культурных ценностей», артикуляция ностальгии по утраченному «традиционному» образу жизни, а также формирование структурированных транслокальных (и транснациональных) сетей взаимодействия, сопоставимых с теми, что развивают диаспоры [2. С. 25; 11. Р. 21], становятся неотъемлемыми характеристиками «индигенности».

В широком смысле индигенность подразумевает признание особой значимости отношений между малочисленной группой и локальностью [19. Р. 319]. Критерий численности («малый», «малочисленный») — инструмент количественного измерения народов или сообществ, но в то же время он может ассоциироваться с их пространственной и культурной удаленностью, а также социальной маргинальностью. В эпистемологическом плане этот критерий имеет отношение к традиционной практике конституирования в качестве объекта антропологических исследований «малых» культур. Однако имеет ли какое-либо отношение масштаб явления, конституируемого в качестве объекта исследования, к логике его описания, интерпретации и объяснения [27. Р. У]? Причем каждое указание численности коренных народов в местах, признаваемых в социальном дискурсе территориями их традиционного обитания, имплицитно способствует «усилению символической власти границ, которые создают и воспроизводят эти меньшинства» [29. Р. 75]. С другой стороны, конструирование объекта исследования в логике мультипликации места наблюдения [29. Р. 126], осуществляемое в контексте вовлечения этих мест в глобальные культурные потоки, окончательно утрачивает свой эвристический потенциал.

Критический анализ формирования преимущественно в колониальных контекстах однозначной сопряженности концептов «туземный» (native) и «индигенный» (indigenous) с идеями культурной аутентичности и принадлежности определенному месту содержится в работах А. Аппадурай [7]. В последние десятилетия «воображаемый» мир сообществ, основанных на родстве, ускользает и с точки зрения смещения идеи соотношения этнической группы и аутентичной культуры, концептуально локализованных в границах определенных территорий, на периферию научных дискуссий. Вместе с тем современный дискурс индигенности, будучи направлен на преодоление «этнографической реальности Другого», воплощающей западную точку зрения на коренные народы, парадоксальным образом вбирает ряд идей и инструментов, сопряженных с прежними символическими структурами доминирования. Это относится, прежде всего, к способам концептуализации коренными народами своей культуры и идентичности, подразумевающим их локализацию в границах определенных территорий. Пересечение антропологической теории и индигенных практик в этом случае представляется очевидным [26. Р. 402—403].

Смещающиеся контексты индигенности

В то время как воспроизводство «слота дикаря» подразумевает, прежде всего, «стирание исторической специфики Другого» [29. Р. 72], социальные и культурные ландшафты индигенности отличаются разнообразием и противоречивостью [11. Р. 21]. Изменились характер и содержание дискурсов, поддерживающих ин-

дигенность, — сегодня они опираются преимущественно на термины «процессуальность», «незавершенность» и «амбивалентность» [11. Р. 13—14]. Так, с точки зрения реляционного подхода, индигенность возникает и развивается в диалоге с разными социальными движениями и неиндигенными акторами [17. Р. 406]. Концептуализация индигенности как феномена, характеристики которого всегда относительны, позволяет фокусировать внимание на отношениях между индигенными сообществами и «их другими», а не на свойствах, присущих только тем, кто определяется как «индигенный» [15. Р. 29; 19. Р. 304—305].

Индигенные—неиндигенные отношения (или реляционность) — институциональные, воображаемые и межличностные — выступают как важная часть повседневной жизни — они не могут быть ограничены только пространством прямых взаимодействий (или ситуациями избегания контактов). Ф. Мерлан обращает внимание не только на долговременные взаимоотношения акторов и культур, идентифицируемых как индигенные и неиндигенные, но и на последствия этих отношений для таких культурных практик, как паттерны взаимодействия и взаимопонимания, а также для сферы воображаемого [20. Р. 637]. Перефразируя Х. Арндт, можно сказать, что речь идет в том числе об «усвоенном прошлом» [1. С. 54]. Однако дискурс отношений как индигенных и неиндигенных не обязательно подразумевает их долговременный характер, как считает Мерлан. Согласно Й. Фабиану, «время, так же как язык или деньги, является носителем значения, формой, посредством которой мы определяем содержание отношений между собой и Другим» [14. Р. X]. Эти отношения могут сопрягаться с темпоральными концептами «приоритет во времени заселения территории», «укорененность», «аллохронизм» — для придания статуса индигенных культурным и социальным формам, обретающим свою релевантность в современных контекстах, в том числе транснациональным/глобальным субъектам.

Однако реляционное понимание индигенности не только вступает в противоречие с многочисленными попытками достижения консенсуса в том, кто же соответствует универсальным критериям, релевантным преимущественно в международно-правовых контекстах, или определенным условиям, позволяющим идентифицировать сообщества как индигенные [15. Р. 29], но и стимулирует выстраивание отношений по принципу коренной—некоренной. Так, в ряде социальных контекстов дискурс индигенный/местный—чужестранный/иммигрант разворачивается в соответствии с привычным сценарием эскалации социальной напряженности между категориями населения, дифференцируемыми по времени их пребывания в границах национальных обществ. Подобная ситуация складывается, например, в Западной Европе, где формируется пугающая тенденция использования тропа индигенный—иностранец для оправдания насилия по отношению к иммигрантам. Аналогичным образом в Индии, по данным Б. Карлсона, в контексте индуизма кристаллизуются паттерны отторжения мусульман, понимаемых как «иностранцы» или «чужаки» для священной Матери Индии (Bharat Mata) [17. Р. 417]. При этом развиваемый в лоне индуизма национализм может включать и политики индигенности [11. Р. 14].

Будучи вовлечена в глобальные потоки «путешествующих» идей и концептов (Дж. Клиффорд), индигенность проникает далеко за пределы тех колониальных

(и постколониальных) контекстов, где оформились ее архетипические модели. С одной стороны, перенесение идеи индигенности на другую почву сопровождается символическим переопределением социальных ситуаций и контекстов в целом, а также своеобразным «подстраиванием» (Х. Арендт) сообществ к риторике и формату индигенности. С другой стороны, сама индигенность приобретает новые смыслы и коннотации, в том числе инноваций. Один из показательных примеров трансформации индигенности демонстрируют Dalit в Индии: те, кто ранее в кастовой системе относился к «неприкасаемым», заявляют о своих притязаниях на статус индигенного народа и в конце 1990-х годов принимают участие в деятельности Рабочей группы по делам коренных народов в ООН. При этом Dalit считают себя самым многочисленным коренным народом в мире, насчитывающим 250 млн человек [17. Р. 408—409]. В Центральной Америке население афро-карибского происхождения находит «местные корни» и усваивает риторику индигенности наряду с американским хип-хопом и культурой потребления [11. Р. 21]. А на просторах Интернета огромную популярность приобретает идея о палестинцах как о коренном народе [22. Р. 77—78].

Концептуализация культурных сообществ и социальных отношений в терминах коренной—некоренной не бывает нейтральной [11. Р. 14] и может приводить к актуализации этнических границ и росту социальной напряженности. Так, многие шведы на севере Швеции считают себя в той же степени коренными, как и саамы [15. Р. 33]. Однако саамы крайне неоднородны: только 10—15% саамского населения занимаются оленеводством, рассматриваемым в качестве основного диакритика саамской культуры в шведском контексте. По Закону об оленеводстве права пользования землей для традиционных видов деятельности в Швеции предоставляются только при условии саамского происхождения, т.е. в терминах генеалогической модели [8. Р. 4—7]. Эта ситуация типична для локальных полиэтнических контекстов (в том числе в России), где длительное время развивались комплементарные формы взаимодействия между соседствующими группами, которые в какой-то момент времени дифференцируются и начинают определяться как индигенные и неиндигенные.

Дж. Фридман предлагает определять индигенизацию как процесс, ассоциируемый, с одной стороны, с «подлинно» индигенными сообществами, с другой — с крайне разнородными группами, апеллирующими к своим корням. Так, некоторые формы неоязыческих движений, или так называемые «новые племена» чернокожих американских индейцев, как например, Уошита (Washitaw), вполне соответствуют пониманию индигенности в широком смысле [15. Р. 39—42]. Однако вопрос, кто же в современном глобализованном мире соответствует критериям «подлинно индигенных», остается открытым, порождая устойчивый скептицизм относительно понятия «коренные народы» как универсального или же релевантного только в определенном национальном контексте [17. Р. 404]. По мере того как государства постепенно отказываются от жесткого регулирования в этой сфере, осуществляемого на основе классификационных схем и эссенциалистского концепта культуры, в пользу самоопределения народов и предпринимают тщетные усилия по гармонизации глобальных принципов сосуществования, проблемы,

связанные с определением критериев и фундаментальных оснований индигенности, становятся все более очевидны [8. Р. 1]. Поскольку культурные проекты и теоретические модели, подразумевающие сведение всего культурного разнообразия к ряду переменных или, в крайнем случае, к одному признаку, «составляющему его главную “сущность” и наиболее важное свойство» [4. С. 53], таят в себе опасность эссенциализации социокультурных феноменов, генеалогическая модель индигенности также признается «неадекватной» [8].

Переход от генеалогической модели индигенности к реляционной подразумевает не столько изменение критериев, сколько фундаментальные трансформации самих акторов (индивидов и сообществ), понимаемых как индигенные [8. Р. 1—4]. Вместе с тем концепты, выстроенные в соответствии с генеалогической моделью, сами могут становиться объектом дальнейших реинтерпретаций. Таким образом, в глобальном контексте индигенность в генеалогическом понимании, утверждаемая в терминах происхождения, родства и примордиальности, и индигенность как реляционный феномен тесно взаимосвязаны и образуют своего рода континуум: в обоих случаях индигенность конституируется с привлечением социальных институтов и инструментов коммуникации, что и обуславливает ее разнообразные культурные конфигурации.

Итак, описание и осмысление культурного разнообразия в таких терминах, как «частичные отношения», «интеркультурные отношения», «вовлеченность» и «реляционность», ставших популярными в социальных науках в последние десятилетия, открывает новую перспективу в исследованиях феномена индигенности. Так, включение в дискурс индигенности концепта «интеркультурные отношения» позволяет сместить фокус внимания с идеи взаимодействия культур как дискретных сущностей [20. Р. 637] на создание ими «контекста совместной жизни» [30. Р. 3]. Вместе с тем смещение фокуса социальной антропологии со схем дисциплинарной категоризации, подразумевающих помещение Другого в «слот дикаря» и — шире — всего того, что М.-Р. Труйо обозначил как «поэтики и политики слотов» [29. Р. 8], на частичные отношения, связывающие субъекта и объект, неиндигенных и индигенных акторов, сопряжено и с реконфигурацией проблемного поля науки в целом. Концепты, находящиеся в центре современных научных дискуссий, поддерживают дискурс индигенности как в эпистемологическом, так и в социокультурном аспектах.

Библиографический список / References

- [1] *Arendt H.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013 / *Arendt H.* *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara; 2013 (In Russ.).
- [2] *Balzer M.M.* Коренные космополиты, экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке // *Сибирские исторические исследования*. 2014. № 2 / *Balzer M.M.* *Korennyye kosmopolity, ekologicheskaya zashchita i aktivizm v Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Indigenous cosmopolitans, ecological defense, and activism in Russia's Siberia and the Far East]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [3] *Бевеернаж Б.* Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени //

- Социология власти. 2016. № 2 / Bevernage B. Allokhronizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost. Kritika proekta radikalnoy sovremennosti Johannes Fabiana i dovody v polzu novoy politiki vremeni [Allochronism, coevalness and modernity. Criticism of the project of radical modernity by Johannes Fabian and the arguments in favor of the new time policy]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2016; 2 (In Russ.).
- [4] Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006 / Calhoun C. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow: Territoriya budushchego; 2006 (In Russ.).
- [5] Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006 / Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Saint Petersburg: Russky mir; 2006 (In Russ.).
- [6] Функ Д.А. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2 / Funk D.A. Vvedenie k spetsialnoy teme nomera [Introducing the theme]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [7] Appadurai A. Putting hierarchy in its place. *Cultural Anthropology*. 1988; 3 (1).
- [8] Beach H. Self-determining the Self: Aspects of Saami identity management in Sweden. *Acta Borealia. Nordic Journal of Circumpolar Societies*. 2007; 24 (1).
- [9] Beteille A. The idea of indigenous people. *Current Anthropology*. 1998; 39 (2).
- [10] Bunzl M. Foreword: Johannes Fabian's time and Other: Synthesis of critical anthropology. Fabian J. *Time and the Other. How Anthropology Makes its Object*. New York: Columbia University Press; 2002.
- [11] Clifford J. *Returns. Becoming Indigenous in the Twenty-First Century*. Cambridge: Harvard University Press; 2013.
- [12] Clifford J., Marcus G. (Eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press; 1986.
- [13] Dussart F., Poirier S. Knowing and Managing the Land: The Conundrum of Coexistence and Entanglement. Dussart F., Poirier S. (Eds.) *Entangled Territorialities. Negotiating Indigenous Lands in Australia and Canada*. Toronto: University of Toronto Press; 2017.
- [14] Fabian J. *Time and the Other. How Anthropology Makes its Object*. New York: Columbia University Press; 2002.
- [15] Friedman J. Indigeneity: Anthropological notes on a historical variable. Minde H. (Ed.) *Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity*. Eburon: Eburon Akademik Publishers; 2007.
- [16] Hannerz U. *Transnational Connections. Culture, People, Places*. London — New York: Routledge; 1996.
- [17] Karlsson B. Anthropology and the “indigenous slot”. Claims to debates about indigenous people's status in India. *Critique of Anthropology*. 2003; 23 (4).
- [18] Li T.M. Articulating indigenous identity in Indonesia: Resource politics and the tribal slot. *Comparative Studies in Society and History*. 2000; 42 (1).
- [19] Merlan F. Indigeneity: Global and local. *Current Anthropology*. 2009; 50 (3).
- [20] Merlan F. Theorizing relationality: A response to the Morphys. *American Anthropologist*. 2013; 115 (4).
- [21] Narayan K. How native is a ‘native’ anthropologist? *American Anthropologist*. 1993; 95 (3).
- [22] Niezen R. *A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization*. Oxford: Blackwell Publishing; 2004.
- [23] Peterson N. Is there a role for anthropology in cultural reproduction? Maps, mining and the “cultural future” in Central Australia. Dussart F., Poirier S. (Eds.) *Entangled Territorialities. Negotiating Indigenous Lands in Australia and Canada*. Toronto: University of Toronto Press; 2017.
- [24] Poirier S. Nehirowisiw territoriality: Negotiating and managing entanglement and coexistence. Dussart F., Poirier S. (Eds.) *Entangled Territorialities. Negotiating Indigenous Lands in Australia and Canada*. Toronto: University of Toronto Press; 2017.

- [25] Robbins J. Beyond the suffering subject: Toward an anthropology of the good. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2013; 19 (3).
- [26] Sahlins M. Two or three things that I know about culture. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1999; 5.
- [27] Strathern M. (Ed.) *Shifting Contexts. Transformations in Anthropological Knowledge*. London — New York: Routledge; 1995.
- [28] Strathern M. *Partial Connections, Updated Edition*. Walnut Creek: AltaMira Press; 2004.
- [29] Trouillot M.-R. *Global Transformations. Anthropology and the Modern World*. New York: Palgrave Macmillan; 2003.
- [30] Zapata-Barrero R. Interculturalism: main hypothesis, theories and strands. Zapata-Barrero R. (Ed.) *Interculturalism in Cities: Concept, Policy and Implementation*. Cheltenham: Edward-Elgar Publishing; 2015.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-387-396

Indigeneity in the context of globalization: epistemological and sociocultural aspects*

M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University
Universitetskaya Nab., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. In recent decades, the “indigenization of modernity” has become one of the significant trends of the reconfiguration of landscapes of social and cultural diversity. In its contemporary meaning, the concept of indigeneity expresses the desire of indigenous peoples and various social and cultural communities, formerly marginalized within the borders of national states, to independently determine their development. From the global perspective, indigeneity is no longer associated with certain types of societies or cultural scripts of authenticity and traditional lifestyles. Indigenous actors cease to play the role of the Other in contemporary discourses and intellectual life of the West. The transition from the genealogical model of indigeneity based on the ideas of origin, kinship and cultural authenticity to the relational model allows to shift the focus from the features of the indigenous ones to the relationships between indigenous and non-indigenous actors. Indigenous peoples constitute and represent their culture taking into account public opinion, national legislation and international conventions, which leads to the fundamental transformation of the actors themselves. Their characteristics can no longer be represented only in terms of primordality. Under globalization, the cultural patterns of indigeneity are diverse and conceptualized on the basis of new approaches to the study of the social organization of cultural diversity and models of its management. The concepts “partial relations”, “entanglement” and “intercultural relations” constitute the discourse of indigeneity, which implies recognition of multiple partial relations connecting subject and object, indigenous and non-indigenous worlds and cultural practices. Changes in the discourse of indigeneity both in social-cultural and epistemological aspects are also associated with reconfiguration of the thematic field of social anthropology.

Key words: social anthropology; indigenous peoples; globalization; indigeneity; relational approach; intercultural relations

* © M.S. Kuropjatnik, 2019.

The article was submitted on 03.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405

Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO University)
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. Digitalization of society has ambivalent consequences: there are new benefits ('smart' technologies, artificial intellect, multiple knowledge), but at the same time digital risks and metamorphoses that traumatize the behavior and thinking of people, alienate them from social ties and life-worlds. These processes have become a challenge for sociology and other social sciences that strive to develop new approaches, among which the digital and humanistic turns are the most relevant. The author aims at (a) analyzing the impact of digitalization on the production of metamorphoses and side effects on society and man, which are related to new complex risks and manifest challenges to sociology; (b) developing the contours of the conception of 'the digital turn in sociology' and identifying its essence in comparison with other, previous turns in sociology — linguistic, risk, cultural, etc.; (c) proposing the means that allow to overcome or minimize the side effects of the existing type of digitalization — the author argues for the demand to move sociology in the direction of the integral use of the instruments of the digital and humanistic turns. The article considers new challenges to mankind and scientific knowledge as determined not so much by the very process of digitalization, but by its existing type based on principles of formal rationality, pragmatism, and mercantilism neglecting, in fact, life-worlds of people. This type of digitalization is not 'universal' and can be changed by an alternative humanistic trend of digitalization. In order to begin establishing the humanistic trend of digitalization scientists should integrate the theoretical instruments of the proposed digital turn with other interdisciplinary turns and especially with the humanistic turn.

Key words: complex society; digitalization; side effects; digital risks; digital metamorphosis; centrifugal tendencies; digital turn; humanistic turn

One of the main features of the emerging complex society is digitalization which has the objective grounds: the current fourth industrial revolution radically transforms society and man. The consequences of digitalization are ambivalent: on the one hand, 'the digital' empowers people with new 'smart' technologies based on artificial intellect, provides with an immediate access to multiple knowledge; on the other hand, digitalization leads to uncertainties beyond the 'world risk society' which have already produced the following vulnerabilities: (1) 'delocalization' (its risks are not limited to the geographical space); (2) 'incalculability' (its consequences are basically incalculable);

* © S.A. Kravchenko, 2019.

The article was submitted on 03.04.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

(3) ‘incompensability’ (no money can make up for irreversible climate change or interventions in human genetics) [2. P. 52]. These risks have not disappeared and continue to produce traumatic and uncertain effects. However, even greater uncertainties and vulnerabilities have appeared due to the emergence of the ‘digital risk’ and the ‘digital metamorphosis of society, intersubjectivity and subjectivity’. Moreover, the new digital realities release people from social, cultural and humane bonds, determine centrifugal tendencies and produce “digital humans, whose metamorphosed existence questions traditional categories, such as status, social identity, collectivity and individualization” [3. P. 141, 146]. They also do harm by producing e-waste and potential threats of ‘liquid catastrophes’ [17].

However, the new challenges to the mankind are not so much in the very process of digitalization but in its existing type based on such principles of management as formal rationality, pragmatism, and mercantilism neglecting life-worlds of people. This type of digitalization was chosen under the influence of wealth values and norms of the first, second, and third industrial revolutions considered as ‘universal’, which should be changed today. Thus, another trend of digitalization is possible — with the humanistic nature. In order to move to the humanistic digitalization, the scientists need to integrate the theoretical-methodological instruments of the digital turn in sociology with other, previous interdisciplinary turns, especially with the humanistic one.

The article is based on the complex interdisciplinary theoretical approaches such as: (a) the theory of the ‘arrow of time’ proposed by the Nobel prize-winner I. Prigogine, according to which everything develops increasingly quicker and in a more complex way [22] — his ideas are applied to analyze the dynamics of change from linear to non-linear knowledge, and manifest and latent effects of technological innovations including their influence on the production of more complex risks and vulnerabilities [13. P. 3—12]; (b) U. Beck’s theories of ‘tragic individualization’, ‘world risk society’, and ‘the metamorphosis of the world’ [2; 3]; (c) Ch. Perrow’s theory of ‘normal accidents’ [20; 21]; and (d) J. Urry’s paradigm of ‘new catastrophism’ [23]. Special emphasis is made on the first theoretical attempts to establish ‘the human spirit’ in the digital turn and to minimize the side effects of digitalization [19; 24].

The proposed contours of the concept of the ‘digital turn in sociology’ are based on the synthesis of the digital and humanistic turns. In order to overcome the side effects and collateral damage of digitalization, sociologists should use the achievements of both social sciences and humanities. Such integralism, on the one hand, allows to predict complex risks and vulnerabilities, new turbulences, traumas, and metamorphoses of society; on the other hand, to ‘insert’ the human spirit and cultural foundations into digitalization and other technological innovations, which would allow to begin searches for new forms of humanism adequate to the contemporary complex realities. The digital turn with the humanistic essence is an ethical imperative aimed at revealing the dynamic and complex nature of the contemporary society.

To achieve this goal, we have to consider (1) the impact of digitalization on the production of metamorphoses in society and man; (2) the conception of digital turn in socio-

logy. First, in its most general form, metamorphosis is a radical transformation of something (someone) into a different reality or quite another mode of being. In everyday life, one can observe the metamorphoses of a seed into a plant, a caterpillar into a butterfly, a tadpole into a frog. According to E. Goffman, in social life metamorphoses are quite possible: the ‘normal’, after being stigmatized, has the potential to become ‘normal’ again [10]; with appropriate efforts an individual can not only be rehabilitated but even become a celebrity [11. P. 463], and metamorphoses have become much more complex since Goffman’s times.

Digitalization influences greatly the birth of the new generation of complex metamorphoses, which presuppose non-linear, irreversible changes in social life. Their essence is mainly manifested in side effects of human innovations [15. P. 3—14]. Thus, A. Elliott and J. Urry argue that digital technologies require the metamorphosis of theorizing mobilities as they produce quite another mode of social mobility in the form of miniaturized mobilities. Their side effects enter our life and other new social patterns in four basic ways: 1) “mobile connectivity, which, in constituting the person as the portal, unties the self from specific locations or places and reconfigures identity as dispersed, adrift, ‘on the move’”; 2) “continuous coordination of communications, social networks and the mobile self”; 3) “strategic travel planning and communications scheduling become of key importance”; 4) “technological unconscious comes to the fore ... it is necessary to speak of a technological unconscious at work in the negotiation of social relations involving high degrees of absence, distance and disconnection” [9. P. 30—33]. These realities have become a part of nowadays digital life. They do not only make our life on the constant move but also radically change social, cultural, and emotional modes of being in it.

Digitalization has changed greatly the essence of communication of the industrial modern. One can see the rise of a new type of societal communication, which M. Castells conceptualized as ‘mass self-communication’ based on self-generated content, self-directed emission, and self-selected reception. So, there is a ‘new communication realm’ whose “backbone is made of computer networks, whose language is digital, and whose senders are globally distributed and globally interactive”. In fact, a new metamorphosed culture develops — “the culture of real virtuality, in which the digitalized networks of multi-modal communication have become so inclusive of all cultural expressions and personal experiences that they have made virtuality a fundamental dimension of our reality” [8. P. xxx, xxxi]. The culture of real virtuality provides new communicative opportunities (linking global and local at ‘timeless time’, reaching a mass audience), but its side effects are the erosion of life-worlds — our perception of social problems is limited to the social circle of our communication; passive forms of existence prevail, which are not focused on the development of passionarity and not aimed at socially significant transformations.

The side effects of digitalization are also manifested in the centrifugal tendencies. Not so long ago social mobilities were relatively long-term and largely structured. Nowadays there are unstructured centrifugal mobilities in the form of flows of people,

knowledge, information and money, which are practically not controlled by states and do not depend on social-cultural practices. Today people are predisposed to these mobilities based on digital content (study, work or even love at a distance), which leads to delocalization of human ties beyond national societies, weakens and significantly changes the nature of traditional social institutions designed to act as mediators in the interests of various social groups. According to U. Beck, the ‘digital risk’ and the ‘digital metamorphosis of society’ cause the ‘failure in the functioning of institutions’ [3. P. 141, 146], threaten pluralism of social meanings and determine diffusion of identities. People are increasingly facing risks from other countries but do not have rooted cultural content to identify such risks. The situation is aggravated by the fact that public institutions do not efficiently confront these challenges. The dispersion of values becomes a norm — we consider it as ‘normal anomie’ [14. P. 3—10]. As a result, people tend to get rid of institutional relations and attachments to the local cultural context, and begin to depend more on themselves, on the consequences of their own risks. Therefore, there is a decrease in controllability and at the same time an increase in risks in the process of making socially significant decisions. There are also obvious tendencies of individualized forms of existence, passive in their essence, which contribute to the development of loneliness.

Labour activity is changing due to metamorphoses — it becomes more and more centrifugal. New professions develop, which are largely facilitated by the digital factor. At the same time precarization has come into our life — in the labor market it is manifested in the growing decentralization of employment: registered and unregistered unemployment is increasing, full-time work is replaced by part-time ‘fluid’ employment, the boundaries between working and non-working time disappear. Precarization displaces many professions from the labor market including even those that involve high qualification. There is a ‘paradoxical metamorphosis’: “in many countries of the world we have the best ever educated generation, which, however, is threatened by a hitherto unknown degree of unemployment” [3. P. 196].

Digitalization penetrates into the family relations producing conflicts of interest between love, family and personal freedom — the traditional family turns into the family ‘for now’: one can see ‘love at a distance’ and the rise of ‘world families’ [4]. As a result, traditional gender roles change, which creates risks for both men and women (late birth of the first child, divorces).

A specific kind of digital risks is the ‘digital freedom risk’ that “was not triggered by a catastrophe in the traditional sense. Rather, it was triggered by the mismatch between the perceived and the actual reality of freedom in contemporary (Western) societies... The real catastrophe would actually be an unseen hegemonic control on the global scale” [3. P. 141—142]. People who value individual freedoms will be particularly affected by this ‘liquid’ new catastrophe, which, while being invisible, undermines the protection of privacy as a fundamental human right.

Second, the conception of the digital turn in sociology is based on a number of important postulates. Many scientists accept the demand for innovative approaches to the analysis of the effects of ‘arrow of time’ and new complex social and natural

realities. To make a description of these realities, it was necessary to pass from linear to non-linear knowledge and to study integrally both manifest and latent side effects of innovations. There are new paradigms based on the synthesis of sociological approaches with other sciences such as: the linguistic turn (L. Wittgenstein, M. Heidegger, M. Foucault); the risk turn (U. Beck, A. Giddens, N. Luhmann); the cultural turn (J.C. Alexander); the complexity, mobility, and resource turns (J. Urry), etc. The theoretical-methodological instruments of these turns contributed significantly to the analysis of network societies, technologies and environments but they are limited as far as the analysis of the digital is concerned.

The essence of the proposed digital turn is fundamentally different from other turns: despite the integral nature of all these turns, they suggest some determinism (for example, the focus is on the great role of discourse in the analysis of social-cultural realities or on factors of ‘new catastrophism’ in the interpretation of climate turbulences). The digital turn does not have any determinism, because the digital reality is a super complex one, presented, in particular, in many devices of artificial intellect or in the digital world of ‘smart’ machines with super-complex content, or in the very digital life. The digital turn’s influence on society and man is many-sided and multiple. The diagnostics of the digital turn cannot be conducted by focusing on a particularly important role of some factors or specific methodologies for it is based on the results of all previous turns but also uses the new methodological concepts such as ‘united cities’, ‘cosmopolitan communities of risk’, ‘expropriation through risk’, ‘metamorphosis of traffic’, ‘metamorphosis of conflict’ and many others [3. P. 164—179]. All these new concepts and approaches emphasize that the consequences of digitalization are multiple and ambivalent. Thus, on the one hand, N. Marres argues that “‘the digital’ entails changes in the relations between technologies and social life; between knowledge, society and technology” [18. P. 11]; and J. Bustillos sees the benefits of digital technologies in “enabling and generating a new response-ability to both students and educators” [6. P. 159]. But, on the other hand, as W.H. Vanderburg states, digitalization negatively effects ‘the human spirit’ [24]; and V. Mosco believes that people are sometimes unaware of the total digital surveillance and collection of information about them [19. P. 166].

Certainly, digitalization affects ambivalently the essence of the contemporary risk defined as the anticipation of dangers and bads. The digital reality gives birth to a paradox of the coexistence of riskophobia and riskophilia [16. P. 3—13]. Some people prefer a rooted, imbedding lifestyle prone to riskophobia, anticipate the risks of ‘expropriation’ of humanism and human spirit promoted by digitalization, seek to avoid the consequences of risks considered as extremely unfavorable for life and culture, and see the salvation from such risks in stable social practices. Other people, especially the youth, tend to riskophilia: their lifestyle includes dangerous professional activities (participation in rescue operations, playing on the stock exchange, etc.) or risky fun practices and enjoyments (football fans’ fighting, ‘adventure holidays’). Quite often riskophilia activities involve the use of innovative technical and digital devices. These practices develop motives of pleasure from the anticipation of risks and their consequences — over-

coming the boundaries between themselves and digital realities. In fact, a new social type of digital risk-taker has emerged, whose behavior and thinking aims at developing courage, will, self-esteem, the ability to produce risk spectacular performances for global audiences.

All previous turns in sociology aimed at understanding the results of revolutionary transformations in specific social spheres. The digital turn affects practically all social spheres. On the one hand, it scientifically analyzes new complex metamorphoses and especially the digital metamorphosis: according to U. Beck, it is “essentially different from digital revolution. Digital revolution describes a mainly technologically determined social change... the notion of revolution suggests that change is intentional, linear and progressive... Digital metamorphosis, on the contrary, is about non-intentional, often unseen side effects, which create metamorphosed subjects, — i.e. digital humans”. On the other hand, the digital turn as compared with other turns “weaves together new patterns what were previously thought of as separate: cooperation and competition; economy and environment; equality and inequality; solidarity and self-interest; localism and cosmopolitanism. None of these binaries works any longer if we want to capture and diagnose the metamorphosis” [3. P. 145—146, 180].

Third, practically there is no systemic management and regulation of digitalization. Public administration should be reoriented from large-scale social communities (classes, nations), which, as B. Anderson argues, become ‘imagined communities’ [1], to fragmented social associations even limited by space-time boundaries. The governors should take into account the weakening traditional institutions (family, neighborhood, school, labor collective) that previously contributed to the adaptation of the younger generations to the uncertainties and risks in their life. It is necessary to learn to manage the emerging digital realities, whose functionality is based on the interests of relatively small, ‘short-term’ social groups including young families, sport and fan organizations, representatives of the precariat.

It is important to support initiatives of developing slow, smart, and humane digital practices aimed at maintaining the role of life-worlds and imbedding lifestyles. Humanistic trends in digitalization can be implemented in the centers of sports, health, recreation, in incubators of scientific and business initiatives, in cooperation and competition while selecting candidates for management positions. In the educational sphere it is necessary to help students to learn both benefits and side effects of digitalization, which will make the intellectual foundations for the integral management of economy and environment to support their synchrony. M. Castells argues that “there is no such thing as a non-human economy. There is an inhuman economy”. However, there are already practices “aimed at finding new forms of economic activity... including the search for ecological production and consumption that would be compatible with living together on the blue planet” [7. P. 3, 209].

Digitalization affects equality and inequality, solidarity and self-interest. Society needs to purposefully create a stable moral atmosphere based on the triumph of social justice, honoring winners in different solidarity activities. It is necessary to overcome

social fears of numerous and complex reasons, among them not so much the real digital risks but rather the anticipation of dangerous inequalities produced by the digital. These social fears can be overcome if we develop new humanistic patterns adequate to contemporary complex realities.

In order to effectively manage digitalization, there is a request to scientists and political elites to use integrally the instruments and achievements of different turns, and such integralism cannot be a mechanical simple unity of advanced scientific achievements. A special emphasis should be made on the move of social and humanitarian theories to the interaction of their theoretical and methodological approaches with natural sciences, in particular, with the theories of chaos, complexity, new catastrophism [12]. This mutual integralism of turns would create the possibilities to go beyond disciplinary borders and to acquire a complex interdisciplinary knowledge that would allow, on the one hand, to take into account all possible paradoxes, digital metamorphoses and their consequences, and, on the other hand, to search for and approve forms of humanism adequate to the epoch of digitalization, including the humanistic orientation of any scientific research and innovation as an ethical imperative.

W.H. Vanderburg analyzes the side effects of digitalization expressed in the metamorphosis of human relations into technical ones and argues: “In contemporary mass societies, each new generation must gradually be socialized into a technical order, even though doing so begins with entering what little remains of the culture-based connect-edness... children and teenagers become more dependent on ‘googling’ everything, causing them to leave behind what little they have acquired of a symbolic universe of sense” [24. P. 261, 263]. R. Braidotti tries to develop a new type of humanism underlining that “contemporary science and technologies affect the very fiber and structure of the living and have altered dramatically our understanding of what counts as the basic frame of reference for the human today” [5. P. 40]. In fact, we have begun to change all cultural meanings and values according to the digital world and digital humans. Accordingly, these digital realities qualitatively change the meanings of humanism, happiness, and justice. They were social-cultural, rooted in values and norms, but nowadays they are becoming digital: successes in life and ontological security are largely determined by individuals’ adaptations to the digital environment. People, being exposed to digital codes of signification of God and Evil, become more and more dependent on technological realities that determine the nature of their behavior. And the mode of thinking is especially deformed: outside the rooted cultural values and life-worlds it is simplified to the functioning of digital technology. Under such conditions the unity of the digital and humanistic turns is of particular importance.

Digitalization is a great challenge to sociology. The digital risks and metamorphoses have not only determined social and cultural changes but radically transformed the nature of society and man, taking them out of the social bonds and cultural life-worlds. To meet these challenges scholars from different fields have begun to develop new integral approaches with a humanistic essence. There is a hope that scientists and then politicians would use the integral achievements of the digital and humanistic turns to ensure

the transition of societies to a fundamentally different trend of development with the cultural foundations of all digital practices. New cosmopolitan actors of change presented by scientific communities are increasingly supporting humanization of digitalization with an awareness that alternative life-worlds, humane in nature, should be formed — one can already see the birth of new ethical realities based on humanism, solidarity, and security instead of pragmatism and formal rationalism.

References

- [1] Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso; 1983.
- [2] Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press; 2010.
- [3] Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press; 2016.
- [4] Beck U., Beck-Gernsheim E. *Distant Love: Personal Life in the Global Age*. Beck-Gernsheim; 2014.
- [5] Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press; 2015.
- [6] Bustillos J. The digital divide. Neoliberal imperatives and education. S. Isaacs (Ed.). *European Social Problems*. London — New York: Routledge; 2017.
- [7] Castells M. (Ed.) *Another Economy is Possible*. Cambridge: Polity Press; 2017.
- [8] Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2010.
- [9] Elliott A., Urry J. *Mobile Lives*. New York: Routledge; 2010.
- [10] Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York: Simon and Schuster; 1963.
- [11] Goffman E. On cooling the mark out: Some aspects of adaptation to failure. *Psychiatry*. 1952; 15 (4).
- [12] Kravchenko S.A. Sociology on the move to interaction of theoretical and methodological approaches. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2011; 1 (In Russ.).
- [13] Kravchenko S.A. Becoming complex social reality: Issues of vulnerabilities. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2013; 5 (In Russ.).
- [14] Kravchenko S.A. ‘A normal anomie’: Contours of conception. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2014; 8 (In Russ.).
- [15] Kravchenko S.A. Metamorphoses: Essence, increasingly complex types, place in sociology of knowledge. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2017; 10 (In Russ.).
- [16] Kravchenko S.A. The coexistence of riskophobia and riskophilia — an expression of ‘normal anomie’. *Sotsiologicheskie Issledovania*. 2017; 2 (In Russ.).
- [17] Kravchenko S.A., Perova A.E. ‘New catastrophism’ and the future: The demand for non-linear knowledge. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 17 (4).
- [18] Marres N. *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge: Polity Press; 2017.
- [19] Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2017.
- [20] Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1999.
- [21] Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press; 2011.
- [22] Prigogine I. *The End of Certainty*. New York: Free Press; 1997.
- [23] Urry J. *Climate Change and Society*. Malden: Polity Press; 2011.
- [24] Vanderburg W.H. *Our Battler for the Human Spirit: Scientific Knowing, Technical Doing, and Daily Living*. Toronto: University of Toronto Press; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405

Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота*

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел России
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Цифровизация социума имеет амбивалентные последствия: появились новые достижения («умные» технологии, искусственный интеллект, доступ к разнообразному знанию), однако возникли и цифровые риски и метаморфозы, травмирующие человеческий дух, поведение и мышления людей, высвобождая их из контекста социальных связей и жизненных миров. Данный процесс стал вызовом для социологии и других наук — разрабатываются новые подходы, среди которых цифровой и гуманистический повороты. Автор анализирует воздействие цифровизации на социум и человека (производство метаморфоз и побочных эффектов, порождающих новые сложные риски), разрабатывает контуры концепции «цифрового поворота в социологии», показывая его суть в сравнении с более ранними методологическими поворотами (лингвистическим, рискологическим, культурным и пр.), предлагает средства, позволяющие минимизировать побочный ущерб реализуемого сегодня типа цифровизации, — в частности, развитие социологии в направлении интеграции ресурсов цифрового и гуманистического поворотов. В статье утверждается, что новые вызовы человечеству и научному знанию проистекают не столько из самого процесса цифровизации, сколько от его нынешнего типа — основанного на принципах формальной рациональности, прагматизма и меркантилизма, фактически игнорирующих жизненные миры людей. Данный тип цифровизации не является универсальным и может быть заменен на альтернативный гуманистический ее вариант. Чтобы начать переход к гуманистическому тренду развития цифровизации, ученым следует интегрировать теоретический инструментарий цифрового поворота с другими междисциплинарными подходами, в первую очередь, с гуманистическим поворотом.

Ключевые слова: сложный социум; цифровизация; побочные эффекты; цифровые риски; цифровая метаморфоза; центробежные тенденции; цифровой поворот; гуманистический поворот

* © Кравченко С.А., 2019.

Статья поступила 03.04.2019. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-406-418

К проблеме классификации революций*

Э.Э. Шульц

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10А, Москва, 105005, Россия
(e-mail: nuap1@yandex.ru)

Статья посвящена одной из основополагающих проблем теории революции — классификации революций. В статье рассматриваются четыре наиболее популярных в последние десятилетия определителя революций, которые задают типы данного явления. Речь идет об использовании таких терминов, как «революция сверху», «революция снизу», «народная революция» (маркер настоящей революции — «снизу»), «пассивная революция» и «консервативная революция». Все эти понятия имеют общее методологическое основание, в своих определениях тесно взаимосвязаны и несут в себе общие проблемы использования для классификации революций. Автор разбирает принципы появления этих терминов и возможность их применения как классифицирующих применительно к революции, обозначая два ключевых вопроса: 1) охватывает ли классификация (как и определение) все известные социально-политические революции; 2) не позволяет ли классификация (определение) попасть в список революций явлениям, пусть и сходным по ряду внешних признаков, но принципиально отличным от революций. Главная проблема современных работ заключается в систематизации революций согласно приведенным названиям, возведенным в ранг классифицирующих определений. Более того, эти «новые типы революций» добавляются к существующим системам классификаций, что порождает путаницу и размывание границ понятия «революция», позволяя «протаскивать» в него иные социально-политические феномены — радикальные и массовые формы протеста, реформы и государственные перевороты. Понятия «революция сверху», «революция снизу», «народная революция», «пассивная революция» и «консервативная революция» могут сохранять общественное звучание и использоваться на бытовом уровне, возможно, даже в общественно-политическом пространстве (что, правда, вызывает сложности), но не являются научными терминами и основаниями для научной классификации революций.

Ключевые слова: революция сверху; революция снизу; пассивная революция; консервативная революция; народная революция; классификация революций

На сегодняшний день проблема классификации революций — распределение их по видам и типам — является одной из ключевых в теории революции [36]. Поскольку нет единого мнения по вопросу определения этого социально-политического феномена и причин его возникновения, проблемы классификации отражают общий кризис подходов к изучению революций. Если систематизировать существующие подходы к классификации революций, то их можно разделить в зависимости от: 1) выдвигаемой теории предназначения — формационная (буржуазные, буржуазно-демократические, коммунистические), модернизационная (ранние и поздние революции Нового и Новейшего времени), цивилизационная (западная-восточная, революции в странах Третьего мира); 2) предполагаемых движущих сил («революция сверху», «дворцовая революция», «народная»,

* © Шульц Э.Э., 2019.

Статья поступила 01.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

«крестьянская», «пролетарская» и др.); 3) в зависимости от идеологической направленности (пассивная, консервативная) и др. Проблема классификации революций и распространенные ее виды уже были нами рассмотрены [36], поэтому остановимся на наиболее популярных в последние десятилетия названиях революций, которые возведены в типы данного явления. Речь идет о понятиях «революция сверху», которой противопоставляется «революция снизу», и определитель «народная» как маркер настоящей революции, а также терминах «пассивная» и «консервативная» революция.

Термин «революция сверху» как отвлеченное понятие и обозначение отдельного вида/типа революции используется множеством исследователей [5. С. 62; 48. Р. 413]. «Революцией сверху называют реформы политических и социальных структур, инициированные властью, реформистским переворотом, без массового насилия и восстания, что было свойственно великим революциям» [44. Р. 2]. В понятии «революция сверху» мы находим «дворцовые революции» и «публичные дворцовые революции» в классификации Дж. Петти [49. Р. 15—17], «заговор и переворот» П. Загорина [57. Р. 42], «элитарные революции» и часть «политических революций» в классификации Дж. Голдстоуна [5. С. 62], даже «обратные», или «реверсивные», революции [43. Р. 3915].

Наиболее часто используемое определение «революции сверху» принадлежит Э. Тримбергер [53. Р. 10] — это попытка бюрократов, зависимых от власти, устранить потенциальную политическую оппозицию со стороны тех, у кого сосредоточена экономическая сила [55. Р. 29]. Цель — разрушение экономической и политической основы аристократии (бюрократия направляет свои действия на разрушение экономической и политической базы аристократии) [55. Р. 3]. Революцию сверху осуществляют гражданские чиновники высшего ранга, выступающие против «старого режима». Массовое участие здесь минимально, поскольку революционеры пытаются достичь своих целей манипуляцией, а не манифестациями и протестами, почти нет насилия и отсутствует радикальная идеология [55. Р. 3]. Действия по консолидации политической власти стремительны, потому что обе силы испытывают недостаток массовой поддержки, а бюрократия боится продолжительного противостояния со стороны экономических нотаблей и лэндлордов [55. Р. 36].

Исходя из определения и описания, возникает вопрос: чем это отличается от реформ, особенно сопряженных с государственным переворотом? С этой проблемой столкнулась уже сама Тримбергер, так как из четырех рассматриваемых ею примеров — японского, турецкого, египетского и перуанского — только первые три являются революциями. Кардинальное отличие событий в Японии, Турции и Египте заключалось в изменении государственного строя и социальной системы. В «младотурецкой» и «кемалистской» революциях в Турции и в Египетской революции 1952 года государственный переворот и последовавшие реформы были связаны с недовольством в обществе и социальным протестом. Под понятие «революции сверху» полностью подходит японский случай: его истоки лежат в событиях 1868—1869 годов, получивших название «реставрация Мэйдзи» — когда частью политической элиты был осуществлен государственный переворот под флагом реставрации императорской власти, что привело к гражданской войне

и «реформам Мэйдзи». Эти реформы зародились в условиях внешней угрозы и стали единственным средством обеспечения политического и экономического суверенитета [24. С. 5]. Реформы превратили Японию «в современное общество по стандартам того дня и спасли ее единственную среди азиатских соседей от неволи колониализма и от феодальных препятствий ее собственного прошлого» [46. Р. 1]. Ш. Эйзенштадт писал, что «реставрация Мэйдзи» «по своим социо-политическим эффектам очень близко подобралась к настоящей революции. Она заменила политический режим в Японии с традиционного централизованного, полубюрократического государства с окаменевшей феодальной структурой на современное централизованное, олигархическое бюрократическое государство» [41. Р. 261]. Она, как все великие революции, «радикально изменила режим и дала начало далеко идущим процессам социального, экономического и политического преобразования» [42. Р. 24].

Одни авторы не считают реформы Мэйдзи революцией [54. Р. xvi], другие называют их буржуазной революцией [8. С. 128; 24. С. 3]. С точки зрения компонентов «реставрация Мэйдзи» соответствует революции: государственный переворот, социальный протест и последовавшие радикальные политические и социальные изменения. Особенность в том, что основная протестующая группа состояла из привилегированных слоев, и в этом японская гражданская война напоминала английскую после революции 1640 года. Английскую и Японскую революции следует считать ранними для своих обществ революциями, которым были свойственны черты, не присущие другим революциям: 1) они не затронули основную часть населения, 2) большую роль играли привилегированные слои, 3) они сохранили большую часть сословных привилегий, хотя само сословное общество изменилось, 4) в течение длительного периода, растянувшегося на век и более, государствах проводились необходимые политические и социальные реформы. Ни Английская, ни Японская революции не похожи ни на дворцовые перевороты, ни на элитарные перевороты, и только в японском случае следует отметить крестьянские выступления и восстания самураев против результатов революции (элита — самурайское сословие — потеряло больше всех и в конце концов исчезло как класс).

Революции в Египте (1952), Ираке (1958) и Ливии (1969) часто называют «революциями сверху» — они представляли собой военный переворот, осуществленный тайными организациями молодых офицеров среднего звена («Свободные офицеры»). Эти выступления не инспирировались элитами, а офицеры, совершившие переворот, были выходцами из средних и низших слоев. Госперевороты действительно прошли без больших социальных возмущений, но пользовались серьезной поддержкой населения. Во всех трех государствах революции были направлены на свержение монархии и борьбу с феодальными пережитками и экономической и политической зависимостью от западных стран. Постреволюционное реформирование принципиально отличает эти события от «цветных революций», которые поменяли один политико-экономический клан у власти на другой и в которых все реформы носили декоративный характер. То же касается «революции гвоздик» 1974 года в Португалии и «бархатных революций» — заносить их в «цветные революции» ошибочно [35].

Марксистский подход рассматривает революции исключительно как движение народных масс, как процесс, инициированный снизу. Маркс и Энгельс употребляли словосочетание «народная революция» как синоним «революции» [15. С. 599; 17. С. 570; 37. С. 638], как и революционеры и оппоненты Маркса [18. С. 607]. Если проследить употребление словосочетания «народная революция» в работах Маркса, то мы найдем его: 1) когда речь шла о выступлении масс в революции [20. С. 568]; 2) когда Маркс подчеркивал, что это революция для народа, ради всеобщего блага [21. С. 418]; 3) как обозначение истинной революции, направленной на слом всей старой бюрократической машины [19. С. 172]. Ленин называл народными только революции, в которых принимает участие «масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями» [14. С. 39]. К «народной революции» Ленин причислял, например, «русскую буржуазную революцию 1905—1907 годов», но отказывал в таком статусе революциям начала XX века в Португалии и Турции [14. С. 39]. Эта коннотация прочно утвердилась в обыденном и исследовательском понимании: понятие «народная революция» стало определением настоящей революции, которой присущи массовые народные выступления и преобразования в государстве, направленные на благо народа. Очевидно, что речь идет о восприятии и идеологии, а не о реальном положении вещей.

Однако у Маркса были и другие взгляды. Например, он писал, что Великую французскую революцию (которую он, безусловно, считал настоящей и народной) совершила законодательная власть [16. С. 284]. Английская и Великая французская революции породили разные модели участия масс. Английская революция мало затронула массы вне столицы, особенно сельские: «„великий мятеж“ не сопровождался кровавыми народными бунтами, а когда война затянулась, население во многих местностях устраивало нечто вроде вооруженного нейтралитета, чтобы не пускать к себе военные отряды, чьи бы интересы они ни защищали, начало громко выражать желание, чтобы война поскорее прекратилась» [10. С. 471]. Несмотря на массовое участие населения Франции в событиях 1789—1799 годов, многие исследователи скептически относились к участию масс в революции [12. С. 155; 22. С. 34; 23. С. 128; 38. Р. 106; 39. Р. 4].

Таким образом, согласно обыденному представлению, «революции снизу» — это когда их делает народ, а «революции сверху» — когда их делает небольшая группа людей и навязывает остальному обществу. Однако все революции делает небольшая группа относительно всего общества, особенно когда речь идет о политически активных группах (партиях), борющихся за власть. Более того, группа у власти проводит реформы в государстве, в любом случае навязывая свою волю всему обществу. Парламент, выступивший в Английской, Французской и Русской революциях против монарха, представлял собой политически активную часть общества, отражавшую интересы разных социальных слоев. Насколько эти интересы совпадали с общественными, говорит тот факт, что во всех трех революциях действия парламента были поддержаны населением столиц и частью армии.

Давление на действующую власть осуществляется угрозой роста социального протеста, а слабость власти (отсутствие активной поддержки) делает возможным

ее смену. В ходе революции нарастающее противостояние может менять группы у власти несколько раз, однако власть в любом случае оказывается у элит — старых или новых. Именно элиты и контрэлиты борются за власть, представляя разные социальные группы и отражая те или иные интересы. «Народ» (как классификатор «революций снизу») не может взять власть, она все равно будет в руках его представителей. При этом количественный состав групп, борющихся за власть, не имеет принципиального значения.

Например, среди аргументов сторонников того, что Октябрьский переворот 1917 года в России не имел отношения к революции (или настоящей революции), приводится малочисленный состав штурмующих Зимний дворец, партии большевиков и их поддержки. Во-первых, все относительно: партия большевиков была значительно более многочисленна, чем фейяны, якобинцы и другие политические клубы и партии всех французских революций. Во-вторых, революционная партия — это всегда небольшая активная группа. То, что именно партии (при поддержке социальных групп) ведут политическую борьбу во время революций, отмечали уже Ф. Бэкон, Т. Гоббс и Б. Франклин [32. С. 152]. Бэкон отмечал взаимосвязь между единством и сплоченностью революционной партии и ее малочисленностью, и то, что эта сплоченность дает ей преимущество в борьбе с более многочисленными противниками [3. С. 466]. Этот принцип использовал Ленин в период до 1917 года [34. С. 61—64, 78—81].

Также исследования показывают, что в сентябре—ноябре 1917 года большевики имели достаточно серьезную поддержку у населения [32]. Об этом говорят результаты выборов того времени от местного самоуправления и законодательных органов до Всероссийских выборов в Учредительное собрание, на которых большевики получили 25% от действительных бюллетеней при явке чуть более 50% избирателей. Анализ этих выборов демонстрирует, что большевики имели преимущество в большинстве городов, но что более важно — значительно обошли все партии в Петрограде и губернии, в Москве и Центрально-Промышленном районе [9. С. 294; 13. С. 4]. Существенная поддержка в двух столицах, в первую очередь среди рабочих и в воинских гарнизонах, а также в частях Северо-Западного округа сыграли решающую роль в событиях октября 1917 — января 1918 годов [34. С. 71—78, 87—88, 141—148]. Эта социальная база позволила большевикам устоять и победить в Гражданской войне и против интервенции [34. С. 192]. Современники отмечали, что неизвестно откуда и как из разложившихся войск и оборванных толп народа выросли огромные армии, которые разгромили интервентов и белое движение [30. С. 15]. А появились они большей частью из тех самых 25%, которые были активным взрослым населением, готовым с оружием в руках отстаивать свои интересы и лозунги большевиков.

В феврале 1917 года правящая элита и часть интеллигенции воспользовались волнениями в Петрограде для давления на императора с целью отречения. Схожая картина наблюдалась во Франции в 1789 году и стала прологом Великой французской революции. Однако государственный переворот не останавливает социальный протест: противостояние нарастает, и революция продолжает движение влево. Следующий переворот осуществляют якобинцы и большевики и держатся у власти, пока уровень их социальной поддержки позволяет перевесить противоборству-

ющий лагерь. Противники якобинцев смогли устранить их с политической сцены, большевикам же удалось мобилизовать активных сторонников, чтобы власть удержать [34. С. 138—161, 166—194].

Многие примеры, которые приводятся в качестве образца «революции сверху», пересекаются с понятием «пассивной революции» (термин применяется ко многим революциям арабского мира [56. Р. 250, 253], как и термин «революция сверху»). А. Грамши предложил термин «пассивная революция» для явлений, когда радикальные изменения происходят без террора — «революция без революции» [6. С. 201; 7. С. 346]: «„революции-реставрации“, имевшие место в итальянском Рисорджименто», «гандизм и толстовство» [6. С. 207]. В отличие от классических революций, здесь нет мобилизации для силовых действий — только давление «общественного мнения», а также возможности мобилизации. С одной стороны, «понятие пассивной революции может оказаться полезным для понимания социальных изменений по всему миру» [56. Р. 262]. С другой стороны, под это понятие можно подвести множество разнообразных явлений, которые не имеют отношения к феномену революции.

«Пассивная революция» (как условное понятие) — это результат соединения понимания необходимости реформ и боязни смуты и леворадикальных идей, что возвращает нас к понятию «революция сверху». Возьмем достаточно сложный, но часто используемый пример: Брабантская революция оценивается как консервативная [50. Р. 383], ее причисляют к «революциям сверху» [45. Р. 295], сравнивают с контрреволюционными выступлениями во Франции, проводятся параллели с Вандейским мятежом [26. С. 149; 39. Р. 56—57; 47. Р. 881]. Другие исследователи видят в Брабантской революции аналогии с революцией в Нидерландах и подчеркивают те элементы, которые сближают ее с Великой французской революцией: кризис и падение старого режима [39. Р. 53, 82]. Брабантская революция (1789—1790) стала попыткой освобождения от австрийской власти бельгийских провинций. С освобождением территории от австрийских войск Конгресс освобожденных провинций Бельгии объявил о низложении императора Иосифа II и провозгласил независимость Соединенных Штатов Бельгии. Брабантская революция впервые сделала Бельгию, хоть и на очень короткий срок (девять месяцев), независимым государством с республиканской формой правления. В декабре 1790 года австрийская армия восстановила власть Габсбургов в бельгийских провинциях [26. С. 149; 29. С. 664—665; 44. Р. 291—295; 51. Р. 75—78; 52. Р. 435—440].

Ключевым моментом стало свержение *ancient regime*, а тот факт, что революция носила «ограниченный характер» (по Марксу), роднит ее со многими революциями, в частности с революцией 1848 года во Франции: реакционным силам удалось быстро остановить революционное движение. Ряд авторов подчеркивает, что в ходе восстания произошла политическая мобилизация широких слоев [45. Р. 295]. Действительно, «Освободительная армия» имела поддержку среди жителей, в том числе именно восстания отдавали города под власть революционной армии. Брабантское восстание напоминало национально-освободительные революции в Нидерландах и Америке, так что это не «революция сверху». Однако попытка революции не есть революция: восстание, вошедшее в историю как

Брабантская революция, — это попытка национально-освободительной революции, которая потерпела поражение, но сама эта «репетиция» через сорок лет привела к полноценной революции, которая обеспечила в 1830 году Бельгии независимость и новые формы правления.

К «консервативной революции» одни авторы относят «Мэйдзи исин» [25], приход нацистов в Германии и фашистов в Италии к власти и даже употребляют в контексте «управляемой» и «суверенной» демократий сегодня [27. С. 5]. Другие считают «консервативную революцию» революцией с выраженными авторитарными и антиэгалитарными чертами [11. С. 268]. Консервативная революция — «явление не столько философии (или даже политической философии), сколько политической жизни Германии в определенный период времени» [28. С. 189]. Помимо отмеченных особенностей [1. С. 16; 2. С. 249; 28. С. 189—190] идея «консервативной революции» отражала стремление части немецкой интеллигенции к революционным изменениям, но без крайностей якобинства, которыми пугали результаты Русской революции и события в Германии 1919—1923 годов. Собственно, боязнь движения революции к крайне левой точке и позиционирование нацистов в Германии и фашистов в Италии себя как движений, противостоящих силам, готовым двигать революцию все дальше влево, и позволило назвать эти события термином, сочетающим революционность, традиционализм и связь с немецкой философией (что было выигрышно с пропагандистской точки зрения). В данном случае наблюдается смешение настоящей революции, пусть и с эпитетом «консервативная», с политико-философскими взглядами и пропагандистско-идеологическими штампами. В итоге почти все контрреволюционные перевороты и многие курсы реформ отвечают этим характеристикам; большинство военных переворотов и диктатур обладают «выраженными авторитарными и антиэгалитарными чертами».

Итак, в статье мы затронули четыре определительных принципа революций, которые в последние десятилетия стали наиболее популярными в классификациях: «революция сверху», «революция снизу» («народная»), «пассивная революция» и «консервативная» (по два примера из классифицирующих признаков «движущие силы революции» и «идеология революции»). Все эти названия и подходы методологически и идейно связаны, но каждый самостоятельно и все в комплексе не выдерживают критики.

Появление и устойчивое существование разных терминов и понятий, призванных дефинировать те или иные виды/типы революций, объяснимы: существующие системы классификаций могут не устраивать исследователей. При этом использование этих терминов в любом случае должно соответствовать главному принципу: единство существенных свойств, связей и отношений предметов и явлений. Во-первых, классификация должна обладать единым классифицирующим принципом: одним признаком (или единым связанным комплексом), который позволяет систематизировать все примеры явления (что в существующих классификациях не соблюдается). Во-вторых, если революции представляют собой самостоятельный род явлений, то классификация видов и типов не может включать явления иного порядка — близкого, но имеющего другие свойства и определения. Так, в революции не должны попадать реформы, мятежи, восстания,

гражданские войны и т.д., которые могут являться частью революций и сопровождать их. В-третьих, суммирование разных определителей видов и типов революций из различных классифицирующих систем — непозволительная эклектика, которую критиковал еще М. Вебер: «Самым же решительным образом следует бороться с довольно распространенным представлением, будто путь к научной „объективности“ проходит через сопоставление различных оценок и установление как бы некоего „дипломатического“ компромисса между ними» [4. С. 557]. Особенно странно выглядят попытки интеграции понятий «революция сверху», «пассивная революция» и «консервативная революция» в марксистскую классификацию, что нарушает все ее принципы.

В подходах к классификации революций, как и в их определении, необходимо быть крайне осмотрительным. Перед каждым исследователем здесь должны стоять два ключевых вопроса: 1) охватывает ли классификация все известные социально-политические революции; 2) не позволяет ли классификация попасть в список революций явлений, пусть и сходных по ряду внешних признаков, но принципиально отличающихся. Например, «цветные революции» множество зарубежных и отечественных авторов относят именно к революциям на основании наличия социального протеста в радикальных и массовых формах («революция снизу»), смешивают «бархатные революции» с «цветными», где первые получают атрибутику «консервативных» (взамен потерявшему привлекательность понятия «контрреволюция») и «пассивных» и объединяются со вторыми по внешним признакам проявления протеста и государственного переворота. Дискурс «бархатные/цветные революции» настолько не несет четких дефиниций и научной базы, что даже подробные объяснения вызывают постоянную путаницу [33. С. 122—123, 146—148; 34. С. 288—289, 297—299, 316]. Иными словами, понятия «революция сверху», «революция снизу», «народная», «пассивная» и «консервативная революция» могут сохранять общественное звучание и использование на бытовом уровне, возможно даже в общественно-политическом пространстве, но не являются научными терминами и не могут использоваться для научной классификации.

Библиографический список

- [1] *Артамошин С.В.* Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
- [2] *Афанасьев В.В.* Либеральное и консервативное // Шпенглер О. Политические произведения. М., 2009.
- [3] *Бэкон Ф.* Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2 / сост., общ. ред. А.Л. Субботина. М., 1978.
- [4] *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990.
- [5] *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5.
- [6] *Грамши А.* Концепция пассивной революции // Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М., 1959.
- [7] *Грамши А.* Проблема политического руководства в формировании и развитии нации и современного государства в Италии // Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М., 1959.
- [8] *Дацъшен В.Г.* Новая история Японии. Красноярск, 2007.
- [9] *Знаменский О.Н.* Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976.

- [10] *Кареев Н.* История Западной Европы в Новое время. Т. II. СПб., 1893.
- [11] Концепт «революции» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008.
- [12] *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1995.
- [13] *Ленин В.И.* Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. М., 1974.
- [14] *Ленин В.И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М., 1969.
- [15] *Маркс К.* Второй набросок «Гражданской войны во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. М., 1960.
- [16] *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955.
- [17] *Маркс К.* К событиям в Северной Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 15. М., 1959.
- [18] *Маркс К.* Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М., 1961.
- [19] *Маркс К.* Маркс — Людвигу Кугельману, Лондон, 12 апреля 1871 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 33. М., 1964.
- [20] *Маркс К.* Первый набросок «Гражданской войны во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. М., 1960.
- [21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М., 1961.
- [22] *Матьез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
- [23] *Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции. М., 1997.
- [24] *Михайлова Ю.Д.* Общественно-политическая мысль Японии (60—80-е годы XIX в). М., 1991.
- [25] *Молодяков В.Э.* «Мэйдзи исин» — консервативная революция // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 6.
- [26] *Намазова А.С.* Брабантская революция 1787—1790 гг. в Австрийских Нидерландах // Новая и Новейшая история. 2001. № 6.
- [27] *Руткевич А.М.* Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М., 2007.
- [28] *Руткевич А.М.* Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.
- [29] Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
- [30] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991.
- [31] *Франклин Б.* Автобиография // Американские просветители. Т. I. М., 1968.
- [32] *Шульц Э.Э.* «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 3.
- [33] *Шульц Э.Э.* Теория революции: революции и современные цивилизации. М., 2016.
- [34] *Шульц Э.Э.* Технологии бунта. М., 2014.
- [35] *Шульц Э.Э.* Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19.
- [36] *Шульц Э.Э.* Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1.
- [37] *Энгельс Ф.* Успехи России на Дальнем Востоке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. М., 1958.
- [38] *Cobban A.* Aspects of the French Revolution. L., 1968.
- [39] *Craeybeckx J.* The Brabant Revolution: A conservative Revolt in a backward country? // Acta Historiae Neerlandica. 1970. Vol. IV.
- [40] *Dunn J.* Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge, 1972.

- [41] *Eisenstadt S.N.* Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. N.Y., 1978.
- [42] *Eisenstadt S.N.* The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity. Brill, 2006.
- [43] *Foran J.* Revolutions // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / Ed. by G. Ritzer. Blackwell Publishing, 2007.
- [44] *Hinnebusch R.* Syria: Revolution from Above. Routledge, 2002.
- [45] History of the Low Countries / Ed. by J.C.H. Blom. Berghahn Books, 2006.
- [46] *Huber T.M.* The Revolutionary Origins of Modern Japan. Stanford, 1990.
- [47] *Israel J.* Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights. 1750—1790. Oxford, 2011.
- [48] *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Penguin University Books, 1974.
- [49] *Pettee G.* Revolution — typology and process // Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy / Ed. by C.J. Friedrich. N.Y., 1966.
- [50] *Pirenne H.* Histoire de Belgique. 5: La Fin du Régime Espagnol; Le Régime Autricien; La Révolution Brabançonne et la Révolution Liégeoise. Brussels, 1920.
- [51] *Polasky J.* Liberal nationalism and modern regional identity: Revolutionary Belgium, 1786—1830 // Liberty and the Search for Identity: Liberal Nationalisms and the Legacy of Empires / Ed. by I. Zoltán Dénes. Central European University Press, 2006.
- [52] *Polasky J.* The Brabant Revolution, “a revolution in historiographical perception” // Revue Belge d'Histoire Contemporaine. 2005. No. 4.
- [53] *Skocpol T.* Bringing the state back in: Strategies of analysis in current research // Bringing the State Back In / Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. N.Y., 1985.
- [54] *Therborn G.* Roads to modernity: revolutionary and other // Revolution in the Making of the Modern World: Social Identities, Globalization, and Modernity / Ed. by J. Foran, D. Lane, A. Zivkovic. Routledge, 2008.
- [55] *Trimberger E.K.* Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru. Transaction Books, 1978.
- [56] *Tuğal C.* Passive Revolution. Absorbing the Islamic Challenge to Capitalism. Stanford, 2009.
- [57] *Zagorin P.* Rebels and Rulers, 1500—1660: Vol. 1. Cambridge University Press, 1982.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-406-418

On the classification of revolutions*

E.E. Shults

Moscow State Regional University
Radio St., 10A, Moscow, 105005, Russia
(e-mail: nuap1@yandex.ru)

Abstract. The article considers one of the fundamental challenges in the theory of revolution — classification of revolutions. The author analyzes the four most popular features of revolutions that are used to define their types: “revolution from above”, “revolution from below”, “popular revolution” (the marker of the real revolution “from below”), “passive revolution” and “conservative revolution”. All these concepts have a common methodological basis, are closely interrelated in definitions and have

* © E.E. Shults, 2019.

The article was submitted on 01.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

the same problems of being used for classifying revolutions. The author examines the principles of introducing these terms and the possibility of their application for classifying revolution by asking two questions: 1) does the classification (and the definition) cover all known social-political revolutions; 2) does the classification (and the definition) allow to consider as revolutions quite different phenomena just similar to revolutions in a number of external features. The main problem of the contemporary discourse is systematization of revolutions according to the above ‘names’ that are accepted as classifying definitions. Moreover, these “new types of revolutions” are added to the existing classifications, which creates confusion, blurs the boundaries of the “revolution”, and allows other social-political phenomena — radical and mass protests, reforms and coups d’état — to be named “revolutions”. The concepts “revolution from above”, “revolution from below”, “popular revolution”, “passive revolution” and “conservative revolution” are socially significant and can be used in everyday discourse, perhaps also in the social-political space (which, however, causes difficulties), but are not scientific terms and cannot be grounds for the scientific classification of revolutions.

Key words: revolution from above; revolution from below; passive revolution; conservative revolution; people’s revolution; classification of revolutions

References

- [1] Artamoshin S.V. *Ponjatija i pozitsii konservativnoj revoljursii: intellektualnoe techenie “konservativnoj revoljutsii” v politicheskoj zhizni Vejmarskoj respubliki* [Concepts and Positions of Conservative Revolution: An Intellectual Trend of “Conservative Revolution” in the Political Life of the Weimar Republic]. Bryansk; 2011 (In Russ.).
- [2] Afanasiev V.V. Liberalnoe i konservativnoe [Liberal and conservative]. Spengler O. *Politicheskie proizvedenija*. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [3] Bacon F. Opyty, ili nastavlenija nravstvennye i politicheskie [Experiences, or manuals moral and political]. Bacon F. *Sochinenija*. Vol. 2. Moscow; 1978 (In Russ.).
- [4] Weber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [5] Goldstone J. K teorii revoljutsii chetvertogo pokolenija [On the theory of revolution of the fourth generation]. *Logos*. 2006. No. 5 (In Russ.).
- [6] Gramsci A. Kontseptsija passivnoj revoljutsii [Concept of passive revolution]. Gramsci A. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [7] Gramsci A. Problema politicheskogo rukovodstva v formirovanii i razvitii natsii i sovremennogo gosudarstva v Italii [The problem of the political management in formation and development of the nation and modern state in Italy]. Gramsci A. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [8] Datsyshen V.G. *Novaja istorija Japonii* [Modern History of Japan]. Krasnoyarsk; 2007 (In Russ.).
- [9] Znamensky O.N. *Vserossijskoe uchreditelnoe sobranie. Istorija sozyva i politicheskogo krushenija* [All-Russian Constituent Assembly. History of Convocation and Political Crash]. Leningrad; 1976 (In Russ.).
- [10] Kareev N. *Istorija Zapadnoj Evropy v Novoe vremja* [History of Western Europe in Modern Times]. Vol. II. Saint Petersburg; 1893.
- [11] *Koncept “revoljutsii” v sovremennom politicheskom diskurse* [Concept “Revolution” in Contemporary Political Discourse]. Saint Petersburg; 2008 (In Russ.).
- [12] Le Bon G. *Psihologija socializma* [The Psychology of Socialism]. Saint Petersburg; 1995 (In Russ.).
- [13] Lenin V.I. Vyборы v Uchreditelnoe sobranie i diktatura proletariata [The Constituent Assembly elections and dictatorship of the proletariat]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 40. Moscow; 1974 (In Russ.).
- [14] Lenin V.I. Gosudarstvo i revoljutsija. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revoljutsii [State and revolution. The Marxist theory of the state and the goal of the proletariat in the revolution]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 33. Moscow; 1969 (In Russ.).

- [15] Marx K. Vtoroj nabrosok “Grazhdanskoj vojny vo Frantsii” [Second draft of the “Civil War in France”]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 17. Moscow; 1960 (In Russ.).
- [16] Marx K. K kritike gegelevskoj filosofii prava [Contribution to the critique of Hegel’s philosophy of law]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 1. Moscow; 1955 (In Russ.).
- [17] Marx K. K sobytijam v Severnoj Amerike [Comments on the North American events]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 15. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [18] Marx K. Konspekt knigi Bakunina “Gosudarstvennost’ i anarhija” [On Bakunin’s statism and anarchy]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 18. Moscow; 1961 (In Russ.).
- [19] Marx K. Marks — Ludwigu Kugelmannu, London, 12 aprolja 1871 g. [Letter to Ludwig Kugelmann, London, on April 12, 1871]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 33. Moscow; 1964 (In Russ.).
- [20] Marx K. 1986. Pervy nabrosok “Grazhdanskoj vojny vo Frantsii” [First draft of the “Civil War in France”]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 17. Moscow; 1960 (In Russ.).
- [21] Marx K., Engels F. Aljans socialisticheskoj demokratii i mezhdunarodnoe tovarishhestvo rabochih [The Alliance of Socialist Democracy and the International Working Men’s Association]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 18. Moscow; 1961 (In Russ.).
- [22] Mathiez A. *Francuzskaja revoljutsija* [French Revolution]. Rostov-on-Don; 1995 (In Russ.).
- [23] Maistre J. de. *Rassuzhdenija o Frantsii* [Discourses on France]. Moscow; 1997 (In Russ.).
- [24] Mikhajlova Ju.D. *Obshhestvenno-politicheskaja mysl Japonii (60—80-e gody XIX v.)* [Social-Political Thought of Japan (the 60—80s of the 19th century)]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [25] Molodyakov V.E. “Meiji Isin” — konservativnaja revoljutsija [“Meiji Isin” — conservative revolution]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1993; 6 (In Russ.).
- [26] Namazova A.S. Brabantskaja revoljutsija 1787—1790 gg. v Avstrijskih Niderlandah [The Brabant revolution of 1787—1790 in the Austrian Netherlands]. *Novaja i Novejšhaja Istorija*. 2001; 6 (In Russ.).
- [27] Rutkevich A.M. *Vremena ideologov: Filosofija istorii “konservativnoj revoljutsii”* [Times of Ideologists: Philosophy of History of “Conservative Revolution”]. WP6/2007/02 Preprint. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [28] Rutkevich A.M. Prussky socializm i konservativnaja revoljutsija [Prussian socialism and conservative revolution]. Spengler O. *Prussachestvo i socialism*. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [29] Sovetskaja istoricheskaja entsiklopedija [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow; 1965 (In Russ.).
- [30] Fedotov G.P. *Sudba i grehi Rossii* [Destiny and Sins of Russia]. Vol. 2. Saint Petersburg; 1992 (In Russ.).
- [31] Franklin B. Avtobiografija [Autobiography]. *Amerikanske prosvetiteli*. Vol. I. Moscow; 1968 (In Russ.).
- [32] Shults E.E. Socialnaja baza bolshevikov v 1917 g. [Social base of the Bolsheviks in 1917]. *Svobodnaja Mysl*. 2017; 6 (In Russ.).
- [33] Shults E.E. Teorija revoljutsii: revoljutsii i sovremennye tsivilizatsii [Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [34] Shults E.E. *Tehnologii bunta* [Riot Technologies]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [35] Shults E.E. Tehnologii bunta: “tsvetnye revoljutsii” i “arabskaja vesna” [Technologies of riot: “Color revolutions” and the “Arab spring”]. *Natsionalnye Interesy: Prioritety i Bezopasnost*. 2014; 19 (In Russ.).
- [36] Shults E.E. Tipologija revoljutsij: istorija sozdanija i sovremennoe sostojanie [Typology of revolutions: History of creation and the current state]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2014; 1 (In Russ.).
- [37] Engels F. Uspehi Rossii na Dalnem Vostoke [Russian progress in Central Asia]. Marx K., Engels F. *Sochinenija*. Vol. 12. Moscow; 1958 (In Russ.).
- [38] Cobban A. *Aspects of the French Revolution*. London; 1968.

- [39] Craeybeckx J. The Brabant Revolution: A conservative Revolt in a backward country? *Acta Historiae Neerlandica*. 1970; IV.
- [40] Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge; 1972.
- [41] Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York; 1978.
- [42] Eisenstadt S.N. *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity*. Brill; 2006.
- [43] Foran J. Revolutions. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Ed. by G. Ritzer. Blackwell Publishing; 2007.
- [44] Hinnebusch R. *Syria: Revolution from Above*. Routledge; 2002.
- [45] *History of the Low Countries*. Ed. by J.C.H. Blom. Berghahn Books; 2006.
- [46] Huber T.M. *The Revolutionary Origins of Modern Japan*. Stanford; 1990.
- [47] Israel J. *Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights. 1750—1790*. Oxford; 2011.
- [48] Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Penguin University Books; 1974.
- [49] Pettee G. Revolution — typology and process. *Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*. Ed. by C.J. Friedrich. New York; 1966.
- [50] Pirenne H. *Histoire de Belgique. 5: La Fin du Régime Espagnol; Le Régime Autricien; La Révolution Brabançonne et la Révolution Liégeoise*. Brussels; 1920.
- [51] Polasky J. Liberal nationalism and modern regional identity: Revolutionary Belgium, 1786—1830. *Liberty and the Search for Identity: Liberal Nationalisms and the Legacy of Empires*. Ed. by I. Zoltán Dénes. Central European University Press; 2006.
- [52] Polasky J. The Brabant Revolution, “a revolution in historiographical perception”. *Revue Belge d'Histoire Contemporaine*. 2005; 4.
- [53] Skocpol T. Bringing the state back in: Strategies of analysis in current research. *Bringing the State Back In*. Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. New York; 1985.
- [54] Therborn G. Roads to modernity: revolutionary and other. *Revolution in the Making of the Modern World: Social Identities, Globalization, and Modernity*. Ed. by J. Foran, D. Lane, A. Zivkovic. Routledge; 2008.
- [55] Trimberger E.K. *Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru*. Transaction Books; 1978.
- [56] Tuğal C. *Passive Revolution. Absorbing the Islamic Challenge to Capitalism*. Stanford; 2009.
- [57] Zagorin P. *Rebels and Rulers, 1500—1660: Vol. 1*. Cambridge University Press; 1982.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-419-431

Образование в цифровом обществе: региональный аспект*

В.В. Пациорковский¹, О.В. Крухмалева^{2,3}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук
Нахимовский проспект, 32, Москва, 117218, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-46, Москва, 119991, Россия
(e-mail: patsv41@gmail.com; kruhoks@yandex.ru)

В статье рассматриваются особенности пространственного размещения образовательных и научных организаций на территории России как важная составляющая цифрового общества. На обширном социологическом и статистическом материале обосновывается необходимость пересмотра существующего подхода к организационному построению системы высшего образования с учетом проектов «5-100» и создания опорных и федеральных вузов, направленных на укрепление системы высшего профессионального образования в регионах. Авторы анализируют существующие программы, в частности национальные проекты «Образование» и «Наука», с точки зрения новых подходов к их территориальной организации. Цель статьи — анализ региональной доступности основных уровней образования. В качестве ее индикатора рассматривается охват потребителей образовательными услугами того или иного уровня. Статья базируется на гипотезе, что повышение пространственной доступности основных уровней образования вносит важный вклад в повышение устойчивости и ускорение общественного развития. Авторы отмечают, что все принятые программы и относительно новые структурные элементы высшего образования предполагают усиление финансирования и выделение значительных бюджетных средств. С учетом объемов этого финансирования разрыв региональных систем увеличивается и включение новых участников (вузов) в круг наиболее сильных учебных заведений становится все более проблематичным. Между тем именно система высшего образования и связанных с ней научных организаций выступает сегодня одним из основных драйверов развития региона, определяет его кадровый потенциал и место в экономике страны.

Ключевые слова: образование; наука; производство знаний; неравенство доступа; пространственное распределение; регионы; система высшего образования; опорный университет; национальные проекты; проект «5-100»

* © Пациорковский В.В., Крухмалева О.В., 2019.

Статья поступила 07.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Технологическая революция XXI века все четче проявляет свое содержание и социально-экономические последствия. Основные векторы ее реализации связаны с ускоряющимся сокращением использования живого труда в экономике и его интеллектуальным наполнением в производстве и сфере услуг. С учетом происходящих перемен наука и образование становятся базовыми отраслями производства, технологических инноваций и компетенций. Без их постоянной подпитки технологическая революция не имеет перспективы. Одно из важных отличий производства знаний от индустриального производства состоит в том, оно должно иметь не точечный, а повсеместный характер, т.е. наука и образование нуждаются в повседневной доступности и размещении по всему периметру расселения. Проблема неравномерности доступа к качественным образовательным и научным ресурсам на территории страны является междисциплинарной. Она рассматривается демографами, экономистами, социологами, специалистами по миграции и кадровому менеджменту как в теоретическом, так и прикладном планах, российскими [9; 10; 11] и зарубежными исследователями [18; 21].

В настоящее время в России наблюдаются значительные территориальные различия в обеспечении доступности образования. Ситуация с научными организациями и их размещением на территории страны еще сложнее. Вряд ли можно надеяться, что в обозримом будущем наука станет столь же доступной, как образование. Вместе с тем можно полагать, что по мере повышения доступности профессионального образования будет повышаться и доступность идущей с ним в связке науки. Цель статьи — анализ региональной доступности основных уровней образования, причем охват потребителей образовательными услугами, а не обеспеченность местами рассматривается как индикатор доступности. Очевидно, что в условиях рыночных отношений существуют огромные проблемы доступности образования для семей с низким уровнем доходов [9; 13], но этот аспект доступности образования в статье не рассматривается.

По данным Министерства науки и высшего образования, на 2017 год обеспечение местами в учреждениях дошкольного образования для детей до 7 лет составляло в среднем по стране более 90% [6], в то же время охват детей дошкольным образованием — около 57%. Он имеет существенные отличия в городской (62%) и сельской местности (43%), равно как и в возрастных группах до 3 лет и старше 3 лет. Основной контингент дошкольного образования составляют дети в возрасте от 3 до 7 лет — их охват дошкольным образованием составляет 82%. Поселенческие различия проявляются здесь более значимо: в городах охват составляет 92%, а на селе — 58%. Наиболее проблемными регионами являются Республики Бурятия, Дагестан, Ингушетия и Крым. Дети в возрасте от 7 до 17 лет охвачены обязательным школьным образованием на уровне 94%. По общему среднему образованию речь идет о доступности качественного современного образования с использованием информационных возможностей, электронной образовательной среды и соответствующего уровня материально-технического оснащения. Самым проблемным звеном в этой системе являются сельские школы — они испытывают серьезные сложности с поддержанием необходимого качества образования, обеспечением подвоза и содержания детей, а также реализацией всех ступеней обучения, так как преимущественно в сельской местности расположены

Таблица 1

Динамика сети государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций в разрезе городских и сельских поселений (2005—2017, тыс. ед.)

Тип поселения	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Сельские	40,4	30,3	27,9	26,2	26,1	25,9	24,4	23,9
Городские	20,4	18,5	16,4	17,5	17,4	17,2	16,9	16,8

малокомплектные школы. Изменения в количестве образовательных организаций общего среднего образования свидетельствуют, что неуклонно сокращается число сельских школ (табл. 1 [14. С. 67]).

Сокращение сети образовательных организаций в городских поселениях произошло в основном за счет программ оптимизации структуры образовательных организаций и создания крупных образовательных комплексов. Например, в Москве упразднено 889 таких организаций, в Кемеровской и Свердловской областях — по 190 [6]. На селе это сокращение происходило повсеместно и наиболее существенно коснулось Республик Башкортостан и Татарстан, Алтайского края, Нижегородской, Омской, Оренбургской, Пензенской и Тамбовской областей. Часть образовательных организаций была реорганизована в порядке укрупнения, а часть закрылась из-за сокращения числа учащихся. Наполняемость классов в сельских школах практически в два раза ниже, чем в городских, и составляет в среднем по стране порядка 12 человек (против 25 человек в городских школах).

О доступности качественного образования свидетельствуют показатели удельного веса обучающихся основного и среднего общего образования, занимающихся по программам углубленного уровня. Среднероссийский показатель здесь — 15% от общей численности учеников, в Магаданской области по таким программам обучается 33% учеников, в Санкт-Петербурге — 28%, в Забайкальском крае — 3,5%, в Еврейской Автономной области — 2% [6]. Показатель получения полного среднего образования также отличается по регионам: продолжают обучение в средней школе после получения основного общего образования в среднем по стране 57% учеников, в Республике Саха, Чукотском Автономном округе и Москве эта доля составляет около 80%, а в Оренбургской и Липецкой областях — менее 50%. При этом статистика фиксирует, что это один из немногих показателей, которые не имеет существенной региональной дифференциации за исключением первых семи регионов списка, куда также входят Республика Тыва, Санкт-Петербург и Тюменская область (70%).

Наиболее благополучной с точки зрения обеспечения доступности образования является система среднего профессионального образования (СПО). По данным на 2017 год, охват лиц в возрасте 15—17 лет, проходящих обучение по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, составил 13% этой группы. Вместе с тем спрос на данный вид подготовки на протяжении последних восьми лет устойчиво снижается [17. С. 382]: в 2011 году поступили на обучение по этому профилю 533 тысяч студентов, а в 2016 — 395,3. Высока и региональная дифференциация обучающихся: самые низкие показатели в Республике Дагестан (4,6%), Карачаево-Черкессии (4,5%), Москве (3,9%) и Чукотском Автономном округе

(2,6%); самые высокие — в Республике Башкортостан (22%), Еврейской автономной области (21%), Архангельской (24%), Магаданской (27%) и Ярославской (24%) областях [17. С. 382].

В последние несколько лет растет доля тех, кто обучается по программам подготовки специалистов среднего звена. Так, в 2011 году поступили на обучение по данным программам 659,6 тысяч студентов, а в 2015 году — 699 [17. С. 392]. Доля охвата молодежи в возрасте 15—19 лет данным уровнем подготовки в 2017 году составила 35%. Высокий спрос на среднее специальное образование отражается и в увеличении числа образовательных организаций данного типа в субъектах России, в том числе негосударственных. Другой отличительной чертой системы СПО является прохождение обучения большинством студентов по месту постоянного проживания, т.е. перечень направлений подготовки, предлагаемых организациями СПО, вполне удовлетворяет запросы молодежи и не стимулирует образовательную миграцию в другие регионы. Численность обучающихся в колледжах и техникумах составляет от 500 до 1000 человек, обучение ведется по 5—8 специальностям. В ряде регионов созданы организации, которые по количеству студентов могут конкурировать с вузами, например, в многопрофильных колледжах в Пензе и Тюмени учатся более 7 тысяч студентов, а подготовка ведется по 15 направлениям.

Весьма заметны различия в доступности высшего профессионального образования (ВПО). Система ВПО за последние восемь лет пережила существенные сокращения и пересмотр структурного распределения (табл. 2 [17. С. 412—416]).

Число вузов с 2010 по 2017 годы уменьшилось на 26%, а в некоторых регионах сокращение превысило 30% (Дальневосточный ФО). Сжатие произошло за счет как ликвидации ряда учебных заведений, так и реорганизации в связи с объединением в целях оптимизации и для создания крупных опорных университетов и инновационных вузов. В 2017 году охват программами ВПО молодежи в возрасте 17—25 лет составил 32% данной группы, и на протяжении последних пяти лет колебания этого показателя незначительны (от 34% в 2013 году до 32% в 2016-м). Однако в разрезе регионов он изменяется более заметно: наибольший охват указанной возрастной когорты фиксируется в Москве (76%), Санкт-Петербурге (64%) и Томской области (56%), наименьший — в Ленинградской области (5,2%), в Чукотском (3,6%) и Ямало-Ненецком АО (1,9%) [6].

Таблица 2

Число организаций ВПО и научных организаций (2010—2017, ед.)

Субъекты РФ	2010/11	2013/14	2015/16	2016/17
Российская Федерация	1 115	969	896	818
Центральный федеральный округ	428	377	342	306
Северо-Западный федеральный округ	131	107	102	95
Южный федеральный округ	85	76	74	64
Северо-Кавказский федеральный округ	65	55	54	50
Приволжский федеральный округ	168	143	131	123
Уральский федеральный округ	73	67	59	54
Сибирский федеральный округ	114	105	96	91
Дальневосточный федеральный округ	51	39	38	35

Показателем качества приема в высшие учебные заведения служит средний балл студентов, поступивших на первый курс. Для вузов, занимающих высокие позиции в рейтингах, средний балл должен быть выше 70, и практически в половине регионов России таких вузов нет, а высокие показатели демонстрируют в основном классические университеты и вузы, входящие в национальные проекты формата «5-100». Это говорит о том, что региональные образовательные системы развиты крайне неоднородно — существенно отличается число вузов, их профиль и статус. Есть субъекты федерации, в которых сосредоточено значительное число сильных университетов, входящих в приоритетные проекты и активно участвующих в рейтингах, имеющих статус федерального или опорного университета (помимо Москвы, Санкт-Петербурга и Казани это Красноярск, Новосибирск, Томск). В целом ряде субъектов таких вузов нет или только планируется их создание — по планам Минобрнауки, как минимум в 51 субъекте, и планируется дальнейшее наращивание образовательного потенциала регионов до 100 образовательных организаций. Сегодня в стране функционирует 10 федеральных университетов, которые были организованы на базе нескольких региональных вузов и должны способствовать модернизации системы ВПО, объединению научных и исследовательских кадров. Важной их целью является также усиление взаимосвязи ВПО с экономикой региона, создание оптимальных условий обучения для населения и оптимизация финансирования для интенсивного развития высшего образования, повышения его инновационности и технологичности.

На начало 2018 года статус опорного имели 33 вуза, призванные стать центрами инновационного и социального развития регионов. Как отмечается в официальных документах по созданию опорных университетов, это должен быть сильный университет, ведущий образовательный центр в субъекте, созданный путем слияния нескольких региональных вузов. Он должен соответствовать ряду критериев (не менее 10 тысяч студентов и 2 млрд рублей совокупного дохода). Основная часть таких организаций была создана на базе университетов в региональных столицах. Из 33 опорных вузов только 4 находятся не в столице субъекта, а в других городах: Магнитогорский государственный технический университет (Челябинская область), Сочинский государственный университет (Краснодарский край), Тольяттинский государственный университет (Самарская область) и Череповецкий государственный университет (Вологодская область).

Значимой программой по развитию и укреплению позиций российских вузов в мировом образовательном пространстве является проект «5-100». В него входит 21 вуз, расположены они преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге и ряде региональных столиц, которые традиционно являются образовательными центрами: Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Томск. Вузы проекта «5-100» являются наиболее динамично развивающимися образовательными и инновационными центрами, которые притягивают значительную долю талантливой молодежи из регионов. Все принятые программы и относительно новые структурные элементы системы ВПО предполагают выделение значительных бюджетных средств на их поддержку и развитие. С учетом объемов этого финансирования разрыв региональных систем увеличивается, и включение новых вузов в круг наиболее

сильных учебных заведений становится все более проблематичным. Между тем именно система высшего образования и связанных с ней научных организаций выступают сегодня одним из основных драйверов развития региона, определяют его кадровый потенциал и место в экономике страны.

На решение проблемы регионализации образования направлены в том числе и программы национальных проектов «Образование» и «Наука» [15]. В них практически впервые уделено внимание пространственному развитию и созданию сети научных и образовательных организаций по всей территории страны. Важно, что финансирование этих проектов берет на себя федеральный бюджет. Вполне возможно, что при таком подходе легче будет избежать дальнейшего расслоения регионов по их экономической состоятельности. Так, в нацпроекте «Образование» как минимум 5 из 10 федеральных проектов направлены на реализацию пространственной доступности образования. В проекте «Современная школа» заложено обновление материально-технической базы действующей сети образовательных организаций и создание сети из 25 пилотных школ нового типа в сельских населенных пунктах, внедрение новых методов обучения, обновление образовательных программ, которые должны сделать доступным качественное современное образование для всех детей. Проект «Успех каждого ребенка» предполагает создание детских технопарков «Кванториум» в каждом регионе, организацию не менее 100 центров развития современных компетенций детей на базе университетов. Проект «Молодые профессионалы» нацелен на модернизацию профессионального образования и создание сети из 100 межрегиональных центров опережающей профессиональной подготовки и 5000 мастерских с современной материально-технической базой.

Активно предполагается развивать и электронное образование — в формате как дополнительного, так и обязательной составляющей всех уровней обучения (в первую очередь, на уровне школы — проект «Цифровая образовательная среда»). Особое внимание уделено программе «Вузы как центры пространства создания инноваций» в проекте «Повышение конкурентоспособности российского высшего образования».

Национальный проект «Наука» также подразумевает пространственный охват территории страны и перераспределение научных ресурсов в рамках регионализации. В частности, он предусматривает создание научно-образовательных центров на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики регионов; формирование системы подготовки и профессионального роста научных кадров, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учеными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов.

Число научных организаций в России за последние несколько лет увеличилось: в 2011 году их было 3682, в 2016 — 4032 (прирост — 8,7%). К сожалению, в развитии науки практически не учитывается необходимость минимизации региональных различий. Например, произошло сокращение научных организаций в субъектах Северо-Западного ФО (514 и 494 соответственно). Едва заметно выросло число научных организаций в Уральском ФО (244 и 258) и Дальневосточ-

ном ФО (178 и 183) [17]. При некотором увеличении числа научных организаций произошло сокращение исследователей, работающих в них, а также подготовки аспирантов и количества защищенных ими работ. Есть регионы, где выпуск аспирантов с защитой диссертации за последние годы сократился весьма значительно — на 30% и более: Республика Чувашия, Амурская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Тюменская, Ульяновская области.

С учетом всех ограничений доступности образования и науки в отдельных регионах уместно предположить, что необходим обязательный учет их размещения в стратегии пространственного развития страны. В современных реалиях наука и образование должны иметь в ней такой же статус, как и транспортная и логистическая инфраструктура, и справедливость этого положения будет сохраняться и в общей тенденции — расширения практик онлайн-образования, поскольку эффективный образовательный процесс требует сочетания обучения в онлайн и офлайн формах.

Развитие науки и образования склывают не только наработки эпохи индустриализации, связанные с размещением производства в увязке с доступностью сырьевой базы, например, Кузбасс — Южный Урал, но и постиндустриальный вывод производства на периферию благодаря деятельности транснациональных компаний (ТНК). И если символами индустриального общества были крупные заводы, а постиндустриального — ТНК, то символом новейшего времени становятся университеты, которые сосредотачивают в себе как интеллектуальный, так и репродуктивный потенциал общества. Цифровая экономика требует все большего числа носителей знаний, т.е. унаследованное от уходящего способа производства массовое образование (общее среднее и профессиональное) должно обеспечить подготовку штучных выпускников, способных генерировать новые знания и облекать их в цифровую технологическую оболочку. Получающие все более широкое распространение олимпиады, конкурсы и другие организационные формы решения интеллектуальных задач направлены на «поиски иголки в стогу сена», который может быть результативным только в условиях постоянной и повсеместной доступности науки и образования.

Обеспечить ее проще всего в рамках пространственной организации, предполагающей переход к размещению населения, власти, инфраструктуры и производства на основе полицентрической модели устойчивого развития и в соответствии с требованиями свободного движения товаров, услуг, труда и капитала [16]. Территориальная организация — это размещение населения, власти, инфраструктуры и производства на основе модели развития «центр—периферия» с вытекающими из нее ограничениями свободного движения товаров, услуг, труда и капитала. Реализация этой модели и породила доминирующие сегодня условия жизни за пределами крупных агломераций, в том числе периферийные науку и образование.

И если территориальное развитие можно определить, как «формирование и качественное преобразование территориально-хозяйственных систем» [11], то пространственное развитие — это формирование трансграничной инженерной и социальной инфраструктуры, повышающее связность территориальных образований и обеспечивающее их доступность для населения, гражданского, корпоративного и оборонного секторов. При этом в новой экономике в пространственном

развитии наука и образование могут выступать в качестве градообразующей базы малых и средних городов, а также сельских населенных пунктов, и роль профессионального образования в качестве градообразующего фактора уже фиксируется в научной литературе [2].

Переход от территориальной к пространственной организации предполагает учет факторов демографического развития [16] и экономического роста. В этом плане наука и образование и служат важнейшими факторами экономического роста. Все соображения о пространственной организации имеют смысл лишь при выполнении двух условий: она характерна для формируемого нового технологического уклада и требует реализации полицентрической модели развития. Центр здесь определяется характером происходящих событий, а не административно-территориальным делением.

В данный момент полицентричность в профессиональном образовании более настойчиво пробивает себе дорогу, чем в общем образовании и науке. Национальные и исследовательские университеты, как и научно-образовательные центры (НОЦ), служат тому хорошими примерами. Отставание внутристранового пространственного развития и интеграции на основе полицентрических межрегиональных систем расселения (агломераций, мегаполисов) и новых сельско-городских отношений оказывает нарастающее негативное влияние на все стороны жизни нашего общества. В этой связи трудно согласиться с тем, что крупнейшие города, сразу же заявившие о готовности сформировать НОЦы (Москва, Кемерово, Самара, Томск, Тюмень) — лучшие места для таких начинаний. Напротив, формирование таких центров в малых и средних городах (Борисоглебске, Пушкино, Сызрани, Тобольске, Урюпинске и др.) с позиций повышения доступности, а не дальнейшей концентрации науки и образования или устойчивого пространственного развития могло бы способствовать решению многих социально-экономических задач, в частности, повышения доступности науки и образования по всему периметру расселения, что подразумевается и в нацпроектах.

Повсеместное повышение доступности науки и образования предполагает модернизацию сельских школ, и его составной частью, несомненно, является «диверсификация сельской экономики» [8]. Она может быть эффективной лишь в случае постоянного поощрения занятий, связанных с использованием возобновляемых природных ресурсов. Эти занятия не только историческая основа села. Прочувствовав на себе, что такое «труд» в условиях индустриального общества, сегодня далеко не все соглашаются с тезисом целой плеяды классиков, утверждавших, что «труд создал человека». Вполне возможно, что работа с возобновляемыми природными ресурсами является тем механизмом, посредством которого природа очеловечивает людей. В историческом движении от охоты, рыбной ловли и собирательства землепользование и есть то занятие, что сформировало современного человека. «Признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению» [3]. Можно предположить, что с нарастанием нового технологического уклада, опирающегося на возобновляемые природные ресурсы, у людей будет меняться и отношение к ним, но таких людей надо сформировать и вырастить, и здесь сельская школа в союзе с наукой могут сыграть решающую роль.

Иными словами, технологическая революция XXI века предполагает рост численности персонала, занятого в науке и образовании, повышение их привлекательности и общественного статуса, что может быть обеспечено лишь в случае достойной оплаты труда, высокого уровня жизни, хороших условий труда, карьерного роста и общественного признания. Как отмечал Э. Тоффлер в работе «Третья волна», посвященной анализу перспектив нового технологического устройства, его символами выступают индивидуальность, целостность и человеческие технологии. Ведущую роль в новом информационном обществе «третьей волны» приобретает наука и образование, корпорации уступают место университетам, а бизнесмены — ученым и специалистам. Для этого общества определяющим является принцип «сделай сам», возрастает роль самообразования, развития личных талантов и индивидуальных навыков [19].

К сожалению, далеко не всегда события развиваются в нужном направлении. В период преобразований начиная с 1991 года бюджетные расходы на финансирование науки и образования резко снизились. Такая социально-экономическая политика привела к серьезному отставанию страны по целому ряду отраслей, наверстать которые будет весьма проблематично еще в течение длительного времени. Низкий уровень оплаты труда способствовал распространению в науке и образовании совместительства. Сегодня широко распространена и административно поощряется одновременная работа в исследовательском институте и вузе, равно как и совместительство в нескольких вузах. Более того, все большее распространение получает самозанятость, прежде всего в формах репетиторства и работы по договорам. Реализованное в последние годы номинальное повышение зарплаты в науке и образовании решило проблемы отчетности ответственных лиц за выполнение соответствующих указов, но не сняло и не может снять проблем в научно-образовательной среде.

Многие ученые, занятые в наукоемких и высокотехнологичных отраслях экономики, потенциально рассматривают для себя возможность переезда на работу в другую страну. По данным международных исследований, хотела бы работать за рубежом половина российских ученых, 52% топ-менеджеров компаний, 54% специалистов в сфере IT-технологий, 49% инженеров и 46% врачей. «В качестве причин отъезда люди называют более высокую зарплату, приобретение трудового опыта, более высокий уровень жизни и расширение карьерных возможностей» [4]. При этом карьерные амбиции и лучшие условия для занятия наукой и исследованиями занимают в ответах респондентов главные позиции. Данные зарубежных исследователей подтверждаются аналогичными данными российских специалистов: выезд молодых специалистов за рубеж с 2013 по 2016 годы увеличился с 20 до 44 тысяч человек [7]. До 30% молодых россиян готовы уехать за рубеж, а среди аспирантов — каждый второй респондент; в целом 26% молодежи готовы уехать из страны [5]. Материалы нашего опроса, проведенного в марте 2018 года на базе образовательной платформы «Ломоносов» Московского государственного университета [1], свидетельствуют, что среди молодых ученых, которые связывают свои жизненные планы с эмиграцией, 39% готовы уехать для получения новых знаний по профессии и освоения новых технологий; 36% видят для себя за границей луч-

шие перспективы карьерного роста. Суммарно отъезд за границу по профессиональным соображениям является основной причиной возможной эмиграции для 54%, т.е. значительная часть молодых исследователей не видит для себя возможностей реализации в профессиональном плане в своей стране.

Негативные последствия регионального распределения образовательных и научных ресурсов болезненно отражаются на субъектах Российской Федерации, где отток человеческого капитала усугубляется образовательной и профессиональной миграцией не столько за пределы страны, сколько в другие регионы. Молодежь едет учиться в более престижные вузы, которые дают более высокие шансы на дальнейшее трудоустройство, выбирает регионы с более развитым рынком труда, ориентируется на новые направления подготовки и лучшие условия жизни.

Вместе с тем решения региональных проблем и неравномерности распределения образовательных и научных ресурсов носят несистемный характер. Большинство проектов исходит из стандартных решений и базируется на крупных образовательных единицах: городах, областных центрах, признанных вузах, как правило расположенных в столицах субъектов. Такой подход не способен решить проблему, так как даже в разрезе одного субъекта сохраняется неравномерность доступа к высшему образованию и науке. Построение сбалансированной системы высшего образования в соседних регионах в разрезе федеральных округов или отраслей является важной задачей, требующей стратегической разработки и комплексного решения, которые должны учитывать институциональные и социокультурные особенности каждого региона и России в целом. Проблема в том, что новой экономике одновременно необходимо наращивать науку и образование численно, делать их доступными по всему периметру расселения и повышать их статус в обществе — с учетом ресурсных ограничений сделать это сложно.

Библиографический список

- [1] *Алешковский И.А., Крухмалева О.В.* Жизненные планы и профессиональные ориентации молодежи: социологический анализ // *Alma Mater*. 2018. № 10.
- [2] *Булатова Т.А., Глухов А.П.* Факторы привлечения образовательных мигрантов (на примере сибирских вузов) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 1.
- [3] *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
- [4] Исследование международной консалтинговой компании Boston Consulting Group // <https://www.finanz.ru/novosti/aktcii/pоловина-rossiyskikh-uchenykh-zayavili-o-zhelanii-emigrirovat-1027322119>.
- [5] Исследование «Ценностные ориентации российского студенчества». М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- [6] Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2017 год. М.: Минобрнауки, 2017.
- [7] *Клячко Т.* Как остановить утечку мозгов из России? // *Аргументы и факты*. № 15 от 11.04.2018.
- [8] Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года // <http://www.government.ru/gov/results/13358>.
- [9] *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование: Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.

- [10] Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11.
- [11] Лаженцев В.Н. Территориальное развитие как экономико-географическая деятельность (теория, методология, практика). Новые исследования по региональной экономике // Экономика региона. 2013. № 1.
- [12] Лешуков О.В., Фрумин И.Д. Флагманские университеты: от советского опыта к новой модели // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4.
- [13] Лупенкова Е.С., Медведева Е.И. Расходы семей на образование в России и за рубежом // Доходы, расходы и сбережения населения России. М.: ИСЭПН РАН, 2018.
- [14] Образование в России—2017. Статистический бюллетень. М.: Московский технологический университет, 2017.
- [15] Национальные проекты «Образование» и «Наука» // <http://government.ru/projects/selection/741/35675>.
- [16] Пащиорковский В.В. Большая семья и усадебное домохозяйство — социальная норма жизни людей // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. Т. 2. М.: Экономическое обозрение, 2018.
- [17] Регионы России. Социально-экономические показатели—2017. М.: Росстат, 2017.
- [18] Саймон Б. Общество и образование. М.: Прогресс, 1989.
- [19] Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
- [20] Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Academia, 2001.
- [21] Nieto S. Public education in the XX century and beyond: High hopes, broken promises and an uncertain future // *Harvard Educational Review*. 2005. Vol. 75. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-419-431

Education in digital society: A regional aspect*

V.V. Patsiorkovskiy¹, O.V. Kruhmaleva^{2,3}

¹Institute for Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Prosp., 32, Moscow, 117218, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

³Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1-46, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: patsv41@gmail.com; kruhoks@yandex.ru)

Abstract. The article considers the features of the spatial distribution of educational and scientific organizations in Russia as an important component of digital society. Based on the extensive sociological and statistical data, the article explains the need to revise the existing approach to the organizational structure of the higher education system taking into account the “5-100” projects and the creation of supporting and federal universities aimed at strengthening the system of higher professional education in the regions. The authors analyze national programs, in particular the national projects “Education” and “Science”,

* © V.V. Patsiorkovskiy, O.V. Kruhmaleva, 2019.

The article was submitted on 07.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

in terms of the new approaches to their territorial organization. The article aims at analyzing the regional accessibility of the main levels of education, and defines as its indicator the educational services of all levels provided in the region. The article is based on the hypothesis that an increase in the spatial accessibility of basic levels of education makes an important contribution to sustainability and accelerates social development. The authors note that all adopted programs and relatively new structural elements of higher education imply an increase in budgetary funding. Given the size of this funding, the gap between regional systems grows and the inclusion of new participants (universities) in the circle of the strongest educational institutions becomes more problematic. Meanwhile, it is the system of higher education and related scientific organizations that is one of the main drivers of the regional development, which determines its human potential and place in the country's economy.

Key words: education; science; knowledge production; inequality of access; spatial distribution; regions; higher education system; supporting university; national projects; project “5-100”

References

- [1] Aleshkovsky I.A., Kruhmaleva O.V. Zhiznennye plany i professionalnye oriyentatsii molodezhi: sotsiologicheskyy analiz [Life plans and professional orientations of the youth: A sociological analysis]. *Alma Mater*. 2018; 10 (In Russ.).
- [2] Bulatova T.A., Glukhov A.P. Faktory privlecheniya obrazovatelnykh migrantov (na primere sibirskikh vuzov) [Attracting factors for educational migrants (on the example of Siberian universities)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (1) (In Russ.).
- [3] Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii; 2009 (In Russ.).
- [4] Issledovanie mezhdunarodnoy konsaltingovoy kompanii Boston Consulting Group [Research of the international consulting company Boston Consulting Group]. <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/polovina-rossiyskikh-uchenykh-zayavili-o-zhelanii-emigrirovat-1027322119> (In Russ.).
- [5] Issledovanie “Tsennostnye oriyentatsii rossiyskogo studenchestva” [The study “Value orientations of the Russian students”]. Moscow: NIU VShE; 2017 (In Russ.).
- [6] Itogovy otchet o rezultatakh analiza sostoyaniya i perspektiv razvitiya sistemy obrazovaniya za 2017 god [Final report on the results of the analysis of the state and prospects of the education system development in 2017]. Moscow: Minobrnauki; 2017 (In Russ.).
- [7] Klyachko T. Kak ostanovit utechku mozgov iz Rossii? [How to stop the brain drain from Russia?]. *Argumenty i fakty*. No. 15. 11.04.2018 (In Russ.).
- [8] Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya selskikh territoriy Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda [Concept of the Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation up to 2020]. <http://www.government.ru/gov/results/13358> (In Russ.).
- [9] Konstantinovsky D.L. *Neravenstvo i obrazovanie: Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000 kh)* [Inequality and Education: Sociological Studies of the Life Career of the Russian Youth (the 1960s — early 2000s)]. Moscow: TSSP; 2008 (In Russ.).
- [10] Konstantinovsky D.L., Popova E.S. Molodezh, rynek truda i ekspansiya vysshego obrazovaniya [Youth, labor market and expansion of higher education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 11 (In Russ.).
- [11] Lazhentsev V.N. Territorialnoe razvitie kak ekonomiko-geograficheskaya deyatel'nost (teoriya, metodologiya, praktika). Novye issledovaniya po regionalnoy ekonomike [Territorial development as an economic and geographical activity (theory, methodology, practice). New studies on regional economy]. *Ekonomika Regiona*. 2013; 1 (In Russ.).
- [12] Leshukov O.V., Frumin I.D. Flagmanskii universitet: ot sovetskogo opyta k novoy modeli [Flagship universities: From the Soviet experience to a new model]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2017; 21 (4) (In Russ.).

- [13] Lupenkova E.S., Medvedeva E.I. Raskhody semey na obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Family spending on education in Russia and abroad]. *Dokhody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii*. Moscow: ISEPN RAN; 2018 (In Russ.).
- [14] Obrazovanie v Rossii—2017. Statistichesky byulleten [Education in Russia—2017. Statistical Bulletin]. Moscow: Moskovsky tekhnologicheskyy universitet; 2017 (In Russ.).
- [15] Natsionalnye proekty “Obrazovanie” i “Nauka” [National projects “Education” and “Science”]. <http://government.ru/projects/selection/741/35675> (In Russ.).
- [16] Patsiorkovskiy V.V. Bolshaya semya i usadebnoe domokhozyaystvo — sotsialnaya norma zhizni lyudey [Big family and the manor household as a social norm of people’s lives]. *Nastoyashchee i budushchee semyi v menyayushchemsya mire*. Vol. 2. Moscow: Ekonomicheskoe obozrenie; 2018 (In Russ.).
- [17] Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli—2017 [Regions of Russia. Social-Economic Indicators—2017]. Moscow: Rosstat; 2017 (In Russ.).
- [18] Simon B. *Obshchestvo i obrazovanie* [Society and Education]. Moscow: Progress; 1989 (In Russ.).
- [19] Toffler A. *Tretya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST; 2010 (In Russ.).
- [20] Sheregi F.E., Kharcheva V.G., Serikov V.V. *Sotsiologiya obrazovaniya: prikladnoy aspekt* [Sociology of Education: An Applied Aspect]. M.: Academia; 2001 (In Russ.).
- [21] Nieto S. Public education in the XX century and beyond: High hopes, broken promises and an uncertain future. *Harvard Educational Review*. 2005; 75 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442

Социальные практики питания детей в малообеспеченных российских семьях*

С.В. Егорышев, Р.М. Садыков, Ю.В. Мигунова

Институт социально-экономических исследований —
обособленное структурное подразделение
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
просп. Октября, 71, Уфа, Россия, 450054

(e-mail: nauka@vegu.ru; SadikovRM@mail.ru; ignatenko_isei@mail.ru)

Основу статьи составляют результаты исследования социальных практик качественного и сбалансированного питания детей в малообеспеченных российских семьях. Анализируются исследовательские и практические подходы к питанию как явлению, исторически и культурно обусловленному и во многом связанному с социально-экономическими особенностями и проблемами развития российского общества. Аргументируется, что качество питания — основной индикатор уровня социально-экономического развития страны, который детерминирует показатели здоровья населения и социальный потенциал. Современные российские реалии характеризуются трендами ухудшения показателей здоровья детей и подростков, в том числе по причине снижения пищевой ценности продуктового набора семьи. Сложившаяся ситуация свидетельствует о высокой социальной значимости проблемы питания детей и всех категорий населения. Это проявляется в тесной взаимосвязи рациона и практик питания населения с содержанием национальных проектов «Здравоохранение», «Демография», «Экология». В статье анализируются данные официальной статистики и результаты социологического опроса, проведенного в Республике Башкортостан, характеризующие состояние и особенности существующих и складывающихся практик питания детей в семьях в зависимости от их материальных возможностей и количества детей. По результатам опроса для 35% семей затраты на питание составляют 30—40% их основного дохода. Для 26% респондентов расходы на питание составляют от 40—50%, при том что в мировой практике эта доля фиксируется на уровне 20—25% и считается пороговой. Установлено, что с ростом уровня доходов снижается доля расходов на питание, и наоборот, а рацион питания в малолетних семьях значительно богаче и разнообразнее, чем в многодетных, т.е. социальные практики питания в российских семьях связаны с уровнем их жизни.

Ключевые слова: социальные практики питания; питание детей; рацион; качество питания; уровень жизни семьи; семья с детьми; малообеспеченная семья

В современных условиях проблема питания детей в силу своей высокой социальной значимости стала объектом междисциплинарного изучения. В ней находят свой интерес социология, медицина, диетология, экология и гигиена, предлагая свои подходы к осмыслению данной проблематики и ее практическому решению. В целом можно говорить о трех таких подходах: естественнонаучном, историко-

* © Егорышев С.В., Садыков Р.М., Мигунова Ю.В., 2019.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН № 007-00256-18-01 на 2019 год.

Статья поступила 26.04.2019 г. Статья принята к публикации 07.06.2019 г.

этнографическом и социологическом [см. также: 27]. Исследования, основанные на естественнонаучном подходе, акцентируют внимание на взаимосвязи рациона питания человека с его физическим состоянием и самочувствием. Рекомендации по правильному питанию с целью заботы о состоянии здоровья детского и взрослого населения являются важными чертами данного подхода (М.Н. Шатерников, А.А. Покровский, В.А. Тутельян и др.) [14]. Так, разработанные при участии М.Н. Шатерникова нормы питания для определенных групп населения легли в основу планирования производства продуктов питания. Под руководством академика А.А. Покровского значительно расширился круг биохимических исследований в рамках концепции рационального и сбалансированного питания, а также физиологических норм питания, необходимых различным профессиональным группам и возрастам [28]. В последние годы ведется полемика по вопросам правильного питания, что обусловлено интенсивным внедрением новых пищевых технологий и широким распространением «культурно-пищевых заболеваний», например, анорексии и ожирения. В результате человек вынужден выбирать не только продукты питания, но и определяться с многочисленными альтернативными диетами и рекомендациями.

В рамках историко-этнографического подхода проблема питания изучается как социокультурное явление, своеобразная этническая традиция (С.А. Арутюнян, С.А. Токарев, Н.Л. Жуковская и др.). В отечественной этнографии была разработана уникальная концепция изучения систем питания разных народов, включавшая следующие элементы: набор основных продуктов и разновидностей блюд; приправы и специи; особенности обработки продуктов и приготовления блюд; пищевые привычки; правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи [29. С. 4]. Отечественные исследователи собрали интереснейшие этнографические сведения о традиционных системах питания народов России, сделав важные обобщения о социокультурных смыслах еды и социальных функциях пищи [11]. Один из ведущих отечественных этнографов С.А. Токарев писал, что функции пищи в обществе разнообразны, она играет роль формы, опосредствующей социальное общение людей: «Самый акт совместной еды и питья зачастую есть не только проявление дружбы или родства между людьми, но в ряде случаев он сам создает отношения дружбы или родства» [26. С. 5]. Сегодня в этнографической науке все чаще именно традиционная пища народов мира становится объектом научного анализа: пища, являясь частью материальной культуры, выступает своеобразной константой культурного пласта народа, поэтому менее всего подвержена изменениям в длительном временном периоде [8. С. 111].

Сторонники социологического подхода анализируют роль и значение питания в организации социальной жизни человека. Методологическую базу подхода формирует теоретическая традиция, заложенная П. Бурдьё и связывающая образ жизни и потребление человека с социальной структурой. Мнение о том, что по пищевым пристрастиям индивида можно судить о его принадлежности к социальному слою, разделяли П.А. Сорокин, Ю.В. Веселов, С.А. Кравченко и др. В социологии сформировалось понимание питания как социального феномена, обусловленного социально-экономическими и культурно-историческими особенностями и проблемами общества.

Таким образом, представители всех подходов сходятся в том, что питание — одно из основополагающих средств обеспечения жизнедеятельности организма как биологической системы, а основные модели и типы питания определены обществом. Экономическая, хозяйственная деятельность по обеспечению продуктами питания социально нормирована, т.е. социальные группы, институты и общество в целом нормируют и регулируют вопросы питания. Следовательно, питание — это социальная система, а задачи социологии питания таковы: «раскрыть характер социализации и социального расслоения в процессе потребления еды, исследовать формирование идентичности человека и социальных групп посредством наборов и практик питания» [5. С. 96].

По мнению С.А. Кравченко, сегодня «существенно изменился социокультурный дискурс, осуществляющий „надзор“ за „нормальностью“ еды» [10. С. 87]. Трансформация существующих и формирование новых практик производства и потребления пищи обусловлена нацеленностью на рациональное питание и — через него — на качество жизни населения и укрепление его здоровья. Достижения науки и производственных технологий, с одной стороны, способствуют росту производства пищи, с другой — порождают новые социальные неравенства по отношению к качеству потребляемых продуктов, продуцируют риски в сфере здоровья и долголетия, обусловленные потреблением более доступной еды низкого качества, что часто противоречит медико-социальным нормам и традициям национальной кухни.

Социальные практики питания являются основным индикатором как достигнутого уровня социально-экономического развития страны, так и ее перспектив, детерминируют показатели здоровья и качество человеческого капитала. В связи с этим исследование особенностей питания детей как будущего страны и прежде всего детей, воспитывающихся в малообеспеченных семьях, очерчивает связь формирования человеческого капитала с эффективностью решаемых государством социально-экономических задач [34]. Эта взаимосвязь проявляется и в содержании реализуемых до 2024 года национальных проектов «Здравоохранение», «Демография» и «Экология». В то же время, как показывает анализ литературы, сегодня не в полной мере исследуются социально-экономические аспекты существующих и вновь складывающихся практик питания детей в российских семьях, социальные угрозы неполноценного питания, детерминирующие социализацию подрастающего поколения, проявления и последствия дифференциации питания в семьях с разным уровнем доходов и т.д.

Исследования показывают, что в России питание сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, это сужение рациона в малообеспеченных семьях с детьми, особенно многодетных (В.Ю. Альбицкий, А.А. Баранов, Р.Н. Терлецкая и др.): семья с детьми и подростками отличается самыми высокими рисками бедности. Структуризация социально-демографического профиля бедности позволяет определить специфику уровня жизни и перехода в разряд бедных полных малолетних, неполных и многодетных семей [1; 2]. Во-вторых, питание, являясь элементом системы социальных отношений, подвержено вызовам и угрозам, продуцирующим новые, зачастую неожиданные практики потребления, сохранения и аккумуляции технологий питания у разных социальных групп. Пища, социальные нормы,

связанные с ее приемом, обеспечение общества пищевыми продуктами, появление уникальных практик употребления пищи и, соответственно, усложняющиеся риски, связанные с этим потреблением, в обозримом будущем остаются важной составляющей социально-политического взаимодействия (Н.Н. Зарубина, С.А. Кравченко и др.) [23]. В-третьих, широко распространенный дисбаланс обменных процессов обусловлен дефицитом основных ингредиентов питания (белки, жиры, углеводы), витаминов, минеральных веществ (А.К. Батурин, А.Д. Деев, Э.Э. Кешабянц и др.). Данная ситуация связана в том числе с неумением правильно питаться, отсутствием знаний о культуре питания и его роли в поддержании здоровья [4; 7].

Дж. Ковеней подчеркивает, что еда до сих пор остается идентификатором и маркером класса, культуры и цивилизации [31]. Эта мысль высказана и в работе П. Сорокина «Голод как фактор», описывающей питание в социально-философском аспекте: «Человек в значительной мере есть то, что он ел и ест, особенно в период первых лет жизни, и что ели его предки и родители, особенно в период его зачатия и внутриутробного развития» [21. С. 17]. Рациональное и сбалансированное питание в раннем возрасте закладывает основы физического и умственного развития, трудоспособности подрастающего поколения, создает условия для его адаптации [9; 17; 30].

Фиксируемые в настоящее время нисходящая динамика показателей благосостояния и тенденции социальной дифференциации — основные факторы обострения проблемы бедности, особенно среди семей, воспитывающих несколько детей [16. С. 24]. В таких обстоятельствах актуализируется проблема полноценного питания детей в семьях, прежде всего, с низким уровнем доходов. При этом статистические данные и результаты социологических исследований указывают, что с каждым последующим рождением детей в семье качество питания ее членов снижается [6; 12; 13; 19].

Распространение разных форм бедности и социального неблагополучия выступает основными препятствиями на пути устойчивого развития страны. Так, в 2013 году в России 10,8% (15,5 млн) населения жили за чертой бедности. В 2014 году численность бедного населения возросла до 11,2% (16,1 млн), в 2015—2016 — до 13,3% (19,25 млн), в 2017 — 13,2% (19 млн), т.е. доля населения, находящаяся за чертой бедности, за последние пять лет увеличилась [18]. Для Республики Башкортостан также характерны тенденции увеличения доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума: в 2013 году в регионе количество бедных составляло 10,4%, в 2014 — 10,8%, в 2015 — 12,8%, в 2016 — 12,4%, в 2017 — 12,3%. Кроме того, российские реалии характеризуются трендами ухудшения показателей здоровья детского и подросткового населения, в том числе по причине ограниченности потребления полезных продуктов питания в семье, что, безусловно, отражается на процессах социализации.

Данные социологического опроса, проведенного Институтом социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН в июне 2018 года среди городского населения Республики Башкортостан

(объем выборки — 1000 человек), подтверждают низкий уровень жизни населения региона. Большинство респондентов имеют скромный уровень материального обеспечения. Доходы у преобладающей части опрошенных в расчете на одного члена семьи составляют: до 10 тысяч рублей — у 11%; от 10 до 15 тысяч — у 25%; от 15 до 20 тысяч — у 22% и от 20 до 25 тысяч — у 21%. У 79% доходы не превышают 25 тысяч рублей в месяц на одного человека. Значительная часть горожан (40%) относят себя к малообеспеченным слоям, и лишь 14% не считают себя малообеспеченными. Оставшаяся часть респондентов оценивает свое материальное положение выше прожиточного минимума (46%).

Данные подтверждают дифференциацию уровней и структуры потребления: для значительной доли населения, особенно для семьи с детьми, приоритетом выступает обеспечение потребностей в питании, ограничивается удовлетворение потребностей в культурных благах и услугах здравоохранения в нужном объеме и качестве. 40% горожан отметили, что им хватает денег на питание и покупку одежды, а затруднение вызывает приобретение бытовой техники. Еще около четверти (24%) утверждают, что денег хватает на бытовую технику и мебель, но финансовые затруднения вызывает покупка автомобиля; у 17% денег хватает на питание, но покупка одежды затруднена. Лишь у незначительной части респондентов (13%) денег хватает на все, за исключением покупки квартиры или дома, и только у 4% денег достаточно для покупки квартиры или дома. Не хватает денег даже на питание у 2%.

Горожане определили самые острые региональные проблемы, на решении которых, по их мнению, необходимо сосредоточить первоочередные усилия: низкий уровень доходов населения; нехватка рабочих мест и безработица; недоступность (дороговизна) жилья; высокие тарифы на услуги ЖКХ; рост цен на товары, прежде всего продовольственные. Действительно, впервые со времени кризиса 2008 года затраты россиян на продовольствие превзошли другие расходы. По подсчетам экспертов, в 2016 году на продукты питания приходилось 50,1% расходов россиян, на непродовольственные товары — 49,9%; в 2015 году — 49,3% и 50,7% соответственно. До 2016 года затраты населения на еду превышали расходы на непродовольственные товары в 2009 году и составляли 49,6% [22]. Тенденция роста затрат в семьях на продукты питания сохраняется и в настоящее время.

Наше исследование подтвердило, что рост уровня жизни и повышение доходов приводят к сокращению доли затрат на приобретение продуктов питания, и наоборот (см. табл. 1).

По данным нашего исследования, в городах Республики Башкортостан к наиболее затратным статьям расходов респонденты отнесли: продукты питания и безалкогольные напитки — 86%; жилищно-коммунальные услуги — 80%; одежду и обувь — 67%; транспорт — 56%. В многодетных семьях более трети дохода тратится на питание, что указывает на низкий материальный достаток и коррелирует с результатами других исследований [32; 35]. Более того, при значительном увеличении расходов этих семей на продукты питания сохраняется сниженное потребление полезной качественной пищи, что детерминирует социальное расслоение населения России по типу питания [25; 33].

Таблица 1

Расходы на питание в домохозяйствах с детьми в возрасте до 16 лет, %

Домохозяйства с детьми в возрасте до 16 лет	Годы	
	2015	2016
1 ребенок	34,6	34,4
2 детей	36,1	36,9
3 и более детей	36,7	40,1

Таблица 2

Доля затрат на покупку продуктов питания в основном доходе городских домохозяйств в Республике Башкортостан

Доля затрат от дохода	% ответивших
Менее 20%	7,5
20—30%	23,0
30—40%	35,3
40—50%	26,4
50% и более	7,8

Таблица 3

Потребление продуктов питания в домохозяйствах с детьми в возрасте до 16 лет в 2016 году (в среднем на одного члена домохозяйства, кг)

Продукты питания	Домохозяйства с детьми в возрасте до 16 лет		
	1 ребенок	2 детей	3 и более
Хлебные продукты	86	81	91
Картофель	54	50	54
Овощи и бахчевые	93	81	71
Фрукты и ягоды	67	61	54
Мясо и мясные продукты	79	69	62
Молоко и молочные продукты	241	214	208
Яйца, шт.	200	177	167
Рыба и рыбные продукты	18	15	14
Сахар и кондитерские изделия	28	26	27
Масло растительное и другие жиры	9	8	9

Анализ структуры расходов семей показал, что затратам на питание отводятся не просто лидирующие позиции. Для 35% семей расходы на питание составляют 30—40% дохода домохозяйства. Для 26% расходы на питание составляют от 40—50%, при том что в мировой практике доля затрат на питание на уровне 20—25% уже считается пороговой (табл. 2). Таким образом, для значительной части городского населения (70%) многие интересы и блага переходят в разряд второстепенных по сравнению с продуктами питания, и в большинстве случаев страдает качество продуктов.

Сравнительный анализ динамики базовых характеристик питания семей с детьми показал, что в семьях с двумя и более детьми изменения в структуре питания носят наиболее выраженный характер [20]. Так, в многодетных семьях доминирует углеводная модель питания. По официальным данным, в 2016 году семьи, воспитывающие одного ребенка, потребляли в год 86 кг хлебных продуктов, двоих детей — 81 кг, троих и более — 91. В свою очередь, 79 кг мяса в год потребляла семья с одним ребенком, с двумя детьми — 69 кг, а с тремя и более — 62. То же самое необходимо отметить в потреблении рыбы и рыбопродуктов (семья с одним ребенком потребляла 18 кг рыбы в год, с двумя детьми — 15 кг, с тремя и более — 14 кг в год), а также молока (табл. 3).

Результаты социологического исследования в регионе подтверждают эти тенденции. Так, на вопрос «Как часто Ваша семья потребляет указанные продукты питания?» респонденты дали следующие ответы: в рационе каждый день в основном хлебные продукты — 85%, молоко и молочные продукты — 70%; несколько раз в неделю присутствуют картофель — 50%, овощи и бахчевые — 43%; раз в неделю включены мясо и мясопродукты — 41%, яйца — 40%, фрукты и ягоды — 38%; раз в месяц имеются рыба и рыбопродукты — 32%.

П. Сорокин подчеркивал, «что питание более богатых слоев количественно больше, что процент продуктов животного происхождения в нем гораздо выше, чем в пищевой диете бедняков...» [21. С. 5]. «Количественная сторона пищи измеряется в физиологии ее калорийностью, качественная — наличием в ней белков, жиров, углеводов и дополнительных веществ...» [21. С. 3]. В ходе анализа официальной статистики за 2016 год было выявлено, что в рационе малодетных семей количество белков, жиров и углеводов значительно выше, чем в многодетных (табл. 4). Следовательно, подтверждается вывод, что качество питания лучше в семьях с одним ребенком [16. С. 24].

Таблица 4

**Пищевая ценность продуктов питания в домохозяйствах с детьми
в возрасте до 16 лет в 2016 году** (в среднем на одного члена домохозяйства в сутки)

Пищевая ценность продуктов	Домохозяйства с детьми в возрасте до 16 лет		
	1 ребенок	2 детей	3 и более
Белки (в г)	70	62	59
Жиры (в г)	95	82	75
Углеводы (в г)	299	289	286

Таблица 5

**Энергетическая ценность рациона питания в домохозяйствах с детьми
в возрасте до 16 лет в 2013—2016 годы** (в среднем на одного члена, ккал/сут)

Домашние хозяйства с детьми в возрасте до 16 лет	Годы			
	2013	2014	2015	2016
1 ребенок	2 352	2 356	2 343	2 354
2 детей	2 123	2 072	2 075	2 138
3 и более детей	2 084	2 079	2 067	2 184

Характеризуя структуру питания многодетных семей, необходимо указать на продолжающееся снижение потребления продуктов с высокой пищевой плотностью. По сути, только в семьях с единственным ребенком можно говорить о качественном и полноценном питании [15] (табл. 5).

Данные в таблице 5 подтверждают мнение С.А. Кравченко, что «ускорение и усложнение социальной и культурной динамики социума затрагивает функционирование жизненных ценностей, включая представления о „хорошей“ и „плохой“ еде, культурные авторитеты и нормы, сопутствующие процессу питания современного человека. Людей все более волнует, что и как есть в целях поддержания физического и психического здоровья, дискурс еды и здоровья все теснее переплетаются» [10. С. 85—94]. И результаты исследований демонстрируют тесную

взаимосвязь социальных практик питания детей в семье с показателями здоровья и уровня жизни [24. С. 37—40]. Соответственно, сегодня особую актуальность обретает обеспечение детей и подростков качественными продуктами — этот вопрос требует пристального внимания со стороны не только исследователей и специалистов-практиков, но и главным образом государственных структур всех уровней.

Библиографический список

- [1] Альбицкий В.Ю., Волгина С.Я., Курмаева Е.А. Состояние здоровья и образ жизни детей из бедных семей // Вопросы современной педиатрии. 2007. Т. 6. № 6.
- [2] Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Альбицкий В.Ю., Терлецкая Р.Н., Антонова Е.В. Состояние и проблемы здоровья подростков в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 6.
- [3] Баранов А.А., Щеплягина Л.А., Ильин А.Г., Кучма В.Р. Состояние здоровья детей как фактор национальной безопасности // Российский педиатрический журнал. 2005. № 2.
- [4] Батуринов А.К., Кешабянц Э.Э., Сафронова А.М., Нетребенко О.К. Программирование питанием: питание детей старше года // Педиатрия. 2013. Т. 92. № 2.
- [5] Веселов Ю.В. Повседневные практики питания // Социологические исследования. 2015. № 1.
- [6] Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. Белая книга России: строительство, перестройка и реформы: 1950—2012 гг. М., 2013.
- [7] Деев А.Д., Батуринов А.К., Старовойтов М.П., Мартинчик А.Н., Землянская Т.А., Шальнова С.А., Кешабянц Э.Э., Сафронова А.М. Питание в бедных семьях: взрослое трудоспособное население // Вопросы питания. 2002. № 2.
- [8] Ефремова Ю.Н. Пища народов Сибири как направление исследования материальной культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 2.
- [9] Концептуальные взгляды на здоровье ребенка / под ред. В.Н. Шестаковой. Смоленск, 2003.
- [10] Кравченко С.А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. 2015. № 1.
- [11] Мигранова Э.В. Традиционная система питания башкир (на материалах юго-западных и юго-восточных районов Республики Башкортостан): дисс. ... к.и.н. Уфа, 2003.
- [12] Мигунова Ю.В., Моисеева Т.П. Двухаспектный характер проблемы питания детей как фактор социальной устойчивости // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6.
- [13] Мигунова Ю.В., Садыков Р.М. Питание детей в современной российской семье: социально-экономический аспект // Вопросы питания. 2018. Т. 87. № 2.
- [14] Научные основы здорового питания. М., 2010.
- [15] Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации: методические рекомендации. М., 2008.
- [16] Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Детская бедность в России. Тревожные тенденции и выбор стратегических действий. М., 2005.
- [17] Питание и здоровье в бедных семьях / под ред. А.К. Батурина, В.Г. Зинина, В.А. Тутельяна и др. М., 2002.
- [18] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. М., 2018.
- [19] Садыков Р.М., Мигунова Ю.В. Социальные угрозы неполноценного питания детей в семье // Социальные аспекты здоровья населения. 2016. № 3.
- [20] Семья в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее / под ред. Л.Н. Овчаровой, Л.М. Прокофьевой. М., 2009.
- [21] Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

- [22] Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. М., 2014.
- [23] Социология питания: традиции и трансформации / под общ. ред. Н.Н. Зарубиной, С.А. Кравченко. М., 2017.
- [24] *Сухарев А.Г., Игнатова Л.Ф., Стан В.В., Шелонина О.А., Цыренова Н.М., Лукашова Ю.А.* Медико-социальная оценка образа жизни школьников // *Российский педиатрический журнал*. 2014. Т. 17. № 3.
- [25] *Сухарев А.Г., Михайлова С.А.* Состояние здоровья детского населения в напряженных экологических и социальных условиях // *Гигиена и санитария*. 2004. № 1.
- [26] *Токарев С.А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // *Этнографическое обозрение*. 1970. № 4.
- [27] *Троцук И.В.* Социологическая «калорийность»: кулинарное, культурное и пространственное «измерения» еды // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 1.
- [28] ФГБУ «НИИ питания РАМ» // <http://www.ion.ru/index.php/2008-12-16-10-17-21>.
- [29] *Этнография питания народов стран зарубежной Азии: Опыт сравнительной типологии*. М., 1981.
- [30] *Ashiabi G.S., O'Neal K.K.* Children's health status: Examining the associations among income poverty, material hardship, and parental factors // *PLoS ONE*. 2007. № 2.
- [31] *Coveney J.* *Food*. L.—N.Y., 2014.
- [32] *Ecob R., Smith G.D.* Income and health: What is the nature of relationship // *Social Science and Medicine*. 1999. Vol. 48. № 5.
- [33] *Freedman P.H.* (Ed.) *Food: The History of Taste*. Berkeley-LA, 2007.
- [34] *Levi-Strauss C.* The culinary triangle // *C. Counihan, P. van Esterik. Food and Culture: A Reader*. N.Y., 2008.
- [35] *Smith J.P.* Healthy bodies and thick wallets: The dual relation between health and economic status // *Journal of Economic Perspectives*. 1999. Vol. 13. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442

Social food practices of children in the low-income Russian families*

S.V. Egoryshev, R.M. Sadykov, Yu.V. Migunova

Institute of Social and Economic Studies
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russia
(e-mail: nauka@vegu.ru; SadikovRM@mail.ru; ignatenko_isei@mail.ru)

Abstract. The article is based on the results of the study of social practices of nutrition of children in low-income Russian families. The authors consider approaches to the study of food practices as a historically and culturally determined phenomenon, which is in many respects connected with social-economic characteristics and problems of the contemporary society. The quality of nutrition is defined as the main indicator of the social-economic development of the country determining public health and social potential. Today the Russian society is characterized by the deterioration of the children and adolescents' health, including due to the decrease in the nutritional value of the family food consumption. The current situation proves the social significance of the problem of nutrition for children and other groups of population, which is manifested in the close relationship between the dietary practices and the content of the national

* © S.V. Egoryshev, R.M. Sadykov, Yu.V. Migunova, 2019.

The study was conducted in the framework of the State assignment of the ISES of the UFRC of the RAS No. 007-00256-18-01 for 2019.

The article was submitted on 26.04.2019. The article was accepted on 07.06.2019.

projects implemented in Russia. The article presents the data of official statistics and the results of the survey conducted in the Republic of Bashkortostan, which characterize the existing and emerging food practices in Russian families as depending on their incomes and number of children. According to the results of the survey, for 35% of families the food expenses make up to 30—40% of their income, for 26% — 40—50%, while the share of 20—25% is considered the global threshold of poverty. With an increase in the level of income, the share of food expenses decreases, and vice versa; and the nutrition in small families is much better and diverse than in large families, i.e. the social nutrition practices of the Russian families depend on their incomes and living standards.

Key words: social food practices; nutrition of children; diet; quality of food; family living standards; families with children; low-income family

References

- [1] Albitsky V.Yu., Volgina S.Ya., Kurmaeva E.A. Sostojanie zdorovja i obraz zhizni detej iz bednyh semej [Health status and lifestyle of children from poor families]. *Voprosy Sovremennoj Pediatrii*. 2007; 6 (6) (In Russ.).
- [2] Baranov A.A., Namazova-Baranova L.S., Albitsky V.Yu., Terletskaia R.N., Antonova E.V. Sostojanie i problemy zdorovja podrostkov v Rossii [The state and problems of adolescents' health in Russia]. *Problemy Sotsialnoj Gigieny, Zdravoohranenija i Istorii Meditsiny*. 2014; 6 (In Russ.).
- [3] Baranov A.A., Scheplyagina L.A., Ilyin A.G., Kuchma V.R. Sostojanie zdorovja detej kak faktor natsionalnoj bezopasnosti [Children's health as a factor of national security]. *Rossijsky Pediatrichesky Zhurnal*. 2005; 2 (In Russ.).
- [4] Baturin A.K., Keshabyants E.E., Safronova A.M., Netrebenko O.K. Programmirovaniye pitaniem: pitaniye detej starshe goda [Nutrition programming: Nutrition for children older than one year]. *Pediatrija*. 2013; 2 (In Russ.).
- [5] Veselov Yu.V. Povsednevnyye praktiki pitaniya [Daily dietary practices]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015; 1 (In Russ.).
- [6] Grazhdankin A.I., Kara-Murza S.G. *Belaja kniga Rossii: stroitelstvo, perestrojka i reformy: 1950—2012 gg.* [White Book of Russia: Construction, Perestroika, and Reforms: 1950—2012]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [7] Deev A.D., Baturin A.K., Starovoytov M.P., Martinchik A.N., Zemlyanskaya T.A., Shalnova S.A., Keshabyants E.E., Safronova A.M. Pitaniye v bednyh semjakh: vzrosloe trudospособnoe naseleniye [Nutrition in poor families: Able-bodied adults]. *Voprosy Pitaniya*. 2002; 2 (In Russ.).
- [8] Efremova Yu.N. Pischy narodov Sibiri kak napravleniye issledovaniya materialnoj kultury [Food of the peoples of Siberia as a direction for the study of material culture]. *Kulturologicheskie Issledovaniya v Sibiri*. 2011; 2 (In Russ.).
- [9] *Kontseptualnye vzgljady na zdorovie rebenka* [Conceptual Perception of the Child's Health]. Pod red. V.N. Shestakova. Smolensk; 2003 (In Russ.).
- [10] Kravchenko S.A. Sotsialnaja i kulturnaja dinamika edy: priobretenija i ujazvimosti [Social and cultural dynamics of food: Acquisitions and vulnerabilities]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015; 1 (In Russ.).
- [11] Migranov E.V. *Traditsionnaja sistema pitaniya bashkir (na materialah jugo-zapadnykh i jugo-vostochnykh rajonov Respubliki Bashkortostan)* [The traditional food system of Bashkirs (on the materials of the south-western and south-eastern regions of the Republic of Bashkortostan)]: Diss. k.i.n. Ufa; 2003 (In Russ.).
- [12] Migunova Yu.V., Moiseeva T.P. Dvuhaspektnyy harakter problemy pitaniya detej kak faktor socialnoj ustojchivosti [Two-aspect nature of the nutrition of children as a factor of social sustainability]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2014; 6 (In Russ.).
- [13] Migunova Yu.V., Sadykov R.M. Pitaniye detej v sovremennoj rossijskoj semie: socialno-ekonomicheskij aspekt [Nutrition of children in the contemporary Russian family: A social-economic aspect]. *Voprosy Pitaniya*. 2018; 2 (In Russ.).

- [14] *Nauchnye osnovy zdorovogo pitaniya* [Scientific Grounds of Healthy Nutrition]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [15] *Normy fiziologicheskikh potrebnostej v energii i pischevyh vechhestvah dlja razlichnyh grupp naselenija Rossijskoj Federatsii: metodicheskie rekomendatsii* [Norms of physiological needs in energy and nutrients for various groups of the Russian population: Methodological guidelines]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [16] Ovcharova L.N., Popova D.O. *Detskaja bednost v Rossii. Trevozhnye tendentsii i vybor strategicheskikh dejstvij* [Children Poverty in Russia. Alarming Trends and Strategic Choices]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [17] *Pitanie i zdorovie v bednyh semjah* [Nutrition and Health in Poor Families]. Pod red. A.K. Baturina, V.G. Zinina, V.A. Tutelyana et al. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [18] *Regiony Rossii. Socialno-ekonomicheskie pokazateli: Stat. sb.* [Regions of Russia. Social-Economic Indicators: A statistical yearbook]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [19] Sadykov R.M., Migunova Yu.V. Socialnye ugrozy nepolnotsennogo pitaniya detej v semie [Social threats of malnutrition of children in the family]. *Socialnye Aspekty Zdorovja Naselenija*. 2016; 3 (In Russ.).
- [20] *Semja v Rossii: osobennosti sovremennoj zhizni i vzgljad v budushee* [Family in Russia: Features of Contemporary Life and Future Prospects]. Pod red. L.N. Ovcharova, L.M. Prokofieva. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [21] Sorokin P.A. *Golod kak faktor. Vlijanie goloda na povedenie ljudej, sotsialnuju organizatsiju i obshchestvennuju zhizn* [Hunger as a Factor. The Impact of Hunger on Human Behavior, Social Organization, and Social Life]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [22] *Sotsialnoe polozhenie i uroven zhizni naselenija Rossii: Stat. sb.* [Social Situation and Standard of Living of the Russian Population: A statistical yearbook]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [23] *Sotsiologija pitaniya: traditsii i transformatsii* [Sociology of Food: Traditions and Transformations]. Pod red. N.N. Zarubinoj, S.A. Kravchenko. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [24] Sukharev A.G., Ignatova L.F., Stan V.V., Shelonina O.A., Tsyrenova N.M., Lukashova Yu.A. Mediko-sotsialnaja otsenka obraza zhizni shkolnikov [A medical-social assessment of the schoolchildren's lifestyle]. *Rossijsky Pediatricheskij Zhurnal*. 2014; 3 (In Russ.).
- [25] Sukharev A.G., Mikhailova S.A. Sostojanie zdorovja detskogo naselenija v naprjazhennyh ekologicheskikh i socialnyh uslovijah [The health status of children in dangerous environmental and social conditions]. *Gigiena i Sanitarija*. 2004; 1 (In Russ.).
- [26] Tokarev S.A. K metodike etnograficheskogo izuchenija materialnoj kultury [On the methodology of the ethnographic study of material culture]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1970; 4 (In Russ.).
- [27] Trotsuk I.V. Sotsiologicheskaya "kaloriynost": kulinarное, kulturnoe i prostranstvennoe "izmereniya" edy [The "sociological-caloric" value of food: Culinary, cultural, and spatial "measurements"]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2018; 17 (1) (In Russ.).
- [28] *FGBU "NII pitaniya RAM"* [FSBI "Research Institute of Nutrition of the RAM"]. <http://www.ion.ru/index.php/2008-12-16-10-17-21> (In Russ.).
- [29] *Etnografija pitaniya narodov stran zarubezhnoj Azii: Opyt sravnitel'noj tipologii* [Ethnography of the Peoples' Food in the Countries of Foreign Asia: A Comparative Typology]. Moscow; 1981 (In Russ.).
- [30] Ashiabi G.S., O'Neal K.K. Children's health status: examining the associations among income poverty, material hardship, and parental factors. *PLoS ONE*. 2007; 9 (2).
- [31] Coveney J. *Food*. London — New York; 2014.
- [32] Ecob R., Smith G.D. Income and health: what is the nature of relationship. *Social Science and Medicine*. 1999; 48 (5).
- [33] Freedman P.H. (Ed.) *Food: The History of Taste*. Berkeley — Los Angeles; 2007.
- [34] Levi-Strauss C. The culinary triangle. C. Counihan, P. van Esterik. *Food and Culture: A Reader*. New York; 2008.
- [35] Smith J.P. Healthy bodies and thick wallets: The dual relation between health and economic status. *Journal of Economic Perspective*. 1999; 13 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-443-457

Ресурсы успешной адаптации к условиям экономического кризиса и факторы развития адаптационного потенциала молодежи Москвы*

Е.В. Шлыкова

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: shlykova70@yandex.ru)

В статье представлены особенности адаптационного потенциала молодежи, проживающей в мегаполисе, как наиболее успешно адаптирующейся к кризисным условиям группы населения России. На основе результатов вторичного анализа эмпирических данных показан недостаток научного знания о факторах, способствующих успешной адаптации молодежи мегаполиса к социально-экономическому кризису. Обоснована необходимость использования особого методологического подхода к изучению адаптации молодежи к кризисным условиям, учитывающего комплекс ресурсов, задействованных как в процессе ее адаптации, так и социального развития в целом. На основе разработанной П.С. Кузнецовым комплексной модели ресурсов социального развития молодежи, способствующих успешной адаптации, осуществлена эмпирическая интерпретация и операционализация понятия «адаптационный потенциал молодежи» по семи комплексам ресурсов: материальному, самосохранения, регулятивному, воспроизводственному, коммуникативному, когнитивному и самореализации. На основе данных мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН выявлены факторы успешной адаптации молодежи Москвы к экономическому кризису: высокий семейный доход; поиск дополнительных заработков, а не ожидание помощи от государственных и общественных структур; наличие небольших денежных накоплений, косвенное влияние кризиса и высокая оценка материального положения; высокий уровень готовности к материальному, социальному и финансовому рискам; стабильность и защищенность на рабочем месте, возможность реализовать свои навыки, меньшие временные затраты на работу в неделю; высокий уровень коммуникативных ресурсов; высокий уровень образования, широкий кругозор и мотивация на самообразование; ценностные ориентации, способствующие активной адаптационной стратегии; положительная установка на достижение жизненных целей. Разработаны рекомендации для лиц, принимающих решения в сфере молодежной политики, нацеленные на усиление адаптивных возможностей молодежи Москвы и закрепление успешных моделей адаптации к кризисным условиям в повседневной практике.

Ключевые слова: молодежь; мегаполис; кризис; адаптационный потенциал; адаптационные ресурсы

Изменяющиеся под воздействием экономического кризиса условия выводят на передний край социологии проблемы социальной адаптации. В фокусе внимания ведущих научно-исследовательских коллективов оказываются факторы, спо-

* © Шлыкова Е.В., 2019.

Статья поступила 12.10.2018 г. Статья принята к публикации 28.02.2019 г.

собствующие успешной адаптации к кризисным условиям как населения в целом, так и отдельных социально-демографических групп. Вторичный анализ данных двух масштабных мониторинговых исследований [1; 16] позволяет зафиксировать ряд тенденций в адаптации населения к меняющейся повседневности. В пик кризиса, в 2015 году, наблюдалось снижение одного из показателей адаптированности — социального самочувствия [2] — и его постепенный возврат к докризисным величинам к концу 2016 года, что свидетельствует об успешной адаптации «российских граждан к новым экономическим реалиям» [1. С. 31]. Анализ данных по социально-демографическим характеристикам указывает на различия в успешности адаптации отдельных регионов и групп населения. Динамика положительных оценок социального самочувствия в период обострения и спада кризиса и сравнительный анализ с данными опросов 2008—2009 годов позволяют выделить устойчивую группу, успешнее остальных адаптирующуюся к кризисным условиям, — молодежь, проживающую в мегаполисах [7; 16].

Важнейшим фактором, детерминирующим успешность адаптации, является адаптационный потенциал — «совокупность свойств, качеств, ресурсов, существующих у адаптанта в скрытом виде и актуализируемых в ходе адаптации» [4. С. 401]. Исследования ресурсообеспеченности и практик адаптации россиян к условиям текущего кризиса позволили очертить границы «накопленного запаса прочности», способствующего росту адаптированности к изменившимся условиям, в том числе жителей мегаполисов [11; 12]. Молодежь представляет собой специфическую категорию, находящуюся на этапе личностного и социального развития, включающего в том числе накопление ресурсов и закрепление успешного адаптационного опыта. Социально-экономические кризисы увеличивают адаптивную нагрузку на молодежь, усиливая «неопределенность и непредсказуемость жизненного пути, самоопределения и самореализации в большей или меньшей степени всех молодых людей, что не может не влиять на характер социального развития молодежи как группы» [3. С. 45].

Комплексная модель ресурсов социального развития молодежи, способствующих успешной адаптации, разработана П.С. Кузнецовым [5]: он объединяет адаптационные ресурсы в независимые «комплексы» — в границах каждого недостаток того или иного ресурса компенсируется наличием другого, а ограничение комплекса в целом не компенсируется в достаточной степени другими комплексами в силу их относительной независимости друг от друга. Кузнецов выделил семь комплексов адаптационных ресурсов: материальный, самосохранения, регулятивный, воспроизводственный, коммуникативный, когнитивный, самореализации.

Эмпирическую базу нашего анализа составляют: базы данных «второй и третьей волны» (март и октябрь 2015 года) мониторингового исследования ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при поддержке РНФ (выборка репрезентирует взрослое население России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, уровню образования, типу поселения и составляет 4000 человек [9. С. 11—12]); база данных исследования сектора риска и катастроф ФНИСЦ РАН (май 2015 года), созданная при поддержке РГНФ

(выборка — 100 человек). Процедура формирования целевых групп для дальнейшего анализа происходила в несколько этапов: сначала из баз данных были отобраны группы по двум признакам — проживание в городе Москве и возраст 18—29 лет — «молодежь Москвы» (целевые группы 1, 3 и 5); затем из баз данных «второй и третьей волны» были сформированы еще две целевые группы 18—29 лет — «молодежь России» (целевые группы 2 и 4) (табл. 1). Далее мы осуществили сопоставительный анализ целевых групп молодежи Москвы (ЦГ1, ЦГ3 и ЦГ5) по основным социально-демографическим признакам, который показал идентичность отобранных групп по полу, занятости, семейному положению и образованию, а также соответствие половозрастной структуре молодежи Москвы. Поскольку анкеты «второй и третьей волн» мониторингового исследования различались по набору вопросов, часть показателей сравниваются только по второй или только по третьей волнам.

Таблица 1

Целевые группы

Источники отбора	База данных «второй волны» (март 2015)		База данных «третьей волны» (октябрь 2015)		База данных сектора проблем риска и катастроф (май 2015)
	Молодежь Москвы	Молодежь России	Молодежь Москвы	Молодежь России	
Содержательная характеристика	ЦГ1	ЦГ2	ЦГ3	ЦГ4	Молодежь Москвы
Названия групп	ЦГ1	ЦГ2	ЦГ3	ЦГ4	ЦГ5
Количество единиц	65	959	65	962	50

Итак, по данным «третьей волны» мониторинга, более двух третей московской молодежи, в отличие от российской в целом, оценивает личный ущерб от экономического кризиса как существенный (68% против 42%). Более четверти московской молодежи (28%) отмечает, что кризис сказался на них косвенно, так как пострадали близкие (среди российской молодежи — 17%). Анализ материального благополучия базируется на изучении фактического статуса (среднемесячный доход и его основные источники, финансовая ситуация и собственность семьи) и субъективных оценок динамики материального положения, удовлетворенности материальной обеспеченностью. Разделение целевых групп по уровню дохода осуществлялось на основе официальных данных о прожиточном минимуме на душу населения в городе Москве на момент опроса. Респондентам предлагалось ответить на вопросы о среднемесячном доходе на каждого члена семьи и собственном среднемесячном доходе (табл. 2).

Таблица 2

Среднемесячный доход (в % в каждой группе; «третья волна»)

Группа по уровню среднемесячных доходов	Среднемесячный доход			
	на члена семьи		собственный	
	Молодежь Москвы (ЦГ3)	Молодежь России (ЦГ4)	Молодежь Москвы (ЦГ3)	Молодежь России (ЦГ4)
Низкодходные	21	60	44	52
Среднедоходные	68	34	29	41
Высокодходные	11	6	27	7

Более четверти молодых москвичей, в отличие от молодежи в целом, по собственному среднемесячному доходу попадают в высокодоходную группу. В среднедоходную группу по среднемесячному доходу на члена семьи молодежь Москвы относит себя в два раза чаще, в низкодоходную — в два раза реже, чем по собственному доходу. Уровень жизни московской молодежи обеспечивается во многом за счет общесемейного бюджета, а российской — благодаря собственным доходам, что может являться одной из причин высоких оценок молодежью Москвы косвенного влияния кризиса на их благополучие. Анализ специфики источников дохода сводился к подсчету внутригруппового удельного веса каждого из них и построению их рейтинга по убыванию величины удельного веса. В рейтинг включены те источники дохода, удельный вес которых в группах превышает 20% (табл. 3). Наряду с основными источниками дохода (I и II) московская молодежь, в отличие от российской, чаще подрабатывает и реже опирается на помощь государства и общественных организаций.

Таблица 3

Рейтинг источников дохода («вторая волна»)

Название источников дохода	Рейтинг	
	Молодежь Москвы (ЦГ1)	Молодежь России (ЦГ2)
Зарплата по основному месту работы	I	I
Пенсии, пособия, помощь от государства и общественных организаций	IV	III
Разовые приработки, заработки от случая к случаю	III	V
Помощь родственников, друзей, соседей	II	II
Подсобное хозяйство, приусадебный участок	—	IV

Сравнение удельного веса составляющих финансовой ситуации показывает, что молодежь из Москвы имеет больше сбережений, чем российская (32% против 23%), однако подчеркивает, что их недостаточно, чтоб прожить длительное время. Вместе с тем у московской молодежи меньше невыплаченных кредитов (21% против 29%). Более половины москвичей имеют дачу, садово-огородный участок с домом (против 28%), а удельный вес имеющих землю или садово-огородные участки без дома статистически незначим (против 10%). Различия в оценках собственности семей респондентов обусловлены скорее культурно-историческими факторами: москвичи, в отличие от жителей регионов, дачи используют для отдыха, а не для получения дохода (см. табл. 3).

Важная роль в процессе адаптации отводится не только фактическому материальному состоянию, но и субъективной оценке его устойчивости и удовлетворенности им [2]. Московская молодежь в целом оценивает динамику своего материального положения как «не изменилось и улучшится», а молодежь России — скорее как «не изменилось или ухудшилось и не изменится в ближайший год», что указывает на бóльшую устойчивость материального положения молодежи Москвы (рис. 1). В группе молодых москвичей индекс удовлетворенности материальным положением [10] составляет 0,4, среди молодежи России — 0,08, что свидетельствует о значимо более высоком уровне удовлетворенности молодежи Москвы.

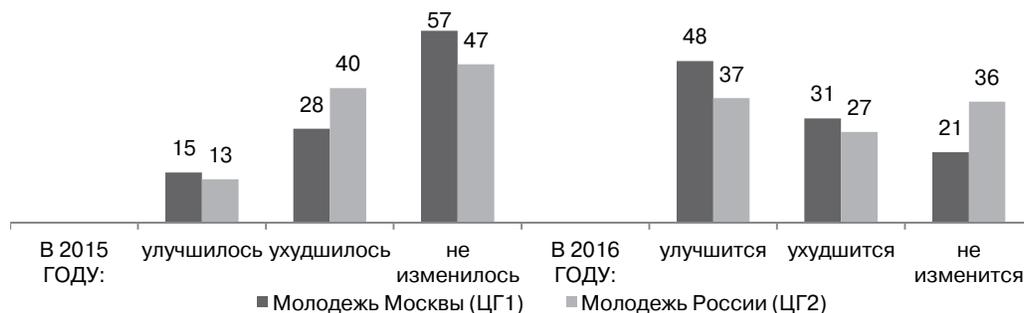

Рис. 1. Самооценка динамики материального положения за 2015 год и перспектив его изменения в 2016 году (в %; «вторая волна»)

Таким образом, по комплексу материальных ресурсов факторами, способствующими успешной адаптации молодых москвичей к условиям кризиса, выступают более высокий семейный доход, поиск дополнительных заработков, наличие небольших денежных накоплений, косвенное влияние кризиса и более высокая субъективная оценка материального положения.

Идею включать «готовность к риску» в общую структуру социальных ресурсов индивидов и групп впервые предложил и обосновал В.А. Ядов [15]. В статье мы интерпретируем это понятие через субъективное ощущение безопасности среды и уровень принятия ущерба: чем выше представляется респондентам безопасность среды или готовность принять ущерб, — тем выше готовность к риску. Субъективное ощущение безопасности среды измеряется через самооценки наличия угроз, выражающихся в возможных ущербах в данный момент жизни. Построим индекс безопасности среды (где 1 — ощущение отсутствия угрозы) и на базе значений индекса составим рейтинг угроз (чем выше рейтинг, тем ниже угроза). Уровень принятия ущерба измеряется через самооценки респондентов готовности принять/не принять ущерб. Построим индекс принятия ущерба (где 1 — принятие ущерба всеми респондентами) и на базе его значений составим рейтинг принятия ущерба (чем выше рейтинг, тем более неприемлем ущерб). В соответствии с классификацией А.В. Мозговой, каждая из реальных угроз соотносится с разными типами риска (ущерба), поэтому сопоставление рейтингов угроз безопасности и принимаемых ущербов укажет на риск, к которому молодежь Москвы наиболее готова. Поскольку эмпирические замеры осуществлялись в пик текущего кризиса, целесообразно дальнейший анализ осуществить применительно к материальному, финансовому, социальному и психологическому рискам (табл. 4).

В пик кризиса наименее угрожающими факторами для молодежи Москвы оказываются потеря имущества, собственности, работы, служебного положения и вместе с этим высока готовность принять эти ущербы. Угроза финансового ущерба высока, но и высока готовность его принять. Молодежь Москвы характеризуется высоким уровнем готовности к материальному, социальному и финансовому рискам, что является одним из важнейших ресурсов успешной адаптации к кризисным условиям. Однако угроза стресса и потери контроля над жизненной ситуацией ощущается молодыми москвичами достаточно остро, готовность принять этот тип ущерба низкая, следовательно, готовность к психологическому риску у московской молодежи невысока.

Таблица 4

Индексы и рейтинги субъективного ощущения безопасности среды и принятия ущербов молодежью Москвы (ЦГ5)

Реальные угрозы / возможные ущербы	Значения индекса безопасности среды	Рейтинг угроз	Значения индекса принятия ущербов	Рейтинг принятия ущербов
Потеря имущества, собственности	0,7	I	-0,3	I
Потеря работы, служебного положения, статуса	0,4	II	-0,3	I
Финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений	0,1	IV	-0,3	I
Стресс, потеря контроля над жизненной ситуацией	0,2	III	-0,6	II

По данным «третьей волны» мониторинга, среди московской молодежи оказалось больше не работающих, чем среди российской (43% против 34%), но различия в сферах занятости не обнаружены. Молодежь Москвы реже работает на малых предприятиях (54% против 77%) и чаще — на средних (38% против 18%). Треть москвичей (31%) характеризуется неполной рабочей занятостью — менее 40 часов в неделю (против 20%). Около половины работающих из обеих групп тратят на работу в неделю в среднем более 40 часов. Имеющиеся данные позволяют косвенно судить о характере труда по особенностям навыков респондентов, не востребованных на рабочем месте: использование компьютера, иностранного языка, Интернета (рис. 2). Работавшая молодежь Москвы чаще по сравнению с российской реализует навыки, соответствующие современным стандартам труда, т.е. занимает более высококвалифицированные позиции.

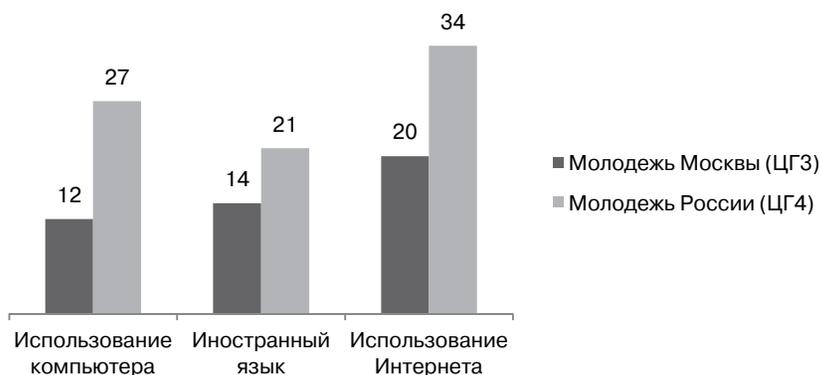

Рис. 2. Навыки респондентов, не требующиеся на рабочем месте (в % к количеству работающих в каждой группе; «третья волна»)

Доли работающих по врёменному договору в сравниваемых группах не различаются и составляют порядка 15%. Доля работающих на постоянной основе, т.е. оформленных в штат по приказу или бессрочному контракту, существенно выше в группе молодых москвичей (81% против 72%), а работающих на основании устной договоренности — ниже (3% против 12%). В таблице 5 представлены результаты анализа оценок уровня социальных гарантий, который обеспечивается работодателем.

Оценка социальных гарантий, обеспечиваемых работодателем
(в % от работающих в каждой целевой группе; «третья волна»)

Виды социальных гарантий	Молодежь Москвы (ЦГ3)	Молодежь России (ЦГ4)
Своевременная выплата заработной платы	78	90
«Белая» зарплата	65	63
Оплата отпуска и больничного листа в размерах, предусмотренных законодательством	59	57
Оплата сверхурочных	41	34
«Социальный пакет» — жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и т.п.	0	5

В целом работающая молодежь отмечает невысокий уровень защищенности на рабочем месте, однако молодежь Москвы реже за последний год попадала в ситуации, когда ущемлялись ее трудовые права (8% против 22%). Работающая московская молодежь чаще убеждена в том, что на работе от их мнения практически ничего не зависит (73% против 63%), и меньше в том, что способна повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения (24% против 30%) и тем более предприятия (3% против 7%). Вероятно, что негативные тенденции, характеризующие условия труда московской молодежи, определяют и более низкий уровень удовлетворенности ситуацией на работе: индекс удовлетворенности — 0,1 против 0,2 в группе молодежи России).

В таблице 6 отражен «репертуар» досуга молодежи, ранжированный по убыванию веса способов проведения свободного времени, предложенных в анкете. Московская молодежь больше ориентирована на домашний досуг, российская — на общение с друзьями. По данным «второй волны» мониторинга, индекс удовлетворенности возможностями досуга у молодых москвичей ниже (0,2 против 0,3).

Молодежь мегаполиса характеризуется достаточно высокими оценками состояния здоровья, однако более трети отмечают его негативную динамику в последние 2—3 года [14]. По данным «третьей волны» мониторинга, среди московской молодежи больше тех, кто в год опроса столкнулся с проблемами со здоровьем (15% против 10%), однако индекс удовлетворенности состоянием здоровья в двух целевых группах не различается и составляет 0,5. Повседневное эмоционально-психологическое состояние молодежи в пик кризиса представлено на рис. 3: у молодежи Москвы наблюдается тенденция к снижению позитивных и росту негативных составляющих повседневного эмоционально-психологического состояния, у молодежи России — скорее наоборот.

Таким образом, по комплексу регулятивных ресурсов факторами успешной адаптации молодежи Москвы к текущему кризису являются в основном составляющие режима и условий труда: более высокая стабильность и защищенность на рабочем месте, возможность реализовать в работе имеющиеся навыки, более низкие временные затраты на работу в неделю. Недостаточные ресурсы, по сравнению с молодежью России, — невысокий уровень удовлетворенности возможностями досуга, проблемы со здоровьем и тенденция к ухудшению эмоционально-психологического состояния.

Таблица 6

Особенности досуга молодежи (в %; «вторая волна»)

Удельный вес	Способы проведения свободного времени	
	Молодежь Москвы (ЦГ1)	Молодежь России (ЦГ2)
От 75% до 51%	<ul style="list-style-type: none"> — увлечение компьютером, Интернетом, компьютерными играми; — прослушивание музыки, чтение книг, просмотр видео; — прогулки, время на природе; — чтение газет, журналов 	<ul style="list-style-type: none"> — встречи и общение с друзьями дома или в гостях; — увлечение компьютером, Интернетом, компьютерными играми; — просто отдых и расслабление; — прослушивание музыки, чтение книг, просмотр видео; — просмотр телевидения, прослушивание радиопередач
От 50% до 26%	<ul style="list-style-type: none"> — встречи и общение с друзьями дома или в гостях; — просто отдых и расслабление; — просмотр телевидения, прослушивание радиопередач; — посещение театров, концертов, кино; — посещение спортклубов, секций, тренировок; — посещение кафе, баров ресторанов; — ведение домашнего хозяйства 	<ul style="list-style-type: none"> — прогулки, провождение времени на природе; — посещение спортклубов, секций, тренировок; — посещение театров, концертов, кино; — ведение домашнего хозяйства; — посещение кафе, баров ресторанов; — посещение дискотек, ночных клубов, развлекательных мероприятий
От 25% до 0%	<ul style="list-style-type: none"> — дополнительные занятия для получения образования, повышения квалификации; — посещение музеев, выставок, вернисажей; — посещение дискотек, ночных клубов, развлекательных мероприятий; — посещение церкви, религиозных собраний; — домашнее хобби; — участие в работе общественных организаций, собраний, ассоциаций; — занятия в кружках, клубах по интересам; — посещение политических организаций, собраний, митингов 	<ul style="list-style-type: none"> — чтение газет, журналов; — домашнее хобби; — дополнительные занятия для получения образования, повышения квалификации; — посещение музеев, выставок, вернисажей; — занятия в кружках, клубах по интересам; — участие в работе общественных организаций, собраний, ассоциаций; — посещение церкви, религиозных собраний; — посещение политических организаций, собраний, митингов

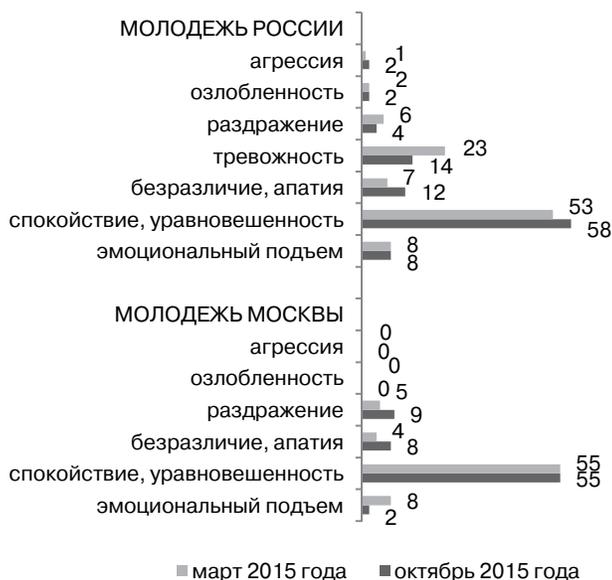

Рис. 3. Динамика самооценок повседневного эмоционально-психологического состояния молодежи (в %; «вторая» и «третья» волны)

К комплексу воспроизводственных ресурсов относятся «отвечающие» за сексуальные и семейные отношения, наличие детей. По данным «второй волны» мониторинга, любовь, секс, создание семьи и рождение детей для большинства молодежи — значимые жизненные ценности: доли высоких (сумма 4 и 5 по пятибалльной шкале) оценок важности этих сторон жизни достигают 80% в обеих группах. Значимых различий в брачном статусе не наблюдается (около двух третей респондентов к моменту опроса никогда не состояли в браке), но среди москвичей меньше доля состоящих в браке — как зарегистрированном (17% против 23%), так и гражданском (1% против 7%), но выше доля имеющих постоянного партнера (14% против 7%). Зафиксированы значимые различия в наличии несовершеннолетних детей: доля таковых в группе молодежи Москвы ниже в два раза по сравнению с российской молодежью (17% против 35%). В год опроса с внутрисемейными проблемами сталкивались около 15% респондентов из обеих групп, с проблемами с детьми — чаще москвичи (8% против 3%). Индекс удовлетворенности отношениями в семье в группе московской молодежи ниже (0,5 против 0,6).

Комплекс коммуникативных ресурсов интерпретируется нами через характер и объем связей, контактов и взаимодействий с ближайшей социальной средой, определяющих включенность в социальные сети и характеризующихся уровнем их «полезности» в условиях адаптации к кризису. Наши предыдущие исследования показывают, что московская молодежь активно общается лично, по телефону или Интернету с друзьями и родственниками, соседями, коллегами по работе и учебе, партнерами по хобби и совместному досугу, и высока доля тех, кто уверен, что справиться с проблемами помогут родные и близкие. Для оценки «полезности» связей проанализируем ожидания реальной помощи от родственников, друзей и знакомых (табл. 7).

В оценках возможности получить помощь значимых различий по группам наблюдается немного, однако различаются профили полезных связей: молодые москвичи больше рассчитывают на помощь родственников, друзей и знакомых в устройстве детей в школу, поиске хороших врачей и лечебных учреждений, а также дополнительных заработков. Российская молодежь больше ожидает от ближайшего окружения помощи в устройстве на работу и продвижении по карьерной лестнице. Вместе с тем наивысший бал по шкале важности полезных знакомств и связей московская молодежь ставит значительно реже, чем российская (12% против 37%).

Таблица 7

Самооценка возможности получить реальную помощь от друзей, родных и близких молодежью Москвы и России (в %; «третья волна»)

Перечень возможной помощи	Молодежь Москвы (ЦГ3)	Молодежь России (ЦГ4)
Устройство на хорошую работу	9	23
Поступление в хороший вуз	6	7
Продвижение по карьерной лестнице	5	9
Устройство детей в хорошую школу	18	10
Решение жилищной проблемы	5	8
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	28	18
Поиск приработков	38	34
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении проблем	5	6
Возможность взять в долг до 100 тыс. рублей	31	30
Возможность взять в долг более 100 тыс. рублей	2	6

Таблица 8

Способы пополнения знаний в течение трех лет (в %, «третья волна»)

Способы пополнения знаний	Молодежь Москвы (ЦГ3)	Молодежь России (ЦГ4)
Учеба в техникуме, вузе, аспирантуре	44	61
Переподготовка по новой специальности	2	8
Повышение квалификации по старой специальности	13	11
Отслеживание новой литературы, приобретение новых навыков	35	24
Приобретение или совершенствование навыков работы на компьютере	31	23
Изучение иностранных языков на курсах или самостоятельно	29	14
Приобретение новых практических навыков в новых видах деятельности	8	18

Таблица 9

Предпочтения молодежи в музыке, кино, литературе, телевидении, театре
(% ответивших «нравится»; «вторая волна»)

Предпочтения	Молодежь Москвы (ЦГ1)	Молодежь России (ЦГ2)
Самообразование в целом	78	63
Классическая музыка	57	35
Русская классическая литература	68	44
Современная российская литература	63	33
Научно-популярная, историческая литература, мемуары	66	33
Иностранная литература, зарубежная классика	75	32
Театр, изобразительное искусство	55	44
Философская литература	31	22
Религиозная литература	26	13

Комплекс когнитивных ресурсов отражает особенности реализации познавательных потребностей, детерминирующих уровень образования и кругозор. По данным «третьей волны» мониторинга, среди московской молодежи выше доли имеющих законченное среднее специальное (41% против 33%) и высшее образование (29% против 18%), а в группе молодежи России выше доля респондентов с незаконченным высшим образованием (23% против 7%), т.е. москвичи имеют более высокий уровень образования. Среди них ниже доля тех, кто в течение трех лет не пополнял свои знания (20% против 31%) — в табл. 8 представлены способы пополнения знаний.

О развитии кругозора позволяют судить данные о предпочтениях молодежи в музыке, кино, литературе, телевидении, театре. В ходе опроса респондентам предлагалось ответить, что им нравится, не нравится или к чему они равнодушны по 21 позиции — в табл. 9 приведены позиции, по которым зафиксированы значимые различия. По предпочтениям в сфере массовой культуры (сериалы, Интернет, мода, телепрограммы, эстрада и пр.) молодежные группы не различаются.

По комплексу когнитивных ресурсов московская молодежь отличается высоким уровнем образования, широким кругозором и склонностью к самообразованию, что, безусловно, выступает фактором успешной адаптации к кризисным условиям.

Анализ жизненных ценностей молодежи был проведен на основе классификации базовых ценностей, предложенной Н.И. Лапиным [6]. В инструментарии мониторинга относительно части ценностей задавался прямой вопрос об их важности (пятибалльная шкала), ряд других были заложены в альтернативные суждения, из которых респондентам предлагалось выбрать одно наиболее подходящее (табл. 10).

Базовые ценности молодежи (в %; «вторая волна»)

Ценности	Высокие оценки (5 + 4) по шкале важности		Выбор из альтернативных суждений	
	Молодежь Москвы (ЦГ1)	Молодежь России (ЦГ2)	Молодежь Москвы (ЦГ1)	Молодежь России (ЦГ2)
<i>Работа</i>	95	81		
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни			88	53
Главное в работе — это сколько за нее платят			11	47
<i>Семья, продолжение рода</i>	77	79		
<i>Дружба, общение</i>	71	83		
<i>Здоровье</i>	75	81		
<i>Финансовое благополучие</i>	85	90		
<i>Самореализация, проявление себя</i>	75	78		
Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве			89	75
<i>Традиционность, зависимость от обстоятельств</i>				
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями			21	33
Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи — все в его руках			79	67
<i>Активность</i>				
Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться			77	69
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней			23	31
<i>Свобода</i>				
Свобода — то, без чего жизнь человека теряет смысл			92	67
Главное в жизни — материальное благополучие, а свобода второстепенна			8	33
<i>Нравственность</i>				
Современный мир жесток, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы			43	59
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы			57	43
<i>Независимость</i>				
Выделяться среди других лучше, чем жить, как все			71	59
Жить как все лучше, чем выделяться среди других			28	41
<i>Самопожертвование</i>				
Ради высоких общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием			30	27
Я не готов жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей			70	73
<i>Признание, уважение окружающих</i>	63	72		
<i>Вольность как свобода от ограничений</i>				
Хотел бы жить так, как хочется			52	58
Хотел бы быть полезным государству и обществу			48	42

Несмотря на схожесть ценностей в обеих группах, значимые различия позволяют определить специфику ценностных ориентаций молодых москвичей. Для подавляющего большинства смыслообразующей жизненной ценностью выступает свобода; работа представляет способ самореализации, удовлетворения когнитивных потребностей и интересов (для молодежи России — скорее средство заработка). Для московской молодежи более характерны инициативность, высокая активность, отстаивание собственных прав и интересов, независимость и самостоятельность; менее важны общение и признание окружающих. Эти выводы подтверждаются и результатами исследования, проведенного в 2017 году Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством В.И. Чупрова [13. С. 18]: для молодых москвичей больше свойственны черты «инновационной культуры», детерминированной высокой активностью, предприимчивостью, направленностью на преобразование внешней среды, в противовес «адаптационной культуре», характеризующейся пассивным приспособлением к внешним условиям. Наряду с этим молодым москвичам меньше присущи черты «культуры моральной аномии, отражающей отрицание абсолютных норм, вытеснение их так называемыми договорными, удобными для применения в определенных жизненных ситуациях... изменчивость жизненных принципов». Зафиксированная специфика ценностных ориентаций молодежи Москвы является основой формирования активной адаптационной стратегии и ресурсом успешной адаптации к условиям текущего кризиса.

По данным «второй волны» мониторинга, выстраивая свои жизненные цели, московская молодежь оказывается менее амбициозной — в ее жизненные планы не входит иметь собственный бизнес (45% против 30% в группе молодежи России) и стать богатым человеком (37% против 20%), знаменитым (66% против 62%) и иметь доступ к власти (68% против 64%). Молодежь Москвы не удовлетворяется достигнутым на данном этапе жизни, ориентирована на процесс реализации целей и выражает уверенность в собственных силах, а молодежь России ожидает быстрый результат и чаще не уверена, что сможет достигнуть поставленных целей.

Таким образом, нам удалось выделить следующие факторы успешной адаптации молодежи Москвы к экономическому кризису: высокий семейный доход; склонность к поиску дополнительных заработков, а не ожидания помощи от государственных и общественных структур; наличие небольших денежных накоплений, косвенное влияние кризиса и более высокая субъективная оценка материального положения; высокий уровень готовности к материальному, социальному и финансовому рискам; стабильность и защищенность на рабочем месте, возможность реализовать в работе имеющиеся навыки, меньшие временные затраты на работу в неделю; высокий уровень коммуникативных ресурсов; высокий уровень образования, широкий кругозор и установка на самообразование; ценностные ориентации, способствующие формированию активной адаптационной стратегии; положительная установка на достижение жизненных целей. Выявленный недостаток ресурсов, с одной стороны, препятствует успешной адаптации к кризису, но, с другой стороны, является фактором развития адаптационного потенциала (за-

держки зарплаты и отсутствие ряда социальных гарантий; неудовлетворенность возможностями досуга, проблемы со здоровьем и тенденция к ухудшению эмоционально-психологического состояния).

Для развития адаптационного потенциала московской молодежи лицам, принимающим решения в сфере молодежной политики, необходимо усилить меры контроля над соблюдением трудового законодательства в отношении молодых сотрудников; расширить программы, обеспечивающие дополнительные возможности для молодежного досуга и отдыха; обеспечить мероприятия по профилактике здоровья; расширять меры по социальной защите молодых семей с несовершеннолетними детьми.

Библиографический список

- [1] Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М., 2017.
- [2] Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // *Universum: Общественные науки*. 2014. № 6.
- [3] Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // *Социологические исследования*. 2003. № 4.
- [4] Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
- [5] Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991.
- [6] Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // *Социологические исследования*. 1996. № 5.
- [7] Лежнина Ю.П. Влияние кризиса на положение социально-демографических групп населения // *Российское общество и вызовы времени. Книга 5* / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.
- [8] Мозговая А.В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // *Риск в социальном пространстве* / под ред. А.В. Мозговой. М., 2001.
- [9] Российское общество и вызовы времени. Книга 3 / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- [10] Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М., 1998.
- [11] Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // *Социологические исследования*. 2016. № 10.
- [12] Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Роль различных ресурсов в адаптации населения к кризисным условиям // *Российское общество и вызовы времени. Книга 3* / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- [13] Чупров В.И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // *Гуманитарий Юга России*. 2018. № 4.
- [14] Шлыкова Е.В. Социальное настроение молодежи в условиях повседневных рисков мегаполиса // *Россия реформирующаяся* / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [15] Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // *Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса*. М., 2001.
- [16] 2014—2015 годы: экономический кризис — социальное измерение: информационно-аналитический бюллетень / под ред. Т.М. Малевой. М., 2016.

The Moscow youth's resources of successful adaptation to the economic crisis and factors of enhancing their adaptation potential*

E.V. Shlykova

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: shlykova70@yandex.ru)

Abstract. The article presents the features of the adaptation potential of the urban youth as the most successfully adapting to the crisis group of the Russian population. Based on the results of the secondary analysis of empirical data, the author emphasizes the lack of scientific knowledge about the factors contributing to the successful adaptation of the megapolis youth to the social-economic crisis. The article explains the necessity to use a special methodological approach to the study of adaptation of young people to crisis conditions, which takes into account the complex of resources involved in adaptation and social development. Based on the P.S. Kuznetsov's complex model of social development resources ensuring successful adaptation of the youth, the author conducted empirical interpretation and operationalization of the notion "youth's adaptation potential" using seven sets of resources: material, self-preservation, regulatory, reproductive, communicative, cognitive and self-realization. Based on the monitoring of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, the author identifies the factors for successful adaptation of the Moscow youth to the economic crisis: high family income; search for additional earnings rather than waiting for help from government and public structures; small cash savings; the indirect impact of the crisis and the high assessment of one's financial situation; high level of readiness to take material, social and financial risks; stability and security in the workplace, the ability to realize one's skills; high level of communicative resources; high level of education, a broad outlook and motivation for self-education; value orientations that contribute to an active adaptation strategy; positive attitude to achieving life goals. The article presents some recommendations for decision makers in the field of youth policy aimed at strengthening the adaptive potential of the Moscow youth and successful models of adaptation to crisis conditions in everyday practices.

Key words: youth; megapolis; crisis; adaptation potential; adaptation resources

References

- [1] Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novoi realnosti. K itogam i prodolzheniyu sotsiologicheskogo megaproekta* [Russian Society in the New Reality. On the Results and Continuation of the Sociological Megaproject]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Gritsenko G.D. *Sotsialnoe samochuvstvie i sotsialnaya adaptatsiya: sootnoshenie ponyatii* [Social well-being and social adaptation: Correlation of the notions]. *Universum: Obshchestvennye Nauki*. 2014; 6 (7) (In Russ.).
- [3] Zubok Yu.A. *Problemy sotsialnogo razvitiya molodezhi v usloviyakh riska* [Youth social development in the risk conditions]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2003; 4 (In Russ.).
- [4] Korel L.V. *Sotsiologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of Adaptation: Theory, Methodology and Methods]. Novosibirsk; 2005 (In Russ.).
- [5] Kuznetsov P.S. *Adaptatsiya kak funktsiya razvitiya lichnosti* [Adaptation as a Function of Personal Development]. Saratov; 1991 (In Russ.).

* © E.V. Shlykova, 2019.

The article was submitted on 12.10.2018. The article was accepted on 28.02.2019.

- [6] Lapin N.I. Modernizatsiya bazovykh tsennostei rossiyan [Modernization of the basic values of Russians]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1996; 5 (In Russ.).
- [7] Lezhnina Yu.P. Vliyanie krizisa na polozhenie sotsialno-demograficheskikh grupp naseleniya [Impact of the crisis on the position of social-demographic groups of the population]. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Book 5. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [8] Mozgovaya A.V. Sotsiologiya riska: vozmozhnosti sinteza teorii i empiricheskogo znaniya [Sociology of risk: Possibilities of the synthesis of theory and empirical knowledge]. *Risk v sotsialnom prostranstve*. Pod red. A.V. Mozgovoi. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [9] *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of The Time]. Book 3. Pod red. M.R. Gorshkova, N.E. Tikhonovoi. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [10] Tatarova G.G. *Metodologiya analiza dannykh v sotsiologii* [Methodology of Data Analysis in Sociology]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [11] Tikhonova N.E., Karavai A.V. Resursy rossiyan v usloviyakh krizisa: dinamika i rol v adaptatsii k novym usloviyam [Resources of Russians under the crisis: Dynamics and role in adaptation to new conditions]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 10 (In Russ.).
- [12] Tikhonova N.E., Karavai A.V. Rol razlichnykh resursov v adaptatsii naseleniya k krizisnym usloviyam [The role of different resources in adaptation of the population to the crisis]. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Book 3. Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonovoi. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [13] Chuprov V.I. Samoregulyatsiya zhiznedeyatelnosti molodezhi v kulturnom prostranstve: kontseptsiya sotsiokulturnogo mekhanizma [Self-regulation of the youth in the cultural space: The concept of social-cultural mechanism]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2018; 4 (In Russ.).
- [14] Shlykova E.V. Sotsialnoe nastroyenie molodezhi v usloviyakh povsednevnykh riskov megapolisa [The youth's social mood under the everyday risks of the megapolis]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [15] Yadov V.A. Sotsialny resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost primeneniya universalnoi metodologii issledovaniya realnogo rassloeniya v rossiiskom obshchestve [Social resource of individuals and groups as their capital: The possibility of applying a universal methodology for the study of real stratification in the Russian society]. *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsessa*. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [16] 2014—2015 gody: ekonomichesky krizis — sotsialnoe izmerenie: informatsionno-analiticheskii byulleten [2014—2015: Economic Crisis — A Social Dimension: Information-Analytical Bulletin]. Pod red. T.M. Malevoi. Moscow; 2016 (In Russ.).

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-458-469

Поиск работы выпускницами московских вузов: мотивация и притязания*

Т.Н. Юдина, Ю.Н. Мазаев, А.В. Кириллов

Российский государственный социальный университет
ул. Вильгельма Пика, 4-1, Москва, 129226, Россия
(e-mail: JudinaTN@rgsu.net, MazaevJUN@rgsu.net, KirillovAV@rgsu.net)

В статье представлены результаты социологического исследования в рамках Федерального проекта «Кадровый потенциал», нацеленного на оценку факторов и условий трудоустройства выпускниц московских вузов. Актуальность проекта обусловлена тем, что ежегодно, после выпуска из высших учебных заведений, на рынке труда возникает переизбыток рабочей силы с высокой квалификацией и, как правило, без опыта работы. Изучение мотивационного ядра, определяющего поиск и выбор места работы выпускницами вузов, их уровень притязаний к содержанию и оплате труда, готовность к профессиональной мобильности поможет принять меры по снижению остроты данной проблемы. Эмпирическая основа статьи — данные исследования, объектом которого выступали девушки, обучающиеся или недавно закончившие обучение в московских вузах. Результаты опроса показали, что на выбор будущего места работы влияет совокупность субъективных и объективных факторов: уровень будущей оплаты труда, возможности карьерного роста, перспективы профессионально-личностного роста и стабильность компании. Были выявлены три группы факторов, играющих главную, второстепенную и незначительную роль при выборе девушками места работы. Уровень оплаты труда — ведущий мотив трудоустройства: притязания на высокую оплату труда характерны для студенток и молодых специалистов естественнонаучного, информационно-математического и технического профиля, в меньшей мере — для гуманитариев, специалистов в области культуры и искусства. Эмпирические данные позволили подтвердить гипотезу, что для студентов практически всех профилей обучения характерно желание решать вопросы своего финансового благополучия посредством трудовой миграции.

Ключевые слова: поиск работы; мотивация; притязания; факторы трудоустройства; условия трудоустройства; выпускницы вузов

В настоящее время одним важнейших условий успешного развития страны является трудоустройство молодежи, особенно выпускников высших образовательных учреждений. Как отмечается в докладе Международной организации труда (МОТ) «Мировая занятость и социальная перспектива — тенденции 2018», эта проблема имеет глобальный характер: во всем мире у молодых людей гораздо

* © Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Кириллов А.В., 2019.

Статья поступила 11.01.2019 г. Статья принята к публикации 28.02.2019 г.

меньше шансов найти работу, чем у взрослых; в 2017 году мировой уровень безработицы среди молодежи (до 25 лет) составил 13%, что в три раза выше, чем у взрослого населения [27]. В России проблема стоит острее: в декабре 2017 года среди безработных (по методологии МОТ) доля молодежи составляла 21,7%, и особенно уязвимы молодые люди до 25 лет, не имеющие опыта работы — 25,3% [6]. По данным компании HeadHunter, динамика вакансий в России, при общем росте, для молодых специалистов имеет тенденцию к снижению [17]. В результате ежегодно, после выпуска из вузов, на рынке труда наблюдается переизбыток рабочей силы высокой квалификации, но без опыта работы [4].

Известно, что на выбор молодым специалистом места работы влияет совокупность субъективных и объективных факторов [22]. Их исследованию посвящено немало работ как в России, так и в Западной Европе, США, Японии и т.д., которые предлагают модели эффективного поиска работы и развития карьеры [28], учитывающие ожидания и намерения индивида, субъективные нормы, которые влияют на интенсивность поиска работы; считают движущей силой успешного поиска работы ожидания и намерения человека [23; 24; 25]. Российские ученые также активно занимаются этой проблематикой, например, разрабатывая модель поведения выпускников вузов на российском рынке труда [16], изучая стартовые возможности выпускников [19], внешние и внутренние факторы, влияющие на стратегию поведения молодежи при поиске работы [2; 5; 7; 21], настроения на рынке труда среди молодых специалистов [1; 10; 12; 13; 15; 18; 20].

Большинство зарубежных исследований рассматривают, прежде всего, субъективные факторы — нацелены на понимание поведения человека в ходе поиска работы. Отечественные же авторы больше внимания уделяют объективным факторам, а ценностные ориентиры выпускников вузов нередко отходят на второй план. Ценностные ориентации молодежи в настоящее время довольно подвижны [8; 11], поэтому, пытаясь решить проблему трудоустройства выпускников вузов сегодня, нельзя пользоваться данными прошлых лет. Представленное в статье исследование было проведено в 2018 году, чтобы выявить мотивационное ядро, определяющее поиск и выбор места работы выпускниками вузов, их уровень притязаний к содержанию и оплате будущего труда, готовность к профессиональной мобильности.

Объектом исследования выступила молодежь Москвы: были опрошены девушки, гражданки России, постоянно проживающие на момент опроса в Москве и населенных пунктах на территории московского региона, обучающиеся или недавно закончившие обучение в московских вузах. Всего было опрошено 2269 человек по девяти профилям (15 направлениям специализации) специалитета, бакалавриата и магистратуры. Использовался стихийный отбор с апостериорным непропорциональным квотированием по нескольким несвязанным признакам: профиль обучения, курс, форма (очная—заочная). Одновременно была сформирована совокупность респондентов, в 2016—2017 годы закончивших обучение. Учитывая ограничения стихийных онлайн-выборок, а также реализуя стратегию сравнительного, а не описательного исследования, была сформирована выборка из выборки, включающая в себя примерно одинаковые (статистически сопоставимые) группы (выборка в количестве 1599 студенток и выпускниц вузов состояла из четырех укрупненных профилей, учитывала форму, продолжительность и завер-

шенность обучения). Такой отбор обеспечил необходимое количество респондентов в каждой группе, что позволило провести количественный анализ на статистически значимом уровне по многим показателям групповой стратификации. В качестве метода сбора информации использовалось онлайн-анкетирование.

Итак, сегодня как никогда актуальна проблема трудоустройства выпускников вузов и наиболее полной реализации их профессионального и личностного потенциала. Основное препятствие здесь, как утверждают многие специалисты, — несоответствие тех областей, в которых желают трудоустроиться выпускники, и тех, куда готовы принять их работодатели. Противоречия между ожиданиями молодых специалистов и потребностями работодателей ведут к сложностям при трудоустройстве и вынужденной смене специальности, вследствие чего трудовая деятельность студентов, не связанная с приобретенной специальностью, приобрела массовый характер [14]. Однако мы не склонны видеть проблему трудоустройства выпускников вузов только в завышенных требованиях работодателей — нередко, особенно в московском регионе, соискатели предъявляют жесткие требования к месту будущей работы, и это не только трудоустройство по профильному образованию.

Результаты опроса показали, что на выбор места работы влияет совокупность субъективных и объективных факторов. Важнейшим из них является уровень будущей оплаты труда, на втором месте наличие возможности карьерного роста, на третьем — перспективы профессионального и личностного роста и стабильность компании, возможность решать интересные профессиональные задачи и работать по полученной специальности занимают 7—9 места из 13 факторов выбора места работы (табл. 1). В результате ранжирования установок респондентов было выделено три группы факторов, играющих главную, второстепенную и незначительную роль при выборе девушками места работы. Доминируют установки на получение высокооплачиваемой, стабильной работы с перспективой карьерного роста, причем высокая оплата труда является лидирующим фактором во всех профильных группах. Характерно, что такой фактор выбора места работы, как «стабильность компании», более значим для респондентов технического, естественнонаучного и экономического профиля. Очевидно, что в большинстве своем стабильность государственных организаций социокультурной сферы мало связана с ожиданиями высокого уровня оплаты труда, особенно по сравнению с частными компаниями технического, экономического и управленческого профилей.

Установки на официальное трудоустройство с трудовой книжкой, хорошую психологическую атмосферу в коллективе и удобное месторасположение организации условно можно назвать «факторами комфорта». Эти, в принципе характерные для работающих женщин условия, являются далеко не решающими для москвичек: менее трети указали их как важнейшие факторы, определяющие выбор места работы. Еще меньшую роль для современных девушек, заканчивающих московский вуз или уже получивших высшее образование, играет возможность работать по полученной специальности, решая интересные профессиональные задачи. В среднем лишь 15% девушек важно получить работу, связанную со специальностью, еще меньше (13%) связали бы свою работу с реализацией интересных для них профессиональных задач. В наименьшей мере реализовать свой профессиональный интерес в трудовой деятельности намерены студенты и специалисты

Таблица 1

Важнейшие факторы при выборе места работы (в %)

Важнейшие факторы при выборе работы	Профиль образования и значимость фактора*							
	Экономика, управление	Ранг	Гуманитарно-социальный	Ранг	Образование, культура, социальная сфера	Ранг	Технический, естественнонаучный	Ранг
Оплата труда	82,2	1	79,3	1	77,3	1	81,6	1
Карьерный рост	56,2	2	42	2	31,3	2	43,1	2
Стабильность компании	36,1	3	29,6	4	16,9	8	27,9	3,5
Профессиональный рост	25,7	4,5	32	3	30,9	3	29,3	3,5
Оформление по ТК	26,3	4,5	27	5	24,7	4,5	21,4	6
Комфортная атмосфера в коллективе	17,8	7	19,7	6	25,3	4,5	21,2	6
Место расположения организации	19,1	6	15,1	7,5	19,1	6	19,7	6
Работа по специальности	10,1	8	14,6	9	17,7	8	17,1	8
Интересные задачи	9,3	9	15,1	7,5	12,5	10,5	14,1	9,5
Гибкий график работы	8,5	10	13,5	10	17,3	8	13,6	9,5
Социальный пакет	6,9	11	5,7	11	12	10,5	4,2	11
Корпоративное обучение	1,3	12	2,2	12	1,3	11,5	2	12,5
Друзья, знакомые, родственники в компании	—	13	—	13	3,0	11,5	1,9	12,5

*Ранг значимости определялся по числу сделанных респондентами выборов: от 1 — максимальная значимость (максимальное число выборов), до 13 — минимальная значимость (минимальное число выборов).

в сфере экономики и управления. Очевидно, здесь проявляется общая тенденция включения молодежи в трудовую деятельность, которая характеризуется доминированием ценности материального благополучия в построении и реализации жизненных стратегий в условиях крупного мегаполиса [22].

Согласно результатам опроса приоритеты в выборе будущего места работы обозначаются еще у абитуриентов, несколько меняются в процессе обучения, но в целом остаются довольно стабильными (табл. 2). Некоторые наблюдаемые отклонения в приоритетах связаны, видимо, с тем, что студенты начальных курсов обучения еще не очень хорошо представляют содержание работы по специальности, но уже склонны к максимализму в ориентациях, связанных с получением материальных выгод от будущей работы. Напротив, значительная часть студентов (22%), заканчивающих обучение, хотели бы наряду высокой оплатой труда и перспективой карьерного роста все же работать по полученной специальности. Закончившие обучение, т.е. находящиеся в поиске места работы, более прагматично подходят к ее выбору: у них факторы уровня оплаты труда и перспектив карьерного роста уступают факторам перспектив личностного роста, официального оформления, удобного месторасположения организации, гибкого графика работы и, самое важное — поиска работы по специальности.

Таблица 2

Важнейшие факторы при выборе места работы (в %)

Важнейшие факторы при выборе работы	Ранг	Категория респондентов		
		студенты 1—2 курсов	студенты 3—6 курсов	закончившие обучение
Уровень оплаты труда	1	80,8	83	78,9
Перспективы карьерного роста	2	45,5	49,8	33,9
Стабильность компании	3	32,5	17,9	28,1
Перспективы профессионального/личностного роста	4	29,2	23,9	34
Официальное оформление по ТК	5	23,3	22,9	26
Комфортная атмосфера в коллективе	6	20,4	23,3	18,5
Удобное местоположение организации	7	15,1	15,3	19,1
Возможность работать по специальности	8	16,1	21,5	14,7
Интересные задачи	9	12,3	17,8	13,4
Возможность иметь гибкий график работы	10	13,7	9,4	15,6
Наличие компенсационного/социального пакета	11	4,4	5,5	7,5
Возможности корпоративного обучения	12	2,2	2,1	2,1
Наличие друзей, знакомых, родственников в компании	13	0,5	1,8	0,9

Аналогичную картину можно наблюдать и в группах студенток по формам обучения: среди студентов очно-заочных форм выше вес факторов комфорта — официального оформления по трудовой книжке, удобного месторасположения организации — по сравнению с возможностью работать по специальности. Опыт общения с этой категорией студентов в процессе обучения показывает, что они, как правило, уже выбрали себе место работы (или имеют четкие представления на этот счет) и высшее образование рассматривают как средство приобретения материальных и прочих благ, связанных с трудовой деятельностью (табл. 3)

Таблица 3

Важнейшие факторы при выборе места работы у студентов разных форм обучения (в %)

Важнейшие факторы при выборе работы	Ранг	Форма обучения	
		Очная	Очно-заочная, заочная и дистанционная
Уровень оплаты труда	1	78,2	82,4
Перспективы карьерного роста	2	46,3	37,2
Стабильность компании	3	29,1	33,2
Перспективы профессионального/личностного роста	4	32,5	27,7
Официальное оформление по ТК	5	18,6	30,6
Комфортная атмосфера в коллективе	6	20	19,1
Удобное местоположение организации	7	15	20,1
Возможность работать по специальности	8	19,3	12,3
Интересные задачи	9	16,7	11,8
Возможность иметь гибкий график работы	10	13,9	8,5
Наличие компенсационного/социального пакета	11	2,7	9,7
Возможности корпоративного обучения	12	1,5	2,7
Наличие друзей, знакомых, родственников в компании	13	1,5	0

Таблица 4

Притязания студенток и молодых специалистов на уровень заработной платы после окончания ВУЗа в зависимости от профиля обучения (в %)

Профиль обучения	Притязания на уровень заработной платы			
	Бакалавры		Магистры	
	до 30 тыс. руб. в месяц	свыше 50 тыс. руб. в месяц	до 30 тыс. руб. в месяц	свыше 50 тыс. руб. в месяц
Экономика, управление	30	15	7	49
Гуманитарно-социальный	33	13	7	47
Образование, культура, социальная сфера	27	13	7	49
Технический, естественно-научный	23	21	5	59
В среднем	28,3	15,5	6,5	51,9

Таким образом, предпочтения студенток-москвичек в выборе места работы определяются не столько приоритетом оплаты труда перед возможностью работать по специальности, решая интересные профессиональные задачи, сколько размером заработной платы и другими сопутствующими благами. Причем можно предположить, что приоритет материальных факторов, в первую очередь, ориентация на высокий уровень оплаты труда, формируется у молодых людей не как итог адекватного соотнесения полученных знаний и умений с результатами будущей профессиональной деятельности, а скорее как априорное условие, обеспечивающее им должное материальное положение.

Такие требования выпускников вузов, как зарплата не ниже 20 тысяч рублей, комфортное рабочее место, соблюдение Трудового кодекса и другие условия, обеспечивающие комфортную трудовую деятельность, — неоправданный аванс для молодых людей с нулевым опытом работы по мнению работодателей. В столь завышенной самооценке работодатели обвиняют вузы, которые формируют у студентов мнение, что они получают блестящее образование и очень востребованы [9]. Стиль и условия жизни московского мегаполиса также диктуют свои требования: молодые люди хотят «все и сразу», а романтическая ценность реализации себя в профессии значительно уступает ценности материального благосостояния. Неважно, чем заниматься, лишь бы хорошо зарабатывать, чувствуя себя комфортно — девушки готовы пойти на неинтересную работу, перепрофилироваться, лишь бы хорошо зарабатывать. Около 67% респондентов-бакалавров и 90% магистрантов согласились бы сразу после окончания вуза на заработную плату не менее 30 тысяч рублей в месяц. Более того, 32% студенток бакалавриата и 73% магистратуры претендуют на зарплату от 40 тысяч рублей и выше. Данные в таблице 4 свидетельствуют, что около половины студенток по всем профилям обучения в бакалавриате и магистратуре ориентированы на размер зарплаты от 31 тысяч рублей. Притязания на высокую оплату труда в большей мере характерны для студентов и молодых специалистов естественнонаучного, информаци-

онно-математического и технического профиля, в меньшей мере — для гуманитариев, специалистов в сфере культуры и искусства. Показательно, что притязания на заработную плату, превышающую 50 тысяч рублей в месяц, характерны для будущих магистров, и студентки-старшекурсницы в большинстве своем более реалистично оценивают свою заработную плату после окончания вуза по сравнению со студентами начальных курсов, у которых притязания по зарплате завышены. Более высокие запросы по оплате труда характерны для студентов-заочников, которые уже имеют опыт работы и, очевидно, ожидают по окончании обучения получить повышение заработной платы.

Финансовые ожидания относительно оплаты своего будущего труда у молодых выпускниц московских вузов подтверждаются результатами аналогичных исследований: почти 50% выпускников отвергают предложения работы из-за низкой заработной платы [3]. В поисках престижной высокооплачиваемой работы молодые москвички готовы к переезду в другой регион (16%) или за границу (51%), причем 31% в поисках материального благополучия готовы без колебаний уехать из Москвы навсегда.

Желание решать вопросы своего финансового благополучия посредством трудовой миграции характерно для студентов практически всех профилей обучения. В среднем лишь 12% в поисках работы не уехали бы ни при каких обстоятельствах из Москвы, а более 50% студенток готовы к переезду для трудоустройства в одну из развитых стран, и многие могли бы уехать навсегда и без колебаний. Вполне очевидно, что переезд на постоянное (или временное) место жительства в другой регион России для большинства студенток-москвичей не является значимой альтернативой в поиске высокооплачиваемой работы (табл. 5). Доля студенток, которые не уехали бы ни при каких обстоятельствах, на заочной и дистанционной формах гораздо выше (40%), чем на очной (13%).

Таблица 5

**Готовность студенток к переезду для трудоустройства
в зависимости от профиля обучения (в %)**

Профиль обучения	Готовность к переезду для трудоустройства после окончания вуза					Затрудняюсь ответить
	В одну из развитых стран		В другой регион России		Не буду переезжать	
	навсегда	на время	навсегда	на время		
Экономика, управление	20,4	30,8	10,8	6,3	10	21,7
Гуманитарно-социальный	23,7	28,6	6,7	7,2	14	19,8
Образование, культура, социальная сфера	18,5	20,7	6,2	9,6	16,9	28
Технический, естественно-научный	27,9	25,6	7,9	10,6	8,9	19,1
В среднем	22,7	26,4	7,9	8,4	12,5	22,2

Независимо от запросов к размеру заработной платы и бакалавры и магистры в большинстве своем готовы к переезду за границу в одну из развитых стран, если бы там им были предоставлены жилье и работа (табл. 6, 7).

Таблица 6

Готовность студенток к переезду для трудоустройства после окончания вуза в зависимости от притязаний на уровень заработной платы (в %)

Студентки магистратуры						
Притязания на уровень заработной платы после окончания вуза (в руб.)	Готовность к переезду для трудоустройства после окончания вуза					
	В одну из развитых стран		В другой регион России		Не буду переезжать	Затрудняюсь ответить
	навсегда	на время	навсегда	на время		
до 30 тыс.	21,3	19,2	7,6	8,9	12,5	32,6
31—50 тыс.	25,4	26	9,2	8,1	13	22,6
свыше 50 тыс.	25,3	31,4	0,7	6,9	10,9	18,1
В среднем	24,5	24,5	5,8	8	12,1	24,4

Таблица 7

Готовность студенток к переезду для трудоустройства после окончания вуза в зависимости от притязаний на уровень заработной платы (в %)

Студентки бакалавриата						
Притязания на уровень заработной платы после окончания вуза (в руб.)	Готовность к переезду для трудоустройства после окончания вуза					
	В одну из развитых стран		В другой регион России		Не буду переезжать	Затрудняюсь ответить
	навсегда	на время	навсегда	на время		
до 30 тыс.	23,5	24	12,5	8,9	8,1	23
31—50 тыс.	20,9	30,9	8,9	8	12,8	20,5
свыше 50 тыс.	35,3	25	5,2	6,9	12,9	14,7
В среднем	26,6	26,6	8,9	8	10,3	19,4

Подводя итоги анализа результатов опроса, можно заключить: во-первых, молодежь Москвы, получающая высшее профессиональное образование, ориентируется в трудовой деятельности, главным образом, на приемлемый, по ее мнению, уровень оплаты труда и условия, способствующие (сопутствующие) высокому заработку. Притязания на высокую оплату труда характерны в большей мере для студенток и молодых специалистов естественнонаучного, информационно-математического и технического, профиля, в меньшей мере — для гуманитариев, специалистов в области культуры и искусства (комфортные условия работы менее значимы по сравнению с уровнем заработной платы). Во-вторых, трудовая деятельность студентов, не связанная с полученной в вузе специальностью, приобретает массовый характер, т.е. работа по специальности для большинства столичной молодежи не является условием успешной жизненной стратегии, и профессиональный интерес выпал из списка приоритетных терминальных ценностей. Установки на выбор будущего места работы формируются в процессе обучения и стабилизируются к получению диплома, но закладываются до поступления в вуз и детерминированы социально-экономическими и социокультурными условиями жизни. В-третьих, в поисках желаемого финансового и материального благополучия выпускницы вузов готовы переехать без колебаний в одну из развитых стран, причем значительная часть — на постоянное место жительства.

Библиографический список

- [1] Альманах HeadHunter 2017 // <https://books.google.ru/books?id=SnM3DwAAQBAJ&pg=PA68&lpg=PA68&dq=Альманах+HeadHunter+2016&source>.
- [2] Белокрылова О., Тимошенко Е., Михалкина Е. Молодежный сегмент рынка труда в посткризисной экономике: особенности, структура, повышение конкурентоспособности молодежи. Ростов-на-Дону, 2005.
- [3] Конкурентоспособность выпускника вуза на рынке труда — 2015 // <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2015/RM15/pages/Articles/IEU/7/3.pdf>.
- [4] Виниченко М.В. Трудоустройство выпускников вузов России: проблемы и пути решения // Социальная политика и социология. 2012. № 4.
- [5] Гимпельсон В.Е. Нужны ли нашей промышленности квалифицированные работники? История последнего десятилетия: Препринт № 1,3/2010/04. М., 2010.
- [6] Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2017 года (по итогам обследования рабочей силы) // http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/13.htm.
- [7] Князева Н.Ю. Взаимодействие вуза и работодателей: проблемы трудоустройства выпускников и пути их решения // Социальная политика и социология. 2014. № 3.
- [8] Мазаев Ю.Н. Жизненные стратегии молодежи — разнообразие выбора // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т. 1. № 13.
- [9] Молодые специалисты на рынке труда России // <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/sredne-professionalnoe-obrazovanie/anonsy/molodye-spetsialisty-na-rynke-truda-rossii.html>.
- [10] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. Т. 14. № 2.
- [11] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [12] Настроения на рынке труда среди молодых специалистов // <https://career.ru/article/21039>.
- [13] Настроения на рынке труда среди молодых специалистов // <https://career.ru/article/20318>.
- [14] Огилько И. Работа как подарок // Российская газета. № 5616 от 26.10.2011.
- [15] Работодатели не понимают поколение Y // <https://www.superjob.ru/research/articles/111816/rabotodateli-ne-ponimayut-pokolenie>.
- [16] Разумова Т.О. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда: автореф. дис. ... д.э.н. М., 2009.
- [17] Рынок труда для молодых специалистов в России в 2017 году // <https://career.ru/article/21504>.
- [18] Рынок труда молодых специалистов в первом полугодии 2018 года // <https://career.ru/article/22890>.
- [19] Скачкова Л.С. Адаптационное поведение молодых специалистов на рынке труда: концепция, факторы, инструментарий: автореф. дис. ... к.э.н. Ростов-на-Дону, 2011.
- [20] Состояние российского рынка труда для молодых специалистов // <https://career.ru/article/23816>.
- [21] Чернышкина Н.Я. Трудоустройство выпускников вузов: опыт социологического анализа // Вестник ПАГС. 2013.
- [22] Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н. Уровень притязаний выпускников московских вузов к содержанию и оплате труда: результаты социологического исследования // I Чтения памяти В.Т. Лисовского. М., 2017.
- [23] Lim R.H. Job search behaviors of graduating college seniors: A test of the Social Cognitive Model of Career Self-Management // https://drum.lib.umd.edu/bitstream/handle/1903/15799/Lim_umd_0117E_15544.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
- [24] McAbee S.T. Personality, Interpersonal Skills, and Students' Job Search Behaviors // <https://scholarship.rice.edu/bitstream/handle/1911/88199/MCABEE-DOCUMENT-2014.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

- [25] *Van Hooft E.A.J., Born M.P., Taris T.W., Van Der Flier H.* Job search and the theory of planned behavior: Minority-majority group differences in the Netherlands // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. Vol. 65.
- [26] World Employment Social Outlook: 2018 Trends // http://embargo.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_615594.pdf.
- [27] *Zikic J., Saks M.A.* Job search and social cognitive theory: The role of career-relevant activities // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 74.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-458-469

Job search by the graduates of Moscow universities: Motivation and claims*

T.N. Yudina, Yu.N. Mazaev, A.V. Kirillov

Russian State Social University

V. Pika St., 4-1, Moscow, 129226, Russia

(e-mail: JudinaTN@rgsu.net; MazaevJUN@rgsu.net; KirillovAV@rgsu.net)

Abstract. The article presents the results of the sociological research conducted in the framework of the Federal project “Personnel Potential”, which aimed at assessing the factors and conditions of employment of the graduates of Moscow universities. The relevance of this study is determined by the fact that every year, after graduation from higher educational institutions, the labor market has too much of the supply of highly skilled labor usually without work experience. The study of motivation that determines the search and choice of jobs by contemporary graduates, of their claims to the content and payment of their work, of their readiness for professional mobility can help to take necessary measures to reduce this problem. The article is based on the data of the research focused on girls who study or have recently graduated from Moscow universities. The results of the survey show that the choice of place of work is determined by a set of subjective and objective factors: future wages, career opportunities, prospects for professional and personal growth, and stability of the company. The authors identified three groups of factors that play a major, secondary and minor role in the girls’ choice of place to work. Salary is the leading motive of employment: the claims for high payment are typical for students and young professionals in the fields of natural sciences, information-mathematical and technical sciences, to a lesser extent — for representatives of humanities, culture and art. The empirical data proved the hypothesis that students of all educational profiles are ready to achieve financial well-being through labor migration.

Key words: job search; motivation; claims; factors of employment; conditions of employment; university graduates

References

- [1] Almanakh HeadHunter 2017 [HeadHunter Almanac 2017]. <https://books.google.ru/books?id=Snm3DwAAQBAJ&pg=PA68&lpq=PA68&dq=Al'manakh+HeadHunter+2016&source> (In Russ.).
- [2] Belokrylova O., Timoshenko E., Mikhalkina E. *Molodezhny segment rynka truda v postkrisisnoi ekonomike: osobennosti, struktura, povyshenie konkurentosposobnosti molodezhi* [Youth Segment of the Labor Market in the Post-Crisis Economy: Features, Structure, Improving the Competitiveness of the Youth]. Rostov-on-Don; 2005 (In Russ.).

* © T.N. Yudina, Yu.N. Mazaev, A.V. Kirillov, 2019.

The article was submitted on 11.01.2019. The article was accepted on 28.02.2019.

- [3] Konkurentosposobnost vypusknika vuza na rynke truda [Competitiveness of university graduates in the labor market]. <http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2015/RM15/pages/Articles/IEU/7/3.pdf> (In Russ.).
- [4] Vinichenko M.V. Trudoustroistvo vypusknikov vuzov Rossii: problemy i puti resheniya [Employment of the Russian universities' graduates: Challenges and solutions]. *Social Policy and Sociology*. 2012; 4 (In Russ.).
- [5] Gimpelson V.E. Nuzhny li nashei promyshlennosti kvalifitsirovannye rabotniki? Istoriya poslednego desyatiletia [Does the Russian industry need skilled labor? History of the last decade] Preprint No. 1, 3.2010.04. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [6] Zanyatost i bezrabotitsa v Rossiiskoi Federatsii v dekabre 2017 goda (po itogam obsledovaniya rabochei sily) [Employment and unemployment in the Russian Federation in December 2017 (based on the results of the labor force survey)]. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/13.htm (In Russ.).
- [7] Knyazeva N.Yu. Vzaimodeistvie vuza i rabotodatelei: problemy trudoustroistva vypusknikov i puti ikh resheniya [Interaction of university and employers: Problems of graduates' employment and ways to solve them]. *Social Policy and Sociology*. 2014; 3 (In Russ.).
- [8] Mazaev Yu.N. Zhiznennye strategii molodezhi — raznoobrazie vybora [Life strategies of the youth — a variety of choices]. *Materialy Afanasievskikh chtenii*. 2015; 1 (13) (In Russ.).
- [9] Molodye spetsialisty na rynke truda Rossii [Young specialists in the Russian labor market]. <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/sredne-professionalnoe-obrazovanie/anonsy/molodye-spetsialisty-na-rynke-truda-rossii.html> (In Russ.).
- [10] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiiskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professional'noy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 14 (2) (In Russ.).
- [11] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)] // *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [12] Nastroeniya na rynke truda sredi molodykh spetsialistov [The mood of young professionals in the labor market]. <https://career.ru/article/21039> (In Russ.).
- [13] Nastroeniya na rynke truda sredi molodykh spetsialistov [The mood of young professionals in the labor market]. <https://career.ru/article/20318> (In Russ.).
- [14] Ogilko I. Rabota kak podarok [Work as a gift]. *Rossiiskaya Gazeta*. No. 5616. 26.10.2011 (In Russ.).
- [15] Rabotodateli ne ponimayut pokolenie Y [Employers do not understand the generation Y]. <https://www.superjob.ru/research/articles/111816/rabotodateli-ne-ponimayut-pokolenie> (In Russ.).
- [16] Razumova T.O. Vypuskniki vysshikh uchebnykh zavedenii na rynke truda [Graduates of higher educational institutions in the labor market]: Avtoref. dis. d.e.n. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [17] Rynok truda dlya molodykh spetsialistov v Rossii v 2017 g. [Labor market for young professionals in Russia in 2017]. <https://career.ru/article/21504> (In Russ.).
- [18] Rynok truda molodykh spetsialistov v pervom polugodii 2018 goda [The labor market of young professionals in the first half of 2018]. <https://career.ru/article/22890> (In Russ.).
- [19] Skachkova L.S. Adaptatsionnoe povedenie molodykh spetsialistov na rynke truda: kontseptsiya, faktory, instrumentarii [Adaptive behavior of young professionals in the labor market: concept, factors, tools]. Avtoref. dis. k.e.n. Rostov-on-Don; 2011 (In Russ.).
- [20] Sostoyanie rossiiskogo rynka truda dlya molodykh spetsialistov [The state of the Russian labor market for young professionals]. <https://career.ru/article/23816> (In Russ.).
- [21] Chernyshkina N.Ya. Trudoustroistvo vypusknikov vuzov: opyt sotsiologicheskogo analiza [Employment of graduates: A sociological analysis]. *Vestnik PAPS*. 2013 (In Russ.).

- [22] Yudina T.N., Mazaev Yu.N. Uroven prityazanii vypusnikov moskovskikh vuzov k sodержaniyu i oplate truda: rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya [The claims of Moscow universities' graduates to the content of work and wages: The results of the sociological study]. *I Chteniya pamyati V.T. Lisovskogo*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [23] Lim R.H. Job search behaviors of graduating college seniors: A test of the Social Cognitive Model of Career Self-Management. https://drum.lib.umd.edu/bitstream/handle/1903/15799/Lim_umd_0117E_15544.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
- [24] McAbee S.T. Personality, Interpersonal Skills, and Students' Job Search Behaviors. <https://scholarship.rice.edu/bitstream/handle/1911/88199/MCABEE-DOCUMENT-2014.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
- [25] Van Hooft E.A.J., Born M.P., Taris T.W., Van Der Flier H. Job search and the theory of planned behavior: Minority-majority group differences in the Netherlands. *Journal of Vocational Behavior*. 2004; 65.
- [26] World Employment Social Outlook: 2018 Trends. http://embargo.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_615594.pdf.
- [27] Zikic J., Saks M.A. Job search and social cognitive theory: The role of career-relevant activities. *Journal of Vocational Behavior*. 2009; 74.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-470-480

Динамика мировоззренческих установок молодежи Кубани*

Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040
(e-mail: khagurov@mail.ru; ost101@mail.ru)

В статье представлены результаты трехлетнего социологического исследования причин социальной напряженности в молодежной среде Кубани как полиэтничного региона. По итогам социологического опроса старшеклассников, студентов и рабочей молодежи было выявлено отношение к действующей власти и приоритетам государственной политики, к событиям на Украине и в Сирии, оценка современного состояния межнациональных отношений на Северном Кавказе и роли казачества на Кубани. Выяснилось, что противоречивость мировоззренческих установок и отношения молодежи Кубани к этим вопросам за 2017 год возросла, а значит, увеличился потенциал конфликтности молодежи на национальной и политической почве, что выразилось в росте социальной активности участников как патриотических акций, так и социальных протестов. Сегодня очевидно омоложение социально-протестных акций, в которых принимает все больше школьников и подростков. На фоне роста молодежной поддержки государственного патриотизма наблюдается и рост радикальных антигосударственных протестов юношества, в целом снижается число безразличных и отстраненных от социальных процессов молодых людей. При этом возникает опасность поляризации и радикализации молодежи, накопления латентной конфликтности. Провозглашаемое государством воспитание патриотизма, предполагающего возвращение жертвенности как традиционной ценности, размывается пропагандой либерального индивидуализма и потребительства, которые эту ценность отрицают; пропаганда добровольчества и помощи входит в противоречие с идеями лидерства и конкурентности, а ценности межнациональной и межрелигиозной дружбы и уважения — с идеями межэтнической и межконфессиональной толерантности. Провозглашаемое государством возвращение к традиционным ценностям сталкивается с тенденциями вхождения в западный мир, что вызывает мировоззренческие сбои у значительной части молодежи.

Ключевые слова: молодежная среда; полиэтничность; мировоззренческие установки; межнациональные отношения; социальная напряженность; радикализация молодежи; социальные протесты

В последние годы противоречивость мировоззренческих установок российской молодежи явно нарастает: с одной стороны, наблюдается всплеск патриотических настроений, проявляющихся в добровольческой активности и росте интереса к спортивным соревнованиям, конкурсам международного уровня, многочисленным общероссийским и региональным молодежным форумам, экологическим акциям и т.д.; с другой стороны, происходит омоложение социально-протестной активности, возникают новые очаги и направления криминализации и экстремизации молодежи на национальной и религиозной почве.

* © Хагуров Т.А., Остапенко А.А., 2019.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 15-18-00038.
Статья поступила 02.10.2018 г. Статья принята к публикации 28.02.2019 г.

Разобраться в причинах и масштабах этих процессов мы попытались в рамках трехлетнего социологического исследования: с 2015 по 2017 годы коллектив ученых Кубанского государственного университета работал над проектом Российского научного фонда «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика» [1—4], оценивая риски нарастания критичности и нестабильности среди российской молодежи в целом и в Краснодарском крае в частности (влияние националистических идеологов [5], распространение религиозного экстремизма [6; 7], социально-протестные настроения [8; 9]).

Мы полагаем, что такие риски обусловлены двумя группами причин: внешними и внутренними. К первым следует отнести то «стратегическое охлаждение» отношений России с Западом (прежде всего США), которые многие аналитики называют «новой холодной войной», и экспорт в Россию экстремистских идей и настроений разного содержания и генезиса — важная слагаемая этого конфликта. Внутренние факторы риска следует разделить на «грубые» и «тонкие»: в первые входят такие «объективные» проблемы, как разнообразие этнического и конфессионального состава российского общества, неравномерность социально-экономического развития регионов, миграционные потоки, снижение уровня жизни; во вторые — последствия двух глубочайших культурных травм, пережитых российским обществом в 1980—1990-е годы. Это травма исторического самосознания, повлекшая за собой кризис национально-исторической идентичности, пробуждение «спящих» очагов территориальной, этнической и конфессиональной конфликтности, а также травма духовно-идеологического сознания, ставшая следствием агрессивной деидеологизации советского общества в конце 1980-х годов, результатом чего стала примитивизация духовно-идеологических потребностей общества, распространение нигилизма, индивидуализма, разных форм девиантного поведения, доминирование потребительских настроений, социокультурная фрагментация общества. Последствия обеих травм, будучи в значительной мере преодолены, ощущаются до сих пор, осложняя процессы интеграции общества, формирования единой общероссийской идентичности, борьбу с экстремистскими настроениями в молодежной среде.

В 2016—2017 годах мы провели опрос, включавший блок вопросов, направленных на выявление уровня поддержки молодежью популярных политических идеологов. Каждая идеологема затрагивала «болевы́е точки» истории и современности и использовалась политиками экстремистского толка. Респондентам было предложено выразить свое отношение к девяти парным противоположным высказываниям, затрагивающим различные аспекты исторически сложившихся конфликтных ситуаций, на десятибалльной шкале (где 1 — «совершенно не согласен», 10 — «полностью согласен»). В опросе 2016 года приняли участие 2467 респондентов, 2017 года — 1970 человек в возрасте 14—30 лет: учащиеся старших классов общеобразовательных школ, организаций казачьей направленности и профессиональных лицеев 14—17 лет — 60%; студенты вузов и ссузов 18—24 лет — 30%; работающая молодежь 25—30 лет — 10% (допущено целенаправленное смещение в сторону учащейся молодежи с учетом интересов исследователей).

1. *Кавказская война*. Идеологемы, связанные с Кавказской войной, часто используют радикально настроенные политики для разжигания реваншистских настроений и межэтнической напряженности в среде адыго-черкесской молодежи (табл. 1). В 2017 году снижается доля респондентов, утверждающих, что Кавказская война — дело прошлое и не должна влиять на сегодняшние отношения братских народов, а доля тех, кто не может определиться, составляет пятую часть и не меняется. В то же время существенно возросла доля не согласных с конструктивной версией идеологемы (с 20% до 26%). Еще более тревожные показатели прослеживаются в контрольном вопросе, где примерно в такой же пропорции увеличился процент молодых людей, выступающих за деструктивную версию (с 19% до 24%), и снизилось количество отвергающих ее (с 58% до 46%). Идеологема успешно «раскручивается» в тематических группах социальных сетей и других СМИ и влияет на восприятие молодежью исторических событий Кавказской войны и ее последствий. Другая причина — выпячивание руководством регионального казачества былых побед над черкесами, что породило рост реваншистских настроений среди адыго-черкесской молодежи.

Таблица 1

Отношение к попыткам идеологизации трагедии Кавказской войны

Шкала	Трагедия Кавказской войны — дело прошлое и не должно влиять на сегодняшние отношения братских народов — русских и кавказцев		Трагедия Кавказской войны сохраняет свою актуальность и сегодня, русские несут историческую вину перед кавказцами	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	8,9	10,1	35,5	23,6
2	2,5	8	5,8	6,8
3	4,1	2,9	9,4	8,1
4	4,2	4,6	7,7	7,1
5	20,1	20,6	22,3	23,2
6	4,3	4,7	5,3	6,6
7	5,1	6,2	3	4,7
8	6,6	8,8	2,7	2,3
9	5,8	5,1	1,5	1,7
10	38,3	28,2	6,8	8,3

2. *События на Украине*. Следующая пара идеологем позволяет оценить отношение респондентов к спорным вопросам, связанным с присоединением Крыма и поддержкой Россией Юго-Востока Украины (табл. 2).

Опрос 2017 года показал, что респонденты стали относиться к украинским событиям неоднозначно: постепенно спадает эмоциональный подъем после воссоединения Крыма, появились переживания, связанные с финансовыми затратами на развитие полуострова. Неоднозначно трактуются респондентами и другие события украинского конфликта, и за год почти на 7% увеличилось число выступающих против участия России в событиях на Украине. В то же время настолько же выросла доля не согласных с этим утверждением, т.е. соотношение позиций «за» и «против» внешнеполитической стратегии России по отношению к Украине осталось прежним, но произошла поляризация мнений.

Таблица 2

Отношение к ситуации на Украине

Шкала	Россия напрасно вмешалась в события на Украине, поддержав Донбасс и присоединив Крым		Россия правильно сделала, что вмешалась в события на Украине, поддержав Донбасс и присоединив Крым	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	43,3	30,7	7,4	13,9
2	6,7	12,2	2,1	5
3	6,8	5,3	3,4	4,3
4	4,3	5,3	3,2	4,7
5	18,6	18,7	18	19,2
6	4,1	5,8	4,5	6,2
7	2,8	5,2	4,8	6,4
8	2,8	3,6	6,8	5,9
9	1,5	2,6	6,7	5,5
10	9,2	10	43,3	28,6

В контрольном вопросе картина меняется: существенно увеличилось число поддерживающих утверждение об ошибочной политике государства (с 16% до 28%) и снизилась доля поддерживающих решения руководства страны (с 66% до 53%). Таким образом, только половина опрошенных продолжают поддерживать политику России во взаимоотношениях с Украиной и присоединение Крыма — 54% в первом случае (ответы 1—4 по шкале) и 53% во втором (ответы 6—10).

3. *Приоритеты государственной политики.* Одна из популярных либерально-оппозиционных идеологием связана с интерпретацией приоритетных задач государства (табл. 3). Отношение респондентов к приведенным высказываниям претерпело незначительные изменения: как и в 2016 году, практически каждый третий (28% выбравших значение 10) утверждает, что благополучие граждан важнее независимой политики, международного престижа и военной силы государства.

Таблица 3

Приоритеты государственной политики

Шкала	Главная задача правительства — обеспечить благополучие граждан, это более важно, чем международный престиж, независимая политика или военная сила		Главная задача правительства — это укрепление государственного могущества, международного престижа и независимости страны, ради этого можно жертвовать благополучием	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	5,5	7,5	18,6	16,6
2	1,9	1,9	6	5,7
3	3,3	4,1	8,8	7,6
4	4,6	7,3	7,9	9,2
5	22,7	21,1	25,1	21,4
6	7,4	7,3	7,1	8,7
7	7,7	8,4	6,8	7
8	11	8	4,1	3,6
9	6,2	6,3	3	3,4
10	29,6	27,7	12,7	10,5

Однако ответы на основной и контрольный вопросы показывают, что за год уменьшилась доля заявляющих о приоритете благополучия граждан (с 62% до 49% и с 41% до 39%). С другой стороны, доля твердо уверенных в первостепенной значимости государственного могущества держится на прежнем уровне (33%). Уверенность в приоритете благополучия граждан над задачей укрепления государства становится предпосылкой для протестной активности молодежи, а тема «невнимательного отношения» правительства к народу вызывает отклик у значительной части опрошенных.

4. *Русские в России*. Российские националисты часто заявляют о необходимости наделить русских «особыми правами» как «главную нацию страны». Отношение респондентов к этой идее представлено в таблице 4.

Русские в России...

Таблица 4

Шкала	Россию создавали русские, поэтому справедливо, если русский народ займет место «старшего брата» в семье российских народов		Россия — многонациональная страна и ни один народ не может быть «старшим», все равны между собой	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	17,9	23,1	8,6	8,1
2	3,2	4,6	2,6	3,2
3	5,5	5,3	4,1	5,2
4	5,3	5,8	4,3	5
5	21,1	18,7	18,6	18
6	6,1	7,3	5	5,7
7	6,8	8,4	4,2	5,6
8	6,8	6,3	5,4	5,1
9	5,2	5,8	5,2	5,6
10	22,1	14	42,2	31

Ответы на основной вопрос показывают, что за год доля респондентов, которым близки идеи национализма, сократилась с 47% до 42%. Незначительная часть опрошенных (6—7%) изменила свое отношение и пополнила ряды противников русского национализма. В контрольном вопросе также заметно снижение доли респондентов, поддерживающих конструктивное утверждение (с 62% до 53%), но доля поддерживающих национализм остается неизменной (около 20%). С учетом общей «размытости» политического мировоззрения молодежи можно предположить, что при соответствующей подаче информации (квази-)националистические настроения, связанные с темой «защиты прав русского народа», могут затрагивать до 30—40% молодежи.

5. *Кавказские народы на Кавказе*. Аналогичный вопрос задавался респондентам на тему «кавказского национализма» (табл. 5), и в ответах прослеживается увеличение доли националистически настроенной молодежи. Если в 2016 году идею приоритета кавказских народов поддержали 26%, то в 2017 году — 31%; против высказались 51% и 47% соответственно. Ответы на контрольный вопрос также свидетельствуют о росте доли «националистов»: если в 2016 году идею равноправия народов поддерживали 53%, то в 2017 — на 5% меньше. В то же время уменьшается доля сомневающихся (значение 5 по шкале), что говорит о поляризации мнений.

Таблица 5

Кавказские народы на Кавказе

Шкала	Справедливо, если на Кавказе представители исконных кавказских народов имеют больше прав, чем представители других национальностей		Несправедливо, если на Кавказе представители исконных кавказских народов имеют больше прав, чем представители других национальностей	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	32,2	25,3	9,8	8,6
2	5,1	5,9	3,2	2,8
3	7,3	8,2	4,8	6
4	6,8	7,8	5,1	5,7
5	22,7	21,1	24,4	21,2
6	5,4	8	5,2	6,4
7	4,9	7,5	4,5	6,6
8	4,3	3,8	6,2	4,2
9	3,3	2,6	5,6	4,5
10	8,1	9,4	31,2	23,6

6. *Казачи на Кубани.* Следующие высказывания также затрагивают этнополитические отношения в регионе и раскрывают отношение респондентов к идее приоритета прав казачества на Кубани, периодически озвучиваемой радикальными элементами из среды казачества (табл. 6). Примерно половина респондентов полагает, что казачество на Кубани не должно иметь больше прав, чем представители других национальностей: 47% и 43% соответственно (суммы значений 1—4 по первому вопросу и 6—10 по второму), и мнение респондентов за год не изменилось. Поддерживают идеи приоритета казачества в среднем 29%. В основном вопросе «исключительность казаков» поддержали в 2016 году 34%, в 2017 — 32%, а пятая часть не определились с позицией. Распределение ответов на контрольный вопрос полностью согласуется с основным: в 2016 году равноправие всех наций на Кубани поддержали 54%, в 2017 — 43%, доля националистически настроенных респондентов не изменилась (25%).

Таблица 6

Права казаков на Кубани

Шкала	Кубань — казачий край, поэтому справедливо, если на Кубани казаки имеют больше прав, чем представители других национальностей		Кубань — часть многонациональной России, поэтому несправедливо, если на Кубани казаки имеют больше прав, чем представители других национальностей	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	30,9	26	11,7	10,9
2	4,5	9,1	2,8	2,9
3	6,2	6,1	5,8	6,2
4	4,6	5,6	4,5	5,2
5	19,9	20,1	21,2	21,3
6	5,5	5,4	5,1	6,1
7	5,5	6,2	4,6	5,1
8	4,3	4,7	6,1	5,9
9	3,2	4	6,2	4,7
10	15,2	11,9	32	21,1

Здесь может быть полезным распространение среди молодежи правильного понимания казачества — как субэтноса, играющего большую, но не исключительную роль в жизни Кубани, ее истории и культуре наряду с другими народами, или как политической силы, добывающейся власти на основе своей исторической роли в освоении Кубани и решении задач, которые ставит перед казачеством нынешняя власть.

7. *Сирийский конфликт*. Следующая пара утверждений позволяет оценить уровень поддержки молодежью действий России на международной арене: был использован популярный либеральный тезис о «напрасном вмешательстве России в Сирийский конфликт» (табл. 7). В среднем более половины опрошенных поддерживают политику страны в отношении вооруженного конфликта в Сирии — 41% ответов в первом случае (значения 1—4) и 47% во втором случае (6—10). В течение года увеличилась доля респондентов, которые сомневаются в своей позиции по сирийской кампании (с 20% до 25% в контрольном вопросе). В то же время уменьшается доля поддерживающих политику государства (с 47% до 41% в основном вопросе и с 59% до 47% в контрольном). С одной стороны, здесь сказывается влияние либерально-оппозиционных идей, транслируемых внесистемными политиками. С другой стороны, возвращаясь к вопросу о важности обеспечения благополучия граждан как главной задаче правительства, следует признать, что значительная часть опрошенных (практически каждый третий) видит главной задачей государства не внешний престиж, а внутреннюю стабильность и благополучие граждан, — это потенциальная социальная база для разжигания протестных настроений.

Таблица 7

Отношение к конфликту в Сирии

Шкала	Россия напрасно вмешалась в военный конфликт в Сирии, он нас не касается, а влечет за собой лишние расходы и ненужный конфликт с Западом		Россия правильно сделала, что вмешалась в военный конфликт в Сирии, терроризм нужно остановить на дальних подступах, иначе завтра он придет к нам	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	30,6	20,8	9,9	8,8
2	5,4	7,7	2,6	3,3
3	6,2	6	4,2	3,8
4	5,1	6,8	3,9	5,1
5	21,8	25,3	20,3	24,8
6	4,3	6,5	4,7	6,5
7	5,4	5,3	4,3	6,8
8	4,9	4,3	6,2	5,9
9	3,1	3,8	5,5	5,1
10	13,2	12,8	38,3	23

8. *«Россия для русских»*. Поскольку в ходе предыдущих исследований мы неоднократно сталкивались с распространением идей русского национализма среди молодежи, респондентам было предложено выразить свое отношение к самому известному лозунгу националистов (табл. 8).

Таблица 8

Поддержка идеологемы «Россия для русских»

Шкала	«Россия для русских» — это правильная формула государственно-этнического устройства России		«Россия для русских» — это неправильная формула государственно-этнического устройства России	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	32,1	31,7	16	11,7
2	5,8	5,8	3,1	3,6
3	6,3	5	4,7	3,8
4	5,4	5,9	3,9	4,7
5	17,6	25,3	19,4	22,2
6	4,8	3,3	5,2	5,1
7	3,6	5,5	4,1	5,1
8	3,9	3,2	5,1	6,7
9	3,4	2,7	5,4	5,2
10	17,1	10,8	33,1	31,7

Более половины опрошенных выступают против данной идеологемы: 48% в первом вопросе и 54% во втором. Однако настораживает, что у четверти респондентов (26% и 24% соответственно) этот лозунг вызывает отклик. В целом ответы вызывают тревогу и требуют детального изучения причин и каналов распространения националистических идей в молодежной среде.

9. *Отношение к действующей власти.* Последнее парное утверждение было включено в блок вопросов для определения отношения молодежи к политическому руководству страны: значительная часть респондентов (более 45%) поддерживает политику действующей власти (51% в основном и 37% в контрольном вопросе заявили о поддержке политического курса) (табл. 9).

Таблица 9

Отношение к действующей власти

Шкала	Действующая власть, несмотря на отдельные минусы и ошибки, в целом добилась больших успехов во внешней и внутренней политике		Действующая власть, несмотря на отдельные успехи, в целом ведет неудачную внешнюю и внутреннюю политику	
	2016	2017	2016	2017
	%	%	%	%
1	6,9	8,3	25,3	16,4
2	1,7	5,9	8,6	7,2
3	3,1	3,9	8	7,4
4	4,9	5,3	7,3	6,3
5	24,6	25	26,7	26,7
6	7	7,3	6,4	6,9
7	8,6	8,7	3,9	5,8
8	10,1	9,8	3,6	3,6
9	8,6	6,6	2,1	2,8
10	24,5	18,2	8,1	9,3

За год возросла доля респондентов, недовольных политикой власти (с 17% до 23% в основном вопросе и с 24% до 28% в контрольном) и пропорционально уменьшилась доля считающих, что, несмотря на отдельные минусы и ошибки, действующая власть добилась успехов во внешней и внутренней политике (с 59%

до 51% в основном вопросе и с 49% до 37% в контрольном). Традиционно высоким остается процент сомневающейся молодежи (выбравшей значение 5), что указывает на наличие предпосылок для роста протестных настроений молодежи, активно подогреваемых оппозицией.

Таким образом, противоречивость мировоззренческих установок молодежи Кубани за год незначительно увеличилась, а значит, возрос и потенциал конфликтности молодежи на национальной и политической почве. На фоне роста уровня молодежного патриотизма наблюдается и распространение радикальных социальных протестов. Как показывают результаты проведенного опроса, почти во всех вопросах доли неопределившихся уменьшились, что, с одной стороны, радует — снижается число безразличных и отстраненных от социальных процессов молодых людей, но, с другой стороны, нарастает опасность радикализации молодежи и накопления латентной конфликтности.

На наш взгляд, главная причина этих тенденций — отсутствие внятной государственной политики в области работы с молодежью. Провозглашаемое государством воспитание патриотизма, который предполагает взращивание жертвенности как извечной традиционной ценности, размывается пропагандой либерального индивидуализма и потребительства, которые эту ценность отрицают, соответственно, развитие добровольчества и взаимопомощи входит в противоречие с идеями лидерства и конкурентности, а ценности межнациональной и межрелигиозной дружбы и уважения — с идеями межэтнической и межконфессиональной терпимости. Провозглашаемое государством возвращение к традиционным ценностям сталкивается с инерцией 1990-х и «нулевых» годов, что порождает мировоззренческие сбои у молодежи. Если эта раздвоенность сохранится, то тенденции радикализации и мировоззренческой поляризации молодежи будут нарастать, что точно не будет способствовать сплочению нашего и так фрагментированного общества.

Библиографический список

- [1] Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи: концепции и факты / под ред. Т.А. Хагурова, М.Е. Поздняковой. М.—Краснодар, 2017.
- [2] Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования / под ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2015.
- [3] Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Второй этап исследования / под ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2016.
- [4] Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Заключительный этап исследования / под ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2017.
- [5] *Донцова Г.Г.* Националистические и протестные идеологемы глазами молодежи полиэтничного региона: опыт исследования // *Социальная педагогика*. 2016. № 3.
- [6] *Донцова Г.Г., Рудаков М.Г.* Новые и нетрадиционные религии. Угроза распространения религиозного экстремизма в молодежной среде // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 9.
- [7] *Рудаков М.Г.* Новые и нетрадиционные религии в полиэтничном социуме: к вопросу о духовной безопасности // *Социальная педагогика*. 2016. № 3.
- [8] *Ковалева М.С.* Интерес молодежи полиэтничного региона к политике в сравнении с аналогичным периодом прошлого года // *Социальная педагогика*. 2016. № 3.
- [9] *Ковалева М.С.* Интересы и ценности молодежи в полиэтничном регионе // *Концепт*. 2016. Т. 29.

The dynamics of the value orientations of the Kuban youth*

T.A. Khagurov, A.A. Ostapenko

Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, Russia, 350040
(e-mail: khagurov@mail.ru; ost101@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of a three-year sociological study of the causes of social tension among the youth in Kuban as a polyethnic region. Based on the results of the survey of high school students, university students and young workers, the authors consider the youth's attitudes to the current government, priorities of state policy, events in Ukraine and Syria, assess the state of interethnic relations in the North Caucasus and the role of Cossacks in Kuban. The article emphasizes that the inconsistency of worldviews and attitudes of the Kuban youth to these issues increased in 2017, i.e. the potential for conflicts on national and political grounds increased, which lead to the growth of social activity of participants in both patriotic actions and social protests. Today, the rejuvenation of social protests is obvious for more and more schoolchildren and teenagers take part in them. There is a growth of both the youth support for state patriotism and radical anti-state protests, and in general the number of the youth indifferent and detached from social processes declines. There is a danger of polarization and radicalization of the youth and accumulation of latent conflict potential. The state patriotic education aiming to ensure the traditional value of sacrifice for the country is eroded by the propaganda of liberal individualism and consumerism which deny such a value; the promotion of volunteerism and mutual aid comes into conflict with the ideas of leadership and competitiveness, and the values of interethnic and inter-religious friendship and respect — with the ideas of interethnic and interfaith tolerance. The return to traditional values proclaimed by the state faces the westernization trends, which determines the youth's worldview inconsistency.

Key words: youth; polyethnicity; worldview and value orientations; interethnic relations; social tension; youth radicalization; social protests

References

- [1] *Extremalnost i extremism v socialnykh praktikakh rossiyskoy molodejy: kontseptsii i facty* [Extremism in Social Practices of the Russian Youth: Concepts and Facts]. Pod. red. T.A. Khagurova, M.E. Pozdnyakovej. Moscow—Krasnodar; 2017 (In Russ.).
- [2] *Extremism i ethnosocialnye conflicty v molodejnoj srede polietnichnogo regiona. Opyt empiricheskogo issledovaniya* [Extremism and Ethnic-Social Conflicts among the Youth of the Polyethnic Region. An Empirical Study]. Pod. red. T.A. Khagurova. Krasnodar; 2015 (In Russ.).
- [3] *Extremism i ethnosocialnye conflicty v molodejnoj srede polietnichnogo regiona. Vtoroy etap issledovaniya* [Extremism and Ethnic-Social Conflicts among the Youth of the Polyethnic Region. Second Stage of the Study]. Pod. red. T.A. Khagurova. Krasnodar; 2016 (In Russ.).
- [4] *Extremism i ethnosocialnye conflicty v molodejnoj srede polietnichnogo regiona. Finalnaya stadiya issledovaniya* [Extremism and Ethnic-Social Conflicts among the Youth of the Polyethnic Region. Final Stage of the Study]. Pod. red. T.A. Khagurova. Krasnodar; 2017 (In Russ.).
- [5] Dontsova G.G. *Natsionalisticheskie i protestnye ideologemy glazami molodezhi polietnichnogo regiona: opyt issledovaniya* [Nationalist and protest ideologemes through the eyes of the polyethnic region youth: An empirical study]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2016; 3 (In Russ.).

* © T.A. Khagurov, A.A. Ostapenko, 2019.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 15-18-00038.

The article was submitted on 02.10.2018. The article was accepted on 28.02.2019.

- [6] Dontsova G.G., Rudakov M.G. Novye i netraditsionnye religii. Ugroza rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v molodezhnoy srede [New and non-traditional religions. The threat of the spread of religious extremism among the youth]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2016; 9 (In Russ.).
- [7] Rudakov M.G. Novye i netraditsionnye religii v polietnichnom sotsiume: k voprosu o dukhovnoy bezopasnosti [New and non-traditional religions in the polyethnic society: On the spiritual security]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2016; 3 (In Russ.).
- [8] Kovaleva M.S. Interes molodezhi polietnichnogo regiona k politike v sravnenii s analogichnym periodom proshlogo goda [Political interests of the youth in the polyethnic region as compared to the same period of the last year]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2016; 3 (In Russ.).
- [9] Kovaleva M.S. Interesy i tsennosti molodezhi v polietnichnom regione [Interests and values of the youth in the polyethnic region]. *Kontsept*. 2016; 29 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493

Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект*

Г.Б. Кошарная, Е.В. Щанина

Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, Пенза, 440026, Россия
(e-mail: k-galina1@yandex.ru; shchanina@mail.ru)

Проблема социальной депривации и эксклюзии пожилых людей становится актуальной не только для России, но и для многих европейских стран. Цель статьи — оценка факторов риска депривации пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений на основе теоретико-методологического анализа концепций классиков социологической мысли, современных отечественных и зарубежных социологов, исследующих вопросы социальной депривации. Обобщив теоретико-методологические подходы, авторы разработали факторную модель депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере. Используя эту модель, а также результаты социологических исследований, проведенных в 2017—2018 годы методом анкетного опроса в Пензенской и Саратовской областях и Республике Татарстан, авторы проанализировали факторы депривации пожилых людей в сфере труда. В статье подчеркивается, что пожилые люди представляют неоднородную социальную группу, часть которой является объектом социальной политики, защиты и обеспечения, а другая — активным субъектом социальных взаимодействий. Депривация пожилых людей зависит от внешних и личностных факторов, которые имеют объективный или субъективный характер. По данным эмпирических исследований, показаны наиболее значимые депривирующие факторы пожилых людей в социально-трудовой сфере — возраст, уровень образования, место жительства, социально-профессиональный статус до пенсионного возраста, самооценка здоровья и уровня жизни, восприятие своей востребованности на рынке труда, а также положение пожилых людей на рынке труда с позиций работодателей. Результаты исследования позволили выделить сферы деятельности, в которых трудовая занятость пожилых людей наиболее востребована: здравоохранение, торговля и производство, в то время как сфера информационных технологий для них закрыта. Преодолению факторов депривации способствует выбор и реализация стратегий поведения, соответствующих модели активного долголетия.

Ключевые слова: пожилые люди; факторы депривации; рынок труда; востребованность на рынке труда; социально-трудовая активность пожилых людей; трудовая занятость пенсионеров

В связи с демографической ситуацией в России, сложившейся в последние десятилетия, становится все более актуальным вопрос социальной интеграции пожилых людей и о факторах, ее ограничивающих. Так, согласно результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2016 году Федеральной службой государственной статистики, 9,9% респондентов старше 65 лет указали, что проживают в домохозяйствах, испытывающих материальную депривацию [28].

* © Кошарная Г.Б., Щанина Е.В., 2019.

Статья поступила 24.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Термин «депривация» был введен в социологию Т. Маршаллом [22] и П. Таунсендом [44]: они рассматривали депривацию как наблюдаемое, доказуемое невыгодное положение индивида, семьи или группы на фоне сообщества. Исследуя различные аспекты (абсолютные и относительные) депривации, Т. Гарр [7] пришел к выводу, что депривация является негативным явлением, способствующим росту социальной напряженности. По мнению Дж. Бертон [38], депривация — результат несовпадения в ожидаемом и фактическом удовлетворении потребностей. Ряд зарубежных ученых [1; 29; 33; 37; 41; 42; 43] считают, что крайней формой проявления депривации является социальная эксклюзия, и их позицию разделяют многие отечественные исследователи [3; 6; 16; 25; 30; 32]. Российские ученые все чаще рассматривают проблему депривации [4; 11; 15] в изучении социально-экономического неравенства [3; 5], уровня и качества жизни [8; 12], социального самочувствия [2; 17] и др. Правомерность рассмотрения социальной эксклюзии как формы депривации пожилых людей основана на концепции Р. Левитас и ее соавторов, давших определение социальной эксклюзии и акцентировавших, что ее можно относить к индивиду и группе, а также то, что она характеризует различные направления общественной жизни [39. С. 5].

Об актуальности проблемы социальной эксклюзии заявлено и на государственном уровне. Так, в 1995 году был принят Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» в котором определены группы населения, попавшие в тяжелые жизненные ситуации и нуждающиеся в заботе и помощи, т.е. предполагается, что люди, попавшие в тяжелые жизненные ситуации, являются социально исключенными из общества и нуждаются в помощи государства. Проблема социальной депривации и эксклюзии пожилых актуальна не только для России, но и для многих европейских стран. Подтверждением стала прошедшая в начале 2018 года в Бельгии конференция, посвященная проблеме эксклюзии пожилых в современном стареющем мире и организованная сетью ROSEnet (Reducing Old-Age Social Exclusion), главной задачей которой является уменьшение числа пожилых людей, находящихся в ситуации риска социальной эксклюзии.

Безусловно, депривация пожилых людей зависит от внешних и личностных факторов, которые, в свою очередь, имеют объективный или субъективный характер. Внешние — факторы, созданные социальным окружением, институтами и инфраструктурой (на макро-, мезо- и микроуровне). Личностные факторы непосредственно связаны с пожилым человеком, его внутренним миром. Объективный характер факторов депривации связан с тем, что они существуют независимо от воли и сознания пожилых людей. Субъективные факторы возникают в результате поведения и взаимодействия пожилых. В таблице 1 представлена факторная модель депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере. Мы учитываем, что пожилые люди формируют неоднородную социальную группу, представленную во всех слоях российского общества: часть из них является объектом социальной политики, защиты и обеспечения, а другая часть — активным субъектом социальных взаимодействий.

Факторная модель депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере

Факторы депривации				
Характер депривующих факторов		Внешние		
		Макроуровень	Мезоуровень	Микроуровень
	Объективные	Социально-экономическая, политическая ситуация в стране Приоритетные направления государства Социально-демографическая ситуация в стране Развитие науки и техники	Социально-экономическая ситуация в регионе Уровень развития региона Социально-демографическая ситуация в регионе	Необходимость оказывать разные виды помощи членам семьи (материальную, помощь в воспитании и уходе за подрастающим поколением, помощь в случае болезни) Мошенничество и противоправные действия в отношении пожилых Социальные риски и угрозы
	Субъективные	Востребованность пожилых людей на рынке труда Стереотипы в отношении пожилых людей Традиции, обычаи и др.		
		Личностные		
Объективные	Возраст, уровень образования, состояние здоровья, социально-профессиональный статус, жизненный опыт, уровень трудовой и профессиональной мобильности, место проживания, дезадаптация к современным условиям и др.			
Субъективные	Социальное самочувствие, самоидентификация, самооценка, восприятие своей востребованности на рынке труда, ценности и ценностные установки, личностный потенциал, потребности, выбор и реализация стратегий поведения, уровень информированности по разным аспектам жизнедеятельности (о государственных программах в отношении пожилых людей, льготах, пособиях, субсидиях), уровень доверия к социальным институтам и др.			

Проблемы депривации начинают появляться у человека одновременно с прекращением трудовой занятости и выходом на пенсию. Именно в это время происходит изменение его социального статуса: был работающим, а значит успешным, востребованным — стал пенсионером, т.е. человеком, утратившим значимость. Изменение социального статуса предполагает изменение ролевого набора — в большинстве случаев он резко сужается. С выходом на пенсию ухудшается материальное положение, так как у основной массы пенсионеров главным источником дохода является пенсия, а ее уровень в большинстве случаев находится на уровне прожиточного минимума. Часто возникает проблема одиночества, обусловленная сужающимся кругом общения и утратой мотивации к культурно-познавательной деятельности.

В 2017—2018 годы нами были проведены анкетные опросы на темы: «Направления социальной активности пожилых людей в процессе социальной адаптации» в Пензенской и Саратовской областях и Республике Татарстан (опрошено 1120 респондентов старше 55/60 в 2017 году); «Место и роль пожилых людей в обществе» (412 респондентов старше 20 лет в 2018 году в Пензенской области); «Востребованность представителей старшего поколения на рынке труда в Пензенской области» (268 респондентов среди работодателей и представителей служб управления персоналом в 2018 году); также проанализированы данные официальной статистики, характеризующие уровень занятости людей старше трудоспособного возраста в Российской Федерации. Согласно результатам опросов в общест-

венном мнении сложилось четкое разграничение группы пожилых людей по возрасту: «пожилые люди» — в возрасте от 61 года до 77 лет, «старые люди» — старше 78 лет. Независимо от возраста каждый второй респондент уверен, что пожилые люди обладают значительным потенциалом, используя который смогли бы интегрироваться в общество. Однако 45% высказали мнение, что пожилые — это, прежде всего, обездоленные, нуждающиеся в адекватном пенсионном и социальном обеспечении люди. Для 2,5% респондентов пожилые люди — экономический и социальный балласт общества, тормозящий эффективные реформы. Подобные утверждения являются результатом сложившихся стереотипов в отношении пожилых людей, которые следует рассматривать как факторы депривации пожилых не только в сфере социально-трудовых отношений, но и в других сферах социальных взаимодействий.

По данным выборочных обследований рабочей силы в России уровень занятости людей в возрасте 55/60—72 лет в 2017 году составил 28,8%. Самый высокий уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного зафиксирован в Дальневосточном федеральном округе (35,9%), республиках Ингушетии (45%) и Кабардино-Балкарии (39,2%), Санкт-Петербурге (41,6%), Москве (37,3%) и Московской области (38,5%). Самый низкий уровень занятости пожилых — в Приволжском округе (24,6%), в том числе в Пензенской области, он ниже, чем в целом по стране (24,2%). Несмотря на достаточно высокий уровень занятости (каждый четвертый пожилой человек продолжает трудовую занятость) и учитывая то, что этот показатель практически не меняется, следует отметить ежегодный рост уровня безработицы пожилых людей с 2,7% в 2012 году до 3,3% в 2017-м [26].

Данные социологических опросов свидетельствуют, что пик трудовой активности у пожилых людей приходится на возраст 60—65 лет. В этот период трудовую деятельность осуществляют 41% респондентов, но по мере увеличения возраста уровень занятости снижается (65—70 лет — 24%; 70—75 — 13%; 75—79 — 9%; старше 80 лет — 0%). В то же время среди неработающих пожилых людей в возрасте 65—70 лет о неудовлетворенной потребности в трудовой занятости заявили 26%, в возрасте 70—75 лет — 21%, в 75—80 лет — 18%. Следовательно, несмотря на то что с возрастом уровень занятости пожилых людей снижается, на протяжении достаточно длительного периода после выхода на пенсию сохраняется потребность в трудовой активности, а уровень неудовлетворенности свидетельствует, что возраст является объективным фактором депривации пожилых людей в сфере труда.

Женщины пожилого возраста имеют более высокий уровень включенности в трудовую сферу. В 2017 году уровень занятости женщин старше трудоспособного возраста в целом по России составил 29,7%, у мужчин — 26,5% [26]. Отсутствие статистически значимых различий в занятости мужчин и женщин свидетельствует, что гендер в пожилом возрасте не является депривирующим фактором в трудовой сфере.

Существенные различия в возможностях трудовой занятости зафиксированы по уровню образования пожилых людей: чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости. Среди пожилых, имеющих незаконченное среднее образование, работают 13%, среднее — 33%, среднее специальное — 37%, незаконченное

высшее — 50%, высшее (в том числе с ученой степенью) — 52%. Наличие высшего образования сегодня является своего рода гарантией, что потребность в трудовой занятости будет удовлетворена. Среди пожилых людей, имеющих высшее образование, 13% респондентов имеют неудовлетворенную потребность в трудовой занятости, в то время как среди не имеющих профессионального образования — каждый четвертый, т.е. низкий уровень образования является одним из депривировующих факторов пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений.

Объективность или субъективность фактора определяется тем, в состоянии ли пожилой человек повлиять на него, учитывая свои потребности, желания и т.д., а также на социальные условия, дающие возможность оказывать влияние на этот фактор. В пожилом возрасте человек, испытывая потребность в повышении уровня образования, не может удовлетворить ее, так как отсутствует или недостаточно развита образовательная инфраструктура, ориентированная на данный возраст. В российском обществе единственное, что предлагается пожилым людям — курсы компьютерной грамотности и лекции на бытовые темы, а профильного, специального обучения нет. Поэтому тот уровень образования, который был достигнут пожилым человеком в более молодом возрасте, остается неизменным. Таким образом, уровень образования следует рассматривать как ключевой объективный фактор депривации пожилых в сфере социально-трудовых отношений, учитывая и то, что полученные знания имеют особенность устаревать. В то же время применительно к молодежи уровень образования является субъективным фактором, так как у нее есть возможность получить хорошее образование, совершенствовать свои знания — для этого созданы системы среднего специального и высшего образования, дополнительного профессионального образования — все зависит от внутренней мотивации молодого человека воспользоваться ими.

Следующим объективным фактором депривации пожилых людей на рынке труда является социально-профессиональный статус до наступления пенсионного возраста. Этот фактор для большинства пожилых людей следует рассматривать как объективный, поскольку с наступлением пенсионного возраста вероятность трудовой мобильности стремится к нулю. Максимальный уровень трудовой занятости был зафиксирован среди пожилых людей, работающих до наступления пенсионного возраста служащими, специалистами, рабочими (34%, 29% и 22% соответственно), а минимальный — у руководителей (15%). Несмотря на достаточно высокий уровень занятости, каждый четвертый пожилой человек, бывший по роду своей деятельности специалистом, испытывает неудовлетворенную потребность в трудовой занятости (среди руководителей — 14%), вероятно, потому что на рынке труда наблюдается высокая конкуренция среди данной категории пожилых людей за счет избыточного предложения труда.

Местожителство пожилых людей также является объективным фактором их депривации в сфере социально-трудовых отношений. По данным опросов, каждый второй пожилой человек, проживающий в областном центре, работает, в то время как среди пожилых людей, проживающих в селах и деревнях, — только 17%. Что касается неудовлетворенной потребности в трудовой занятости, то среди пожилых людей, проживающих в поселках городского типа, 33% испытывают данную

потребность, в селах и деревнях — 25%, в областном центре — 11%. Можно предположить, что ограничения в трудовой занятости пожилых людей в небольших населенных пунктах связаны с отсутствием вакансий за счет концентрации крупных предприятий и организаций в областном центре или рядом с ним.

Среди субъективных факторов депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере, прежде всего, следует выделить социальное самочувствие — самооценку состояния здоровья и уровня жизни. Анализ уровня занятости в зависимости от самооценки здоровья показал наличие прямой зависимости: чем выше самооценка, тем выше вероятность трудовой занятости. Среди пожилых людей, оценивающих состояние своего здоровья как хорошее, 31% трудоустроен, среди тех, кто считает свое состояние здоровья соответствующим возрасту — 28%, а среди тех, кто оценивает состояние здоровья как плохое — 15%. Следовательно, состояние здоровья в пожилом возрасте является значимым депривирующим фактором в сфере социально-трудовых отношений.

Пожилые люди, высоко оценивающие свой уровень жизни, в меньшей степени заинтересованы в продолжении работы — среди них только 17% продолжают работать, в то время как среди тех, кто не может свести концы с концами, работают 54%. В данном случае наблюдается эффект замещения, т.е. увлеченность любимым делом становится более ценным по сравнению с возможностью получать дополнительный доход, т.е. пожилые люди с высокой самооценкой уровня жизни депривируют себя в сфере социально-трудовых отношений.

Респонденты-работодатели среди главных внешних депривирующих факторов, ограничивающих трудовую занятость пожилых людей, выделили: возрастную дискриминацию при приеме на работу (54%), состояние здоровья (40% респондентов), личностную незрелость молодых руководителей, которые боятся сотрудников старше себя, не знают, как выстраивать с ними отношения и как использовать их опыт и знания в интересах собственного дела (25%), низкую конкурентоспособность по сравнению с населением трудоспособного возраста (18%), невнимание работодателей к проблеме приспособления условий труда к возможностям пенсионеров (13%). Мнения пожилых людей практически идентичны мнениям работодателей (рис. 1).

Относительно личностных депривирующих факторов в сфере труда мнения пожилых людей и работодателей разошлись: вторые считают таковыми недостаток знаний, особенно в области компьютерных технологий (49%), трудности в перестройке восприятия и представлений (36%), консервативность (19%), неспособность приспособиться к новым людям или к новой ситуации (19%), негибкое поведение (17%). Сами пожилые не считают, что их консервативность является одним из ведущих депривирующих факторов (только 10% выбрали данный вариант), как и то, что они трудно перестраивают свое восприятие и представления в изменившейся обстановке (20%). В то же время пожилые люди критичны в отношении гибкости своего мышления и считают ее вторым по значимости депривирующим фактором (рис. 2). Статистически значимыми различиями в мнениях пожилых людей и работодателей являются убеждения относительно негибкости мышления и наличия трудностей в перестройке восприятия и представлений в изменившейся обстановке.

Рис. 1. Мнения пожилых людей и работодателей относительно внешних депривирующих факторов пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений (в %)

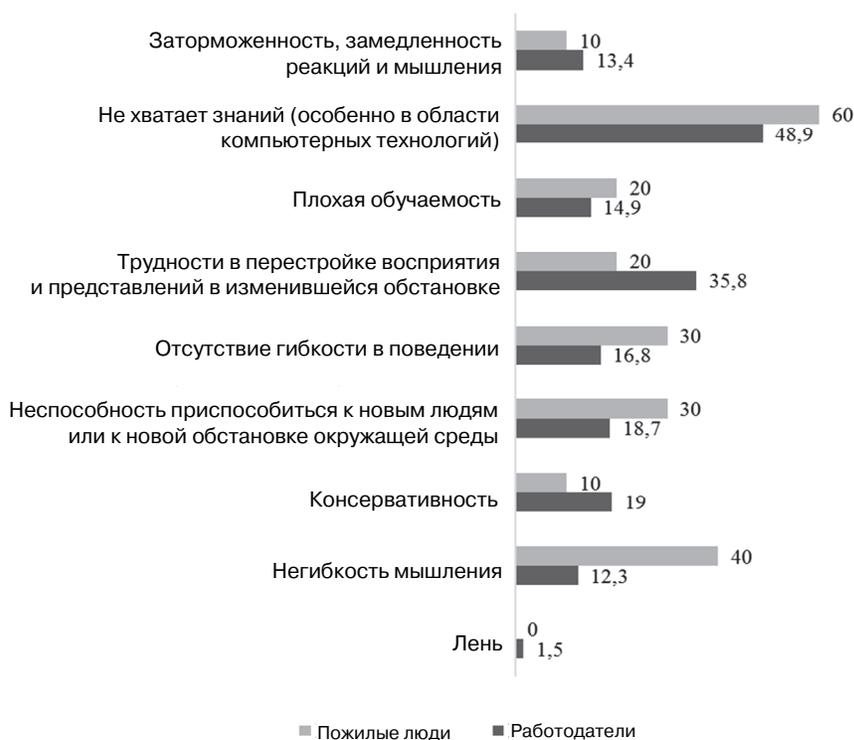

Рис. 2. Мнения пожилых людей и работодателей относительно личных депривирующих факторов пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений (в %)

По оценкам работодателей, по таким параметрам, как инициативность, скорость решения поставленных задач и работоспособность, пожилые люди уступают работникам трудоспособного возраста (их назвал каждый третий работодатель). Однако сами пожилые люди не согласны с этим и считают, что они не уступают более молодым работникам, а по уровню профессиональных знаний и навыков, наоборот, превосходят их (70%). Следовательно, низкий уровень инициативности, скорости решения задач и работоспособности следует рассматривать как объективные депривационные факторы, снижающие конкурентоспособность пожилых людей на рынке труда.

В ходе исследования была проведена оценка готовности работодателей принимать на работу работников пожилого возраста: возраст для большинства работодателей не является поводом для отказа в приеме на работу (46%), основной акцент делается на уровне профессиональных знаний, умений и навыков, а также на производительности труда, т.е. высокий уровень образования, квалификации и профессиональный опыт позволяют пожилым людям сохранять конкурентоспособность на рынке труда и снижать уровень депривации. По мнению работодателей, для пожилых людей лучше всего подходит работа в режиме неполного рабочего времени (40%), работа консультационного характера, оплачиваемая по факту выполнения (20%), ведение натурального хозяйства (18%) и надомная работа (17%), т.е. повышению уровня востребованности пожилых на рынке труда будет способствовать гибкость в отношении форм трудовой занятости, а отсутствие гибкости усиливает депривацию.

Востребованность пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений связана и с отраслевой принадлежностью предприятий. Руководители предприятий и организаций, осуществляющие свою деятельность в сферах здравоохранения, торговли и производства, достаточно высоко ценят специалистов пожилого возраста и поддерживают их решение продолжать трудовую деятельность. В сферах образования, строительства и услуг (ЖКХ, туризм и др.) пожилых людей готовы принимать на работу, но их опыт, знания, квалификация не ценятся. Не готовы принимать на работу пожилых людей представители сферы информационных технологий.

Таким образом, ключевыми факторами депривации пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений являются низкий уровень образования, квалификации и профессионального опыта, прежний социально-профессиональный статус на уровне специалиста или служащего, местожительство вдали от областного центра, плохое состояние здоровья, низкий уровень жизни, отсутствие гибкости в вопросах трудоустройства и выборе форм занятости, низкая конкурентоспособность на рынке труда, обусловленная сниженной работоспособностью, скоростью решения поставленных задач, инициативностью, а также личностная незрелость молодых руководителей, до конца не осознающих преимущества работников старшего возраста. Одним из способов противостояния депривации в социально-

трудовой сфере для пожилых людей является выбор и реализация стратегий социального поведения, соответствующих модели активного долголетия, т.е. способствующих росту интегрированности пожилых людей в современный российский социум и улучшению их качества жизни.

Библиографический список

- [1] *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.
- [2] *Авраамова Е., Логинов Д.* Социальное самочувствие и возможности самореализации: расслоение доходных и возрастных групп населения // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25. № 11.
- [3] *Аникин В.А., Тихонова Н.Е.* Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // *Общество и экономика*. 2016. № 1.
- [4] *Антонова В.К.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11. № 2.
- [5] *Бабич Н.С.* Статус типологического метода в эмпирических исследованиях социального неравенства // *Современные исследования социальных проблем*. 2012. № 9.
- [6] *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. 2000. № 3—4.
- [7] *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- [8] *Голенкова З.Т.* Избранные труды. М., 2014.
- [9] *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2-х тт. Т. 2. М., 2016.
- [10] *Григорьева И.А., Парфенова О.А., Петухова И.С.* Занятость и социальное исключение пожилых граждан (обзор европейских конференций) // *Социологические исследования*. 2018. № 5.
- [11] *Григорьева И.А., Петухова И.С.* Сокращение социального исключения лиц пожилого возраста // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21. № 2.
- [12] *Дмитриева А.В.* Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // *Социологический журнал*. 2012. № 2.
- [13] *Елютина М.Э., Болотов Г.И.* Повседневная жизнь пожилой семьи: стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2017. Т. 17. № 1.
- [14] *Елютина М.Э.* Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов, 2017.
- [15] *Ефлова М.Ю.* Социальное исключение депривированных групп в современном обществе // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 1.
- [16] *Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой.* М., 2008.
- [17] *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // *Россия реформирующаяся*. 2018. № 16.
- [18] *Корнилова М.В.* Инновации и риски мониторинга уровня и качества жизни пожилых москвичей: анализ материалов фокус-дискуссии // *Вестник НГУЭУ*. 2017. № 1.
- [19] *Корнилова М.В.* Социальное обслуживание как способ защиты пожилых москвичей от социальных рисков // *Социальная политика и социология*. 2017. Т. 16. № 3.
- [20] *Кошарная Г.Б., Щанина Е.В.* Особенности обучения пожилых людей // *Интеграция образования*. 2013. № 4.

- [21] *Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М., Щеглова Д.К.* Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2015. № 5.
- [22] *Маршалл Т.Х.* Ценностные проблемы welfare-капитализма // *Журнал исследований социальной политики*. 2010. Т. 8. № 4.
- [23] *Москвин Л.Б.* Проблема выравнивания неравенства в современном обществе // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 3.
- [24] *Неваева Д.А., Максимова С.Г.* Социальная эксклюзия пожилых людей (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2016. № 4-2.
- [25] *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO*. 2012. № 16.
- [26] Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#.
- [27] *Седова Н.Н.* Жизненные цели и стратегии россиян: контекст пассионарности // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 2.
- [28] Социальная активность граждан пожилого возраста // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#.
- [29] *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990—1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2009.
- [30] *Тощенко Ж.Т.* Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России // *Социология*. 2014. № 4.
- [31] *Троцук И.В.* Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)? // *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 1.
- [32] *Троцук И.В.* «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2015. Т. 15. № 2.
- [33] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М., 2018.
- [34] *Шмидт В.* Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // *Журнал исследований социальной политики*. 2004. Т. 2. № 4.
- [35] *Щанина Е. В.* Востребованность пожилых людей в трудовой сфере в современных социально-экономических условиях // *Власть*. 2017. Т. 25. № 8.
- [36] *Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* Инклюзивная культура социальных сервисов // *Социологические исследования*. 2015. № 12.
- [37] *Abrams D., Grant P.R.* Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of social change: The political rise of Scottish nationalism // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 51.
- [38] *Burton J.* Conflict: Human Needs Theory. L., 1990.
- [39] *Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D.* The Multi-dimensional Analysis of Social Exclusion. Bristol, 2007.
- [40] *Lokshin M., Yemtsov R.* Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia. Policy Research Working Papers. 2001 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/853331468780963358/pdf/multi0page.pdf>.
- [41] *Mack J., Lansley S.* Poor Britain. L., 1985.
- [42] *Power A., Wilson W.J.* Social Exclusion and the Future of Cities. L., 2000.
- [43] *Sen A.* Social exclusion: Concept, application and scrutiny // *Social Development Papers*. 2000. № 1.
- [44] *Townsend P.* Deprivation // *Journal of Social Policy*. 1987. Vol. 16. Part 2.

Deprivation factors for the elderly in the social-labor sphere: A regional aspect*

G.B. Kosharnaya, E.V. Shchanina

Penza State University
Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russia
(e-mail: k-galinal@yandex.ru; shchanina@mail.ru)

Abstract. Social deprivation and exclusion of the elderly have become a relevant problem not only for Russia but also for many European countries. The article aims at identifying the risk factors of deprivation of the elderly in the field of social-labor relations based on the theoretical-methodological analysis of the classical sociological theories and works of contemporary Russian and foreign sociologists focusing on the issues of social deprivation. The authors developed a factorial model of deprivation of the elderly in the social-labor sphere, and by combining it with the results of sociological surveys conducted in 2017—2018 in the Penza and Saratov Regions and the Republic of Tatarstan, conducted a comprehensive analysis of the deprivation factors of the elderly in the labor sphere. The article emphasizes that the elderly form a heterogeneous social group: some of them are an object of social policy, protection and welfare system, while others are an active subject of social interactions. The deprivation of the elderly depends on external and personal factors that can be of objective or subjective character. Based on the data of empirical studies, the article reveals the most significant depriving factors for the elderly in the social-labor sphere: age, education, residence, professional status before retirement, self-assessment of health and standards of living, perception of one's demand in the labor market, and the demand for the elderly in the labor market from the employers' perspective. The results of the surveys allowed to identify areas of employment with the highest demand for the elderly — health care, trade and production, while the sphere of information technologies is closed for them. In general the choice and implementation of behavior strategies corresponding to the model of active longevity contribute to overcoming the deprivation factors.

Key words: elderly people; deprivation factors; labor market; demand in the labor market; social-labor activity of the elderly; employment of pensioners

References

- [1] Abrakhamson P. Sotsialnaya eksklyuziya i bednost [Social exclusion and poverty]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2001; 2 (In Russ.).
- [2] Avraamova E., Loginov D. Sotsialnoe samochuvstvie i vozmozhnosti samorealizatsii: rassloenie dokhodnykh i vozrastnykh grupp naseleniya [Social well-being and opportunities for self-realization: Differentiation of income and age groups]. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*. 2018; 25 (11) (In Russ.).
- [3] Anikin V.A., Tikhonova N.E. Bednost i neravenstvo v stranakh BRIKS: rossiyskaya spetsifika [Poverty and inequality in the BRICS countries: The Russian specifics]. *Obshchestvo i Ekonomika*. 2016; 1 (In Russ.).
- [4] Antonova V.K. Kontsepty sotsialnoy inklyuzii i eksklyuzii v globalnom obshchestve: dreyf po sotsialnym institutam, aktoram i praktikam [Concepts of social inclusion and exclusion in the global society: An overview of social institutions, actors and practices]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2013; 11 (2) (In Russ.).
- [5] Babich N.S. Status tipologicheskogo metoda v empiricheskikh issledovaniyakh sotsialnogo neravenstva [The status of typological method in the empirical studies of social inequality]. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2012; 9 (In Russ.).

* © G.B. Kosharnaya, E.V. Shchanina, 2019.

The article was submitted on 24.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

- [6] Borodkin F.M. Sotsialnye eksklyuzii [Social exclusions]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2000; 3/4 (In Russ.).
- [7] Garr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why People Riot]. Saint Petersburg; 2005 (In Russ.).
- [8] Golenkova Z.T. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Moscow; 2014.
- [9] Gorshkov M.K. *Rossiyskoye obshchestvo kak ono est: opyt sotsiologicheskoy diagnostiki* [Russian Society as It Is: Sociological Diagnostics]. Vol. 2. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [10] Grigorieva I.A., Parfenova O.A., Petukhova I.S. Zanyatost i sotsialnoe isklyuchenie pozhilykh grazhdan (obzor evropeyskikh konferentsiy) [Employment and social exclusion of the elderly (a review of European conferences)]. *Sotsiologicheskyye Issledovaniya*. 2018; 5 (In Russ.).
- [11] Grigor'eva I., Petukhova I. Sokrashchenie sotsialnogo isklyucheniya lits pozhilogo vozrasta [Reducing old-age social exclusion]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2018; 21 (2) (In Russ.).
- [12] Sedova N.N. Zhiznennyye tseli i strategii rossiyan: kontekst passionarnosti [Life goals and strategies of Russians: The context of passionarity]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2016; 22 (2) (In Russ.).
- [13] Dmitrieva, A.V. Sotsialnoe vklyuchenie/isklyuchenie kak printsip strukturatsii sovremennogo obshchestva [Social inclusion/exclusion as a structuring principle of the contemporary society]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2012; 2 (In Russ.).
- [14] Elyutina M.E., Bolotov G.I. Povsednevnyaya zhizn pozhiloy semyi: strategiya planirovaniya i zhestkoy ekonomii resursov [Everyday life of the elderly family: A strategy for planning and austerity]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2017; 17 (1) (In Russ.).
- [15] Elyutina M.E. *Sotsialnaya ekzistentsiya starosti: arkhiv mneniy* [Social Essence of Old Age: An Archive of Opinions]. Saratov; 2017 (In Russ.).
- [16] Eflova M.Yu. Sotsialnoe isklyuchenie deprivirovannykh grupp v sovremennom obshchestve [Social exclusion of the deprived groups in the contemporary society]. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*. 2015; 1 (In Russ.).
- [17] *Inklyuziya kak printsip sovremennoy sotsialnoy politiki v sfere obrazovaniya: mekhanizmy realizatsii* [Inclusion as a Principle of Contemporary Social Policy in Education: Implementation Mechanisms]. Pod red. P. Romanova, E. Yarskoy-Smirnovoy. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [18] Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Masshtaby i dinamika sotsialno-ekonomicheskogo neravenstva v sovremennoy Rossii [The scale and dynamics of the social-economic inequality in contemporary Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2018; 16 (In Russ.).
- [19] Kornilova M.V. Innovatsii i riski monitoringa urovnya i kachestva zhizni pozhilykh moskvichey: analiz materialov fokus-diskussii [Innovations and risks of the monitoring of the elderly Muscovites level and quality of life: Analysis of focus-discussion]. *Vestnik NGUEU*. 2017; 1 (In Russ.).
- [20] Kornilova M.V. Sotsialnoe obsluzhivanie kak sposob zashchity pozhilykh moskvichey ot sotsialnykh riskov [Social services as a way of protecting elderly Muscovites against social risks]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2017; 16 (3) (In Russ.).
- [21] Kosharnaya B.B., Shchanina E.V. Osobennosti obucheniya pozhilykh lyudey [Peculiarities of the education for the elderly]. *Integratsiya Obrazovaniya*. 2013; 4 (In Russ.).
- [22] Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimova M.M., Shcheglova D.K. Sotsialnaya eksklyuziya lits starshikh vozrastnykh grupp: sotsialno-ekonomicheskie aspekty [Social exclusion of the elderly groups: Social-economic aspects]. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*. 2015; 5 (In Russ.).
- [23] Marshall T.H. Tsennostnyye problemy welfare-kapitalizma [Value problems of the welfare capitalism]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2010; 8 (4) (In Russ.).
- [24] Moskvina L.B. Problema vyravnivaniya neravenstva v sovremennom obshchestve [The problem of eliminating inequality in the contemporary society]. *Sotsialno-Gumanitarnyye Znaniya*. 2015; 3 (In Russ.).

- [25] Nevaeva D.A., Maksimova S.G. Sotsialnaya eksklyuziya pozhilykh lyudey (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy v Altayskom krae) [Social exclusion of the elderly (based on the sociological studies in the Altai Region)]. *Sotsialnaya Integratsiya i Razvitie Etnokultur v Evraziyskom Prostranstve*. 2016; 4-2 (In Russ.).
- [26] Ovcharova L.N. Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical-methodological issues of defining and measuring poverty]. *SPERO*. 2012; 16 (In Russ.).
- [27] Pokazateli, kharakterizuyushchie zanyatost naseleniya v vozraste starshe trudosposobnogo, po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii [Indicators of the employment of the population older than the able-bodied, by subjects of the Russian Federation]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (In Russ.).
- [28] Sotsialnaya aktivnost grazhdan pozhilogo vozrasta [Social activity of the elderly]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (In Russ.).
- [29] Tilly Ch. *Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990—1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, A.D. 990—1992 book]. Per. s angl. T.B. Menskoy. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [30] Toshchenko Zh.T. Trauma i antinomiya — novye cherty obshchestvennogo soznaniya i povedeniya v sovremennoy Rossii [Trauma and antinomy — new features of public consciousness and behavior in contemporary Russia]. *Sotsiologiya*. 2014; 4 (In Russ.).
- [31] Trotsuk I.V. Skolko geograficheskogo voobrazheniya nuzhno sotsialnoy gerontologii (i zachem)? [How much geographical imagination does social gerontology need (and why)?]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2019; 31 (1) (In Russ.).
- [32] Trotsuk I.V. “Umolchaniya” pokolencheskogo analiza: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe znachenie vozrasta [“White spots” of the generational analysis: Objective and subjective meaning of the age]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (2) (In Russ.).
- [33] Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Per. s angl. A. Bashkirova. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [34] Shmidt V. Mezhdistsiplinary podkhod k probleme sotsialnoy eksklyuzii [An interdisciplinary approach to social exclusion]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2004; 2 (4) (In Russ.).
- [35] Shchanina E.V. Vostrebovannost pozhilykh lyudey v trudovoy sfere v sovremennykh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh [The demand for the elderly in the labor sphere in the current social-economic conditions]. *Vlast*. 2017; 25 (8) (In Russ.).
- [36] Yarskaya V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. Inklyuzivnaya kultura sotsialnykh servisov [Inclusive nature of social services]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12 (In Russ.).
- [37] Abrams D., Grant P.R. Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of social change: The political rise of Scottish nationalism. *British Journal of Social Psychology*. 2011; 51.
- [38] Burton J. *Conflict: Human Needs Theory*. London; 1990.
- [39] Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D. *The Multi-Dimensional Analysis of Social Exclusion*. Bristol; 2007.
- [40] Lokshin M., Yemtsov R. *Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia*. Policy Research Working Papers. 2001. <http://documents.worldbank.org/curated/en/853331468780963358/pdf/multi0page.pdf>.
- [41] Mack J., Lansley S. *Poor Britain*. London; 1985.
- [42] Power A., Wilson W.J. *Social Exclusion and the Future of Cities*. London; 2000.
- [43] Sen A. Social exclusion: Concept, application and scrutiny. *Social Development Papers*. 2000; 1.
- [44] Townsend P. Deprivation. *Journal of Social Policy*. 1987; 16 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502

Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе*

Д.В. Зайцев¹, И.Ю. Суркова², Ю.В. Селиванова³

¹Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
ул. Политехническая, 77, Саратов, Россия, 410054

²Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Соборная, 23/25, Саратов, Россия, 410031

³Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, Россия, 410600

(e-mail: dvzsaratov@mail.ru; irina_surkova@mail.ru;
juliaselivanova@mail.ru)

В статье представлены результаты регионального социологического исследования параметров социально-экономического благополучия в Поволжском регионе. Категория благополучия включает параметры социальной удовлетворенности, доверия, напряженности и безопасности. Социальное благополучие отражает эффективность функционирования социальной системы, ее качество, компетенции власти в развитии социально-экономических процессов, создании социально-чувствительной (доступной, учитывающей интересы, комфортной) среды жизнедеятельности граждан. В ходе исследования были установлены зависимости между социально-экономическим благополучием и занятостью, материальным статусом граждан и динамикой миграционных процессов; эмпирически доказан низкий уровень вероятности конфликтов на этнической или религиозной основе в Поволжском регионе, высокая степень ощущения социального благополучия у молодежи, средняя — у представителей иных возрастных групп. На уровень этноконфессиональной напряженности влияет возраст респондентов: треть молодежи и граждан «активного трудового возраста» больше обеспокоены криминогенной обстановкой и конфликтами на национальной и религиозной почве, чем «пенсионеры». Трудоспособное население Поволжского региона с тревогой относится к собственному профессиональному благополучию, воспринимая мигрантов как конкурентов: в ряде случаев увеличение доли мигрантов способствует повышению конфликтности межэтнического взаимодействия. С повышением образовательного уровня степень социального доверия повышается, что позитивно для формирования толерантного отношения к окружающим. В целом по региону причин для опасений по поводу развития этнических конфликтов пока не наблюдается. Полиэтничность российского общества объясняет относительно высокую степень толерантности к приезжим, несмотря на множество риск-моментов.

Ключевые слова: социальное благополучие; социальное неравенство; регион; социально-экономическая ситуация; социальное доверие; социальная напряженность; социальная сплоченность

* © Зайцев Д.В., Суркова И.Ю., Селиванова Ю.В., 2019.

Исследование выполнено при поддержке РФФ. Проект № 18-18-00321.

Статья поступила 11.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Социальная политика государства, в идеале являющегося гарантом безопасности жизнедеятельности граждан, призвана регулировать уровень социально-экономического благополучия, качества жизни, минимизировать социальную напряженность за счет нормотворческой деятельности, реализации национальных проектов и программ, стандартизации и унификации социальных услуг. С одной стороны, благополучие можно представить через равенство прав и возможность самовыражения, в том числе полноценного участия в жизни социума [12. С. 42], с другой стороны — через реальные показатели социально-экономического развития [10. С. 18]. При этом социальное благополучие определяется не только экзогенными, но и, в первую очередь, эндогенными факторами, так как во многом это субъективная оценка степени удовлетворения потребностей человека и социальной группы. Благополучие выступает сегодня своеобразным маркером индивидуальной, групповой и общественной удовлетворенности и успешности [7. С. 20; 9. С. 138; 14. Р. 52], а также эффективности власти и реализации мероприятий социальной политики государства.

Социальное благополучие характеризуется комплексом общепризнанных показателей, например, системой индексов бедности и индикаторов благосостояния, в которую входят устойчивость развития, безопасность (защищенность), политические права людей и состояние экологии [6. С. 428]. Однако все эти показатели составляют основу самооценки уровня и качества жизнедеятельности (объективного и субъективного). Каждый человек интерпретирует свое положение в социальной структуре с учетом комплекса взаимосвязанных параметров, совокупность которых и уровень реализации позволяют определить степень благополучия личности. К таким параметрам, прежде всего, относится экономический статус (размер дохода, условия проживания, владение имуществом), психофизический статус (здоровье, безопасность, установки, верования, убеждения), социальный статус (специфика экосистемы, социальные отношения, социальная активность, роли, компетенции, карьера) [5. С. 12]. В целом показатели субъективного благополучия ориентированы на удовлетворенность жизнью, работой, материальным положением, могут отражать уровень счастья, стресса и одиночества, степень депривации [3. С. 97]. Все они интегрированы, наравне с иными переменными, в индекс человеческого развития как показатель социального развития, репрезентирующий степень благополучия стран. Этот индекс интегрально отражает уровень материального благосостояния (валовый внутренний продукт в перерасчете на душу населения), демографическую ситуацию (ожидаемая продолжительность жизни), уровень образования (рассчитывается на основе показателей грамотности населения и средней продолжительности обучения). Данные показатели не информативны по отдельности и представляют картину благополучия или неблагополучия социальной системы лишь в совокупности [13. Р. 3; 1. С. 73].

Индикаторы социального благополучия взаимосвязаны с критериями социальной напряженности как отражением низкого уровня безопасности. Деструктивная характеристика социальной напряженности была дана многими российскими учеными, которые трактовали ее и как массовый адаптационный синдром, отражающий степень адаптации населения к фрустрации и социальным трудностям (А.Н. Сухов), и как индикатор социального конфликта, характеризующегося недо-

статочной маркированностью противостояния (В.О. Руковишников), и как результат длительного давления природной или социальной среды (А.В. Дмитриев) [4. С. 57]. Деструктивные проявления социальной напряженности зачастую связаны не только с уровнем социального благополучия, но и с процессами глобализации и военно-политическими угрозами, активизировавшими процессы миграции. Социальное благополучие противопоставляется социальной напряженности, один из векторов которой — проблема этноконфессиональности.

В 2018—2019 годы авторским коллективом был проведен социологический опрос методом анкетирования для выявления основных показателей социального благополучия и уровня социальной напряженности в Поволжском регионе. Исследование носит региональный характер и проведено в границах Саратовской области (в административных центрах). В выборку попали следующие муниципальные районы: Александрово-Гайский (12 465 жителей), Краснокутский (27 426), Марковский (49 609), Новоузенский (24 273), Питерский (13 141), Ровенский (13 766), Советский (21 920), Федоровский (16 122), Энгельсский (215 894), город Саратов (844 858). Выборочная совокупность составляет 1560 человек (ошибка — 2,54%). Объем выборки разбивался пропорционально численности населения с ориентацией на Саратов как административный центр с допустимыми отклонениями $\pm 5\%$. Дизайн выборки представлен следующими показателями: Александрово-Гайский район (127), Краснокутский (143), Марковский (139), Новоузенский (148), Питерский (114), Ровенский (130), Советский (116), Федоровский (109), Энгельсский (233) и Саратов (301).

В связи с особенностями объема выборочных совокупностей население было разделено на четыре когорты: «молодежь» 18—30 лет — группа, которая продолжает обучение или получила профессиональное образование и уже присутствует (могла бы быть представлена) на рынке труда (32%); «люди в активном трудовом возрасте» 31—45 лет — как правило, работающее население, имеющее семью и детей, сложившийся жизненный уклад (27%); «представители старшего трудоспособного и предпенсионного возраста» 46—54 лет (24%); «пенсионеры» старше 55—60 лет (17%). Незначительный перекоп в выборке объясняется целью исследования — изучение общественного мнения активного трудоспособного населения относительно социальной обстановки.

Оценка ситуации в Саратовской области во многом обусловлена уровнем социального благополучия, ощущением тревожности и частотой конфликтов, а также этноконфессиональной толерантностью. Факторы, как независимые влияющие на эту оценку величины, выстраивались, исходя из суждений респондентов, на четырехбалльной шкале: от полного согласия (1) до полного несогласия (4). Все сомнения опрошенных, отраженные в категории «затрудняюсь ответить», заменялись средними значениями соответствующих переменных, что позволило максимально сохранить единицы наблюдения. Для наглядности матрицы компонент не выводились коэффициенты с низкими значениями (менее 0,4), что помогло показать распределение переменных по факторам.

Опрашиваемым предлагалось оценить социальную обстановку в пункте проживания. Применяя метод варимакса, мы определили комплекс из трех факторов,

объясняющих 49% суммарной дисперсии: первый фактор объясняет 21% суммарной дисперсии, второй — 18%, третий — 10%. Анализ матрицы показал, что первый фактор, условно обозначаемый как «социальное благополучие», включает комплекс показателей: высокий уровень жизни в населенном пункте; взаимопомощь и взаимовыручка земляков; заинтересованность местной власти в решении проблем жителей; соблюдение прав человека и закона; развитие экономики и предпринимательства. В целом результаты исследования демонстрируют позитивное отношение респондентов к социальным условиям проживания в населенном пункте, благожелательные соседские интеракции, выполнение своих обязанностей властью, которая помогает решать проблемы населения, соблюдает закон, обеспечивает чувство безопасности и развивает экономику.

Второй фактор — «этноконфессиональная напряженность» — представлен высоким уровнем конфликтности по отношению к людям иной этнической принадлежности или религии, опасениями жителей Саратовской области по поводу мигрантов и иностранных рабочих, криминогенной и тревожной обстановки в области. Респонденты обеспокоены включением мигрантов в принимающее сообщество, которая опосредованно может спровоцировать межэтнические и межконфессиональные конфликты. Этому способствует криминогенная обстановка в районе, обусловленная ростом числа жителей с наркотической и алкогольной зависимостями, девиантным и/или делинквентным поведением. В статистике МВД России зафиксирован рост преступлений в Саратовской области [11] (второе место после Калининградской области по показателям зарегистрированных преступлений). Статистические данные не фиксируют этническую принадлежность основных акторов криминальных ситуаций, однако высокая криминогенность создает угрозу социальной безопасности в регионе и неблагоприятный социально-психологический фон для межэтнических взаимодействий.

Третий фактор — «социальное доверие» — сосредоточен на доверии к людям только сходной с респондентами национальности и религии. Соответственно, данный фактор фактически объединяет только два суждения о религиозном и этническом признании и косвенно свидетельствует о возможных нетолерантных взглядах (табл. 1).

Таблица 1

**Факторные нагрузки критериев оценки социального благополучия
в Саратовской области**

Критерии	Компонента		
	1	2	3
Уровень жизни людей в населенном пункте, в котором Вы живете, высокий	,609		
Обстановка в том месте, где Вы живете опасная, тревожная, криминогенная		,423	
Жители Вашего населенного пункта решают общественные проблемы сообща, помогают друг другу	,641		
Власть города/села помогает в решении Ваших личных проблем	,751		
В Вашем городе/селе соблюдаются права человека и закон	,693		
Единственная религия, которую вы признаете — Ваша религия			,829
Вы доверяете людям только Вашей национальности			,711
В Вашем городе/селе возникают конфликты на национальной почве		,875	
В Вашем городе/селе возникают конфликты на религиозной почве		,855	
Мигранты/иностранцы вызывают опасения у Вас и ваших близких		,539	
В Вашем городе/селе развивается экономика, предпринимательство	,648		

Согласно результатам опроса высокую степень социального благополучия ощущает каждый второй представитель молодежи (51%), тогда как для остальных возрастных категорий это не характерно. Позитивный взгляд на мир можно объяснить тем, что молодые люди, которые только начали свой профессиональный путь с азав освоения профессии в учреждениях среднего специального и высшего образования, не вполне адекватно оценивают реальность, поскольку большинство их проблем решалось родителями, близкими родственниками или друзьями семьи. Предсказуемыми оказались результаты, полученные при установлении связей между фактором социального благополучия и материальным положением семьи: большинство респондентов, позитивно оценивающих свою жизнь в Саратовской области (43%), имеют достаточно средств на относительно обеспеченную жизнь с возможностью дорогих покупок, в отличие от тех, кому приходится отказывать себе даже в покупке необходимых продуктов питания или лекарств. Среди последних 34% респондентов оценивают условия проживания (по выделенным критериям) как очень плохие, а 30% — как плохие. Соответственно, эта группа пессимистично настроена, считая уровень жизни окружающих их людей низким. Не все жители помогают друг другу в решении проблем, что характерно и для местной власти. Полученные эмпирические данные отчасти подтверждают результаты исследований в Челябинской области [2].

Интересным оказалось распределение ответов по районам Саратовской области. Так, позитивно оценивают условия проживания респонденты из Ровенского района (45%), Федоровского (36%), Краснокутского (33%) и Марковского (34%), тогда как среди жителей Новоузенского (9%) и Энгельсского (13%) районов оптимистов мало. Критично относятся к жизни в своем населенном пункте жители Новоузенска (25%), Энгельса (29%) и Саратова (28%), а также Питерского района (30%).

На фактор этноконфессиональной напряженности влияет возраст респондентов. Молодежь (35%) и люди в активном трудовом возрасте (31%) больше обеспокоены криминогенной обстановкой в районе и конфликтами на национальной и религиозной почве, чем пенсионеры (10%) и представители старшего трудоспособного и предпенсионного возраста (16%). Это можно объяснить тем, что интеграция мигрантов в принимающем сообществе так или иначе касается освоения ими рынка труда, и местное трудоспособное население с тревогой относится к собственному профессиональному благополучию, воспринимая мигрантов как конкурентов, особенно учитывая, что в среднем в Саратовскую область прибывает до 20 тысяч мигрантов ежегодно. Увеличение доли мигрантов в ряде случаев способствовало повышению конфликтности межэтнического взаимодействия, что затрагивало, в первую очередь, молодое поколение, характеризующееся неустойчивым положением на рынке труда. Полученные данные согласуются с результатами других социологических исследований, например, что на третьем месте в иерархии страхов современной молодежи находятся страхи экономического характера (от 21% до 27%), т.е. безработицы, бедности, вынужденного трудоустройства на низкооплачиваемую работу [8. С. 294].

Материальное положение также по ряду позиций связано со вторым фактором: сильная тревожность наблюдается у людей, не ограниченных в средствах (49%), а самая слабая — у тех респондентов (32%), кому приходится экономить на всем, даже на еде и лекарствах. Получается, что чем выше самооценка материального достатка, тем выше обеспокоенность своим благополучием, на которое могут повлиять сложная (в том числе криминогенная) ситуация в регионе и различного рода конфликты, прежде всего, на религиозной и национальной почве. Кстати, приверженцы ислама в меньшей степени обеспокоены проблемами межнациональных отношений (60%), чем православные христиане, для которых фактор этноконфессиональной тревожности значим (53%), что можно объяснить большим притоком мигрантов из мусульманских стран.

Фактор социального доверия связан с уровнем образования респондентов: доверяют людям только своей национальности и признают только собственную религию в большей степени люди со средним образованием (31%). С повышением образовательного уровня значимость данного фактора уменьшается: среднее техническое (специальное) образование — 28%, высшее (неоконченное высшее) — 22%, т.е. образовательный уровень определяет формирование толерантного отношения к окружающим. Кроме того, наблюдается превалирование третьего фактора у лиц старше 60 лет и его слабая выраженность у молодежи: представителям первой группы (31%) сложно довериться людям из других религиозных или этнических пространств, у молодежи все наоборот (61%). Фактор «социальное доверие» имеет максимальное значение для жителей Ровенского района (46%) и Марковского (42%) и очень слабое значение — для Новоузенского (37%) и Советского (39%), что, по всей вероятности, связано с внутренней политикой данных административных образований.

Результаты опроса демонстрируют зависимость уровня социального доверия от динамики миграционных процессов в населенном пункте. Степень доверия жителей принимающего сообщества к мигрантам, а также ценностная позиция в отношении представителей других этнических групп выступает одним из важных механизмов поддержания социального консенсуса в межэтнических и межрелигиозных вопросах. Почти половина респондентов (46%) отмечает увеличение числа иностранцев, которые остаются на постоянное жительство в муниципальном районе, что подтверждает его социокультурную, экономическую привлекательность. Немногим более половины респондентов Ровенского района отмечает динамичность миграционного притока в последние год—два. В Краснокутском и Советском районах с данным утверждением согласны более трети жителей. В таких территориально удаленных районах, как Александрово-Гайский, Новоузенский и Федоровский, доля абсолютно согласных с тем, что на территории стало больше иностранцев, колеблется от 10% до 14%.

Доверие выступает индикатором баланса социальных отношений этнических групп. Почти половина опрошенных (46%) высказывает доверие к представителям иных этнических групп, 27% — недоверие. Высокую степень толерантности и принятия этнического другого демонстрируют жители Степного (82%), Новоузенска (59%), Питерки (52%) и Красного Кута (50%). Доли жителей других районов варьируют от 33% до 43%. На наличие этнического конфликта в населенном

пункте указывает в среднем 14% жителей. Наиболее сложная ситуация отмечается в Краснокутском районе (26%), Ровенском (19%) и Саратове (17%), где возрастает иммиграционный поток. Однако в целом по региону поводов для опасений в отношении этнических конфликтов не наблюдается. Каждый четвертый житель (26%) скорее не согласен с утверждением, что в ближайший год проблема межнациональных отношений может обостриться; 31% категорически с этим не согласны; затруднились дать оценку текущей ситуации — 27% респондентов. Религия как фактор социального дисбаланса респондентами не воспринимается (49% не считают ее источником конфликтов).

Полученные эмпирические данные демонстрируют незначительную динамику по сравнению с результатами исследования социально-политической ситуации в Саратовской области, проведенного в 2016 году Социологическим центром Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (научный руководитель — В.Н. Ярская). Различия в данных укладываются в статистическую погрешность, что свидетельствует о стабильной социальной ситуации в Поволжском регионе.

Библиографический список

- [1] *Гареева З.К., Билалова Л.М., Иванова О.М., Черникова Т.А.* Современные теории социального благополучия. М., 2016.
- [2] *Голиков А.А., Гордеев С.С., Даванков А.Ю., Козлов В.Н.* Концептуальные основы динамики благополучия населения в регионе. Челябинск, 2009.
- [3] *Карабчук Т.С., Сальникова Д.В.* Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. № 5.
- [4] *Киселев В.И.* Социальная напряженность как социально-философская категория // Известия РГПУ А.И. Герцена. 2013. № 160.
- [5] *Костина Е.Ю.* Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // *Universum: Общественные науки*. 2015. № 6.
- [6] *Маренкова Е.В.* Определение основных показателей благополучия на основе международных практик // Экономика России в XXI веке. Томск, 2015.
- [7] *Мерзлякова И.В.* Социальное благополучие: теоретико-методологический анализ // Сибирский социологический вестник. 2006. № 1.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [9] *Петровская Ю.А.* Факторы социального благополучия как научная проблема // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2014. № 4.
- [10] *Попов Е.А.* Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2. С. 16—23.
- [11] Состояние преступности в России за январь—декабрь 2018 года // <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202018.pdf>.
- [12] *Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н.* Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4.
- [13] *Mahbub ul Inaugural, Sen A.* Advancing, Sustaining Human Progress: From Concepts to Policies: Human Development Report. N.Y., 2010.
- [14] *Caplan B.* Against the Human Development Index // The Library of Economics and Liberty. May 22, 2009.

Social-economic well-being and social tension in the Volga Region*

D.V. Zaitsev¹, I.Yu. Surkova², Yu.V. Selivanova³

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Politechnicheskaya St., 77, Saratov, Russia, 410015

²Petr Stolypin Povolzhsky Institute of Management —
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Sobornaya St., 23/25, Saratov, Russia, 410031

³Nikolay Chernyshevsky National Research State University of Saratov
Astrachanskaya St., 83, Saratov, Russia, 410600

(e-mail: dvzsaratov@mail.ru; irina_surkova@mail.ru; juliaselivanova@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the regional sociological study of the parameters of the social-economic well-being in the Volga Region. The well-being category consists of social satisfaction, trust, tension and security. Social well-being reflects the efficiency of the social system, its quality, the authorities' competence in the development of social-economic processes and of a socially sensitive (accessible, comfortable) social environment. The study identified connections between social-economic well-being and employment, financial situation and the dynamics of migration; and empirically proved the low likelihood of ethnic or religious conflicts in the region, the high level of social well-being as mentioned by the younger generations and the average one among other age groups. The level of ethnic and confessional tension is influenced by the age of the respondents: a third of the younger generations and of the working age are more concerned with the criminal situation and with conflicts on national and religious grounds than pensioners. The able-bodied population of the Volga Region is concerned about their professional well-being due to perceiving migrants as competitors: in some cases, an increase in the share of migrants contributes to conflicts in the interethnic interaction. With an increase in the educational level the degree of social trust increases, which is a positive factor for the tolerant attitude towards others. In general, there are no reasons for concerns about ethnic conflicts in the region. The multi-ethnicity of the Russian society explains the relatively high tolerance to migrants despite many risk factors.

Key words: social well-being; social inequality; region; social-economic situation; social trust; social tension; social cohesion

References

- [1] Gareeva Z.K., Bilalova L.M., Ivanova O.M., Chernikova T.A. *Sovremennye teorii sotsialnogo blagopoluchiya* [Contemporary Theories of Social Well-Being]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [2] Golikov A.A., Gordeev S.S., Davankov A.Yu., Kozlov V.N. *Kontseptualnye osnovy dinamiki blagopoluchiya naseleniya v regione* [Conceptual Bases of the Population Well-Being Dynamics in the Region]. Chelyabinsk; 2009 (In Russ.).
- [3] Karabchuk T.S., Salnikova D.V. *Obiektivnoe i subiektivnoe blagopoluchie: opyt sravnitel'nogo analiza stran Tsentralnoj Azii, Rossii i Belarusi* [Objective and subjective well-being: A comparative analysis of the countries of Central Asia, Russia and Belarus]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2016; 5 (In Russ.).

* © D.V. Zaitsev, I.Yu. Surkova, Yu.V. Selivanova, 2019.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00321.

The article was submitted on 11.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

- [4] Kiselev V.I. Sotsialnaya napryazhennost kak sotsialno-filosofskaya kategoriya [Social tension as a social-philosophical category]. *Izvestiya Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni A. Gertsena*. 2013; 160 (In Russ.).
- [5] Kostina E.Yu. Sotsialnoe blagopoluchie i sotsialnaya bezopasnost v usloviyah globalizatsii sovremennogo obshchestva [Social well-being and social security under the globalization of the contemporary society]. *Universum: Obshchestvennye Nauki*. 2015; 6 (In Russ.).
- [6] Marenkova E.V. Opredelenie osnovnykh pokazatelej blagopoluchiya na osnove mezhdunarodnykh praktik [Defining key indicators of well-being based on international practices]. *Ekonomika Rossii v XXI veke*. Tomsk; 2015 (In Russ.).
- [7] Merzlyakova I.V. Sotsialnoe blagopoluchie: teoretiko-metodologicheskyy analiz [Social well-being: A theoretical-methodological analysis]. *Sibirsky Sociologicheskyy Vestnik*. 2006; 1 (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazahstana i Chekhii): sravnitelnyj analiz strahov, nadezhd i opasenij [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [9] Petrovskaya Yu.A. Faktory sotsialnogo blagopoluchiya kak nauchnaya problema [Factors of social well-being as a scientific problem]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. Lobachevskogo*. 2014; 4 (In Russ.).
- [10] Popov E.A. Sotsialnoe blagopoluchie cheloveka v nauchnom diskurse [Social well-being in the scientific discourse]. *Sotsiologiya v Sovremennom Mire: Nauka, Obrazovanie, Tvorchestvo*. 2010; 2 (In Russ.).
- [11] Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2018 goda [The state of crime in Russia in January-December 2018]. <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ezhemesyachnyj%20sbornik%20dekabr'%202018.pdf> (In Russ.).
- [12] Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. Sotsialnaya splochnennost: napravleniya teoreticheskoy diskussii i perspektivy sotsialnoj politiki [Social cohesion: Directions of theoretical discussion and prospects for social policy]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2014; 4 (In Russ.).
- [13] Mahhub ul Inaugural, Sen A. Advancing, Sustaining Human Progress: From Concepts to Policies: Human Development Report. New York; 2010.
- [14] Caplan B. Against the Human Development Index. *The Library of Economics and Liberty*. 2009; 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-503-516

The Oromo national memories*

A. Kumsa

Škoda Auto University
Na Karmeli 1457, Mladá Boleslav, 293 01, Czech Republic
(e-mail: alemayehu.kumsa@is.savs.cz)

Abstract. The author defines nation as a territorial community of nativity and attributes significance to the biological fact of birth into the historically evolving territorial structure of the cultural community of nation, which allows to consider nation as a form of kinship. Nation differs from other territorial communities such as tribe, city-state or various ‘ethnic groups’ not just by the greater extent of its territory, but also by a relatively uniform culture that provides stability over time [22. P. 7]. According to the historical-linguistic comparative studies, “in terms of the history of mankind it is incontrovertible that some of the earliest and greatest human achievements have been accomplished in civilizations founded and headed by Afro-Asiatic peoples” [28. P. 74]. The Oromo people is one of the oldest nations in the world with its own territory (Oromia) and language (*Afaan Oromoo*). The Oromo possess a common political culture (*Gadaa* democracy) and pursue one national-political goal of independence to get rid of the Abyssinian colonialism. Oromo national memories consist of memories of independence and national heroism, memories of the long war against expansionist Abyssinian warlords and the Abyssinian invasion of the Oromo land in the 19th century with the new firearms received from the African co-colonizing Western European powers, and these weapons were used not only to conquer the Oromo land but to cut the Oromo population in half. The Oromo nation consider the colonization of their country, loss of their independence, and existence under the brutal colonial rule of Abyssinia to be the worst humiliation period in their national history. The article consists of two parts. In the first part, the author considers the theoretical background of such concepts as nation, national memory, conquest humiliation, and some colonial pejorative terms still used by colonial-minded writers (like tribe and ethnic groups). In the second part, the author describes the Oromo national political and social memories during their long history as an independent nation from the Middle-Ages to the last quarter of the 19th century; presents ‘the Oromo question’ through the prism of the global history of colonization, occupation of their territory, slavery, and the colonial humiliation of the Oromo nation by the most cruel and oppressive Abyssinian colonial system; presents the two last regimes of the Abyssinian system and the final phase of the Oromo National Movement for sovereignty, dignity, and peace, which contributed greatly to the stability in the Horn of Africa.

Key words: memory; nation; Oromo; national memories; identity; colonialism

Theoretical foundations of the study of the Oromo national memory

According to Voltaire, “if you wish to converse — define your terms!” [29. P. 3]. In any intellectual undertaking we certainly need to clearly explain the basic terms, and in this work, these are ‘tribes’, ‘ethnic groups’, ‘nation’ and ‘nationalism’.

* © A. Kumsa, 2019.

The author thanks Dr. Tesema Taye, Obbo Zelealem Aberra and Obbo Imiru Itana for their help with the article.

The article was submitted on 20.11.2018. The article was accepted on 28.02.2019.

The origins of peoples' inequality are imbedded in the European philosophy. The founding father of this non-scientific and inhuman idea was the French pseudo-philosopher Gobineau, who in his *Essay on the Inequality of the Human Races* claims that biologically human beings are divided into three “great and clearly marked types, the blacks, the yellows, and the white” [4. P. 137]. White people led by Aryans are considered the superior race, while the yellow and black — inferior to these groups: “The question is ultimately concerned with the infinite capacity for improvement possessed by the species as a whole, and with the equality of races. I deny both points” [4. P. 116]. Moreover, “the Negroid variety is the lowest and stands at the foot of the ladder” [4. P. 134]. Genetic theory proved him wrong for all human beings are equal, originated in East Africa and migrated to other parts of the world [12. P. 21]. History also proved him wrong from the perspective that the white high civilization's characteristics are “sociability, and the hatred of violence — in other words the demand that the head, not the fists shall be used for self-defence” [4. P. 91].

History tells us completely different facts about ‘white’ civilization, which brought the worst genocide to indigenous American people, brought death to Australian indigenous people and Africans — particularly Belgian Congo and German West Africa (Namibia) — by killing peoples to colonize their territories. Similar to Gobineau's racist ideology, in the Abyssinian ideology humanity is divided into three groups: the whites on the top, the yellows (Asians) in the middle, and the blacks at the foot of the hierarchy. According to the Abyssinian ideology, the Oromo are evil-spirited robbers, outlaws, and thieves.

The first ideology of dehumanizing the Oromo comes from a book *History of the Galla, Vision of King Lebna Dengel and the Invasion of Grañ*. The book was said to be originally written by a grandson of Azzaž Marqorewos, who was the *Sahafi te'ezaz* (clerk) of Ase Zar'a Ya'eqob (1434—1468). According to the Abyssinian ruling group's mythology, the Oromo came into being from a starving woman who entered the service of Lalo (a man) so that he would provide her with milk. He took her for his wife, and she gave birth to seven children. As these children grew up, they became thieves, outlaws, and robbers. Lalo was alarmed by the wrath of his master and took his children to a sorcerer *Gabato* in *Kataba*, who used to call the devil *Wagleya*. Lalo asked *Gabato* how he and his children could escape from Azmač Endreyas. The sorcerer called up the devil, and he told to say “*Waqqa Wagleya, dufe, dufe, kot, kot*” if Azmač Endreyas came. Lalo believed all that he was told and did all that was commanded; thus, he worshiped the devil. Lalo was instructed to fight and was assured that he would defeat Azmač Endreyas (regional governor), but he was scared and fled. Lalo's children fought and killed Endreyas at the river Galla, from which their name was derived. Thus, the author of this story presented the Oromo as followers of the devil and children of Lalo, who became thieves, robbers and outlaws, which certainly contrast the image of the Christian Abyssinians.

Another Abyssinian author, Abba Bahrey (1593), starts his essay with: “I began to write a story of Galla to know the number of their clans, their readiness to kill and their animal character” [23. P. 75]. The Orthodox Church in the 1960s excommunicated

the Abyssinians for having sexual intercourse with the Oromo and compared them with animals. Haile Selassie's regional governors threatened the peasants with deportation as if the Oromo were foreign to their own ancestral land. Hajji Robale Ture, the Macha Tulama Self-Help Association leader from Arsi Oromo, when Haile Selassie invited him for a talk, used this chance to ask the Emperor about where the Oromo came from to this country, but the Emperor did not reply. And the most shocking example of humiliation is the second colonial group, the Tigray People's Liberation Front (TPLF) that occupied the Oromia land in May 1991 with tanks, and committed human rights violations against the Oromo and other nations of the south.

The development of national movement can be divided into three periods: Phase A — scholarly interest (historians and lawyers write the history of the oppressed nation); Phase B — patriotic agitation (teachers, journalists, and other educated groups disseminate a written history of the nation); Phase C — national movement becomes mass movement. These phases in the Oromo national movement periodization are: A — to 1962; B — 1962—1991, C from 1991. In 2015, the Oromo national movement became a movement for Oromia independence and national identity. First, the Oromo people are a strong nation with deep-rooted national unity and national consciousness — “an amalgam of feelings, impressions and ways of thinking, which find their expression in the psychological and physical solidarity of the group experiencing them in common” [25. P. 186]. Second, the Oromo moved peacefully from east to west and from north to south, and collectively demanded the national right to rule themselves as the Independent Republic of Oromia. The demonstrators used the Oromo Liberation Front flag as the national flag of resistance against the colonial rule of Abyssinia. Third, another important element of Oromo Gadaa democracy is the role of women who took part in demonstrations and sacrificed their lives for the independence of their nation. The violent reaction of the colonial government of Ethiopia led by the Tigrayan minority group proved the violence of the Abyssinian political elite that became the killer of civilian demonstrators.

The colonial system deformed many concepts of social sciences by defining terms in the metropolitan power differently than in the colonies. Thus, African kings became “chiefs” [16. P. 258], African indigenous democratic societies — stateless [18. P. 5], African governments — primitive [38], African indigenous religions — primitive [15], African peoples — tribes (“group of (primitive) families or communities linked by social, religious or blood ties and usually having a common culture and dialect and a recognized leader”) [1]. However, in colonial powers, there are kings, exceptional democracies and nations. Finally, after many criticisms from the free northern and southern intellectuals, the term ‘tribe’ was taken from the mainstream of social and cultural writings and replaced by ‘non-Euro-American societies’ or ethnicities. In literature, these new words are interchangeable [36. P. 185].

The term ‘ethnicity’ originated from the word ‘ethnic’ derived from the Greek *ethnikos* which originally meant heathen or pagan. The term was used from the mid-14th to the mid-19th century, when it entered the racist theory. In the 20th century, the United States divided people into two unequal groups: people of British descent were

considered superior, and the others, including southern Europeans, Jews and Africans, were viewed as inferior. “In the United States, ‘ethnic’ came to be used around the Second World War as a polite term referring to Jews, Italians, and other people considered inferior to the dominant group of largely British descent” [13. P. 4]. Today, racial identities created by the European pseudophilosophers have been scientifically disproven: our species appeared in East Africa as *Homo Sapiens* more than 60,000 years ago, and immigrated throughout the world [12. P. 21] to reach the farthest point in South America 12,000 years ago. So, we all are Africans [50. P. 19—20].

There are two groups of authors who use pejorative terms: the first know about the lack of biological differences between peoples of the world and understand that we share a common origins from Eastern Africa, but refuse to accept it; thus, they classify Euro-Americans as one group and use other terms for other peoples. The second did not accept the fallacy of the first and use the term which labels them and their people as an inferior group. Achebe rejects this pejorative term and uses the term ‘nation’: “I like it (nation), because, unlike the word tribe, which was given to me (by colonial authors), nation is not loaded or derogatory, and there is really no good reason to continue answering a derogatory name simply because somebody has given it to you” [1. P. 5]. Ehret, an American historian and linguist, asks many fundamental questions, such as: why, during the war between the Igbo nation and the Nigerian Military Government in 1967—1970, more than 10 million Igbos were called tribe in all newspaper articles on the war, while 200,000 Ruthenians (who resided in Slovakia, Poland and Belarus without their own territory) and less than 400,000 citizens of Malta were called nationalities: why Shaka, the famous 19th-century ruler, was called a king of the Zulu ‘tribe’ when he was actually the king of a centralized and military state, etc. Unfortunately, many African intellectuals use these terms, especially the term ‘tribe’, thus, calling their own people a ‘primitive’ community. ‘Primitive’ supposes backwardness and lack of skill and accomplishment; therefore, this term should not be used in the academic discourse.

Another key word is nation: it comes from Latin, in which *natio-* means something born [21. P. 4]. “The nation is a territorial community of nativity. One is born into a nation. The significance attributed to this biological fact of birth into the historically evolving, territorial structure of the cultural community of the nation is why the nation is one among a number of forms of kinship. It differs from other forms of kinship such as the family because of the centrality of territory. It differs from other territorial societies such as a tribe, city-state, or various ‘ethnic groups’ not merely by the greater extent of its territory, but also because of its relatively uniform culture that provides stability, that is, continuation over time” [22. P. 7]. According to Smith, one of the founders of the ethno-symbolic nationalism, nation is “a named human population occupying a historic territory or homeland and sharing common myth, and memories; a mass, public culture; a single economy; and common rights and duties for all members” [48. P. 20]. Wiebe believes that “nationalism is the desire among people who believe they share a common ancestry and a common destiny to live under their own government on land sacred to their history” [53. P. 5].

Thus, Oromo is one of the oldest nations in the world with its own territory and with the common origin based on their genealogy: “Groups in space are related to com-

mon ancestors and their present distribution explained as the result of the movement of brothers away from each other” [35. P. 25]. The Oromo nation, with the same mother tongue and similar worldview, express their identity by three pillars of *Orommumaa* (Oromoness) — Oromo-nation, *Afaan Oromoo* — Oromo language, and *Oromia* — their ancestral territory. The *Qubee* generation (the current generation educated in the Oromo language using Oromo alphabet *Qubee*) use slogans like “Oromia belongs to Oromians, like man without skeleton a nation without its own territory is unthinkable” and “We want to govern ourselves (we want our independent state)”, which brings us to the idea of nationalism as “an ideological movement for the attainment and maintenance of autonomy, unity, and identity on behalf of a population deemed by some of its members to constitute an actual or potential nation” [48. P. 20]; “a doctrine and a movement designed to promote and to safeguard the existence of a nation” [47. P. 3]. According to Masaryk, “a nation which does not struggle for its independent state is not a nation” [41. P. 23]. When you have an independent state, you have freedom to develop all aspects of your national life.

Collective memory is the basis of every national identity. According to Renan, the tragic heritage can be more effective than a triumph: “Suffering in common unifies more than joy does, where national memories are concerned, griefs are more value than triumph, for they impose duties, and require a common effort” [37. P. 50]. These words are no more applicable to the Oromo and other nations that were conquered at the late 19th century by the Abyssinian army led by Menelik II [7. P. 72; 45. P. 73—74], the cruellest invader in the African colonial history. The Horn of Africa had the same fate due to the lack of modern firearms. The violent conflict between the Abyssinian warlords and the Oromo is one of the longest wars in history. At the third phase of their expansion, the Abyssinians refused to recognise their colonization of independent nations on the south of the expanding empire.

Colonialism is domination which implies the subjugation of one people to another. The term comes from Latin *colonus* that means farmer, which reminds that colonialism usually implies the transfer of population to new territories, where people live as permanent settlers as long as they ensure political allegiance to the country of origin. History shows that African, Asian, European and indigenous American civilizations were traditionally of a colonial character, i.e. the strong state declared wars against weak states, defeated and occupied them and settled one’s people on the new occupied territory to rule it. After the occupation of Oromia, Menelik II settled the Abyssinians building military bases that gradually became cities [7. P. 45]. According to the statistical data, the Abyssinian population of several important Oromo localities were: in Ticho — 86%, Goba — 85%, Assala — 80%, and Asebe Teferi — 73%.

The Oromo identify three periods in their history: (1) from the ancient times to the late 19th century — they originated and developed their religion [5; 7; 32; 34] with the northeast African peoples as the first monotheism in the world [12. P. 66; 46]. Freud named three African cultural contributions to the Jewish people — monotheism, circumcision, and a system of writing [19. P. 98]. Circumcision, which Africa contributed to the Jewish culture, originally belonged to Egyptian and Cushitic peoples. There are many other traditions the Jewish people took from northeast African people, for instance,

genealogical trees — the main basis of the Oromo identities (each Oromo can count one's ancestral background to twelve generations), which reminds of the Matthew's book in the New Testament.

Language, according to the theory of national identity, makes 'we' (speakers of the same language) and 'others'. "The first original, and truly natural boundaries of states are beyond doubt their internal boundaries. Those who speak the same language are joined to each other by multitude of invisible bonds by nature herself long before any human art begins; they understand each other and have the power of continuing to make themselves understood more and more clearly; they belong together and are by nature one and inseparable whole" [17. P. 223]. President Nelson Mandela, in his speech after 27 years of imprisonment under the apartheid racist government, commented on the importance of mother tongue: "If you speak in a language they understand, you speak to their head. If you speak in their own language, you speak to their heart" [9. P. 1]. Thus, language is a founding pillar of national identity that unites the first generation of its speakers with all other groups including contemporary and future generations; language keeps all memories of the nation and allows the national culture make people think similarly serving as a "collective programming of the mind" [10. P. 71].

According to Smith, humiliation occurs when people are subjected to the outrageous forced displacement, or exclusion, or both, from the position they rightfully consider their own; and this process is perceived by those who suffer it as a painful and destructive attack on their identity and interests that they cannot prevent or ignore [49. P. 21]. There are three types of humiliation: (1) conquest humiliation — when a person, group, institution or society accustomed to a high degree of relative autonomy is overwhelmed by another person, group, institution or society and forced into subordination (military invasion, feudal vassals, captives turned into slaves, when new recruits into the armed services or police are put through humiliating ritualized practices, etc.); (2) relegation humiliation — when an individual, group, institution or society is forced into a lower position in the existing hierarchy against their will and in a way that contradicts their own perception of their social identity and interests (for instance, at end of World War II the West European superpowers relegated their position and had "been forced to accept the global lordship of the United States" [49. P. 41]; (3) exclusion humiliation — when people are forcefully excluded or ejected from membership within specific groups, hierarchies or networks, to which they believed they had the right to belong (excommunication of heretics by the church, ejection of religious and ethnic minorities from specific territories, etc.). I would add the fourth type — reinforcement humiliation: when those who were humiliated are reminded of their degraded status in the eyes of others (by stereotypical terms).

There are three potential responses to humiliation [49. P. 42]: (1) escape from a humiliating situation (the reborn victim can succeed in establishing a protected place of his own); (2) acceptance of humiliating acts within the relationship while trying to interpret them as non-humiliating; (3) rejection of the humiliating act, person, group, institution or society in the form of passive or active resistance, search for satisfying revenge, or both — to limit the destruction of humiliation and to act in an autonomous and effective way in pursuit of one's objectives.

National memory of the Oromo as a sovereign nation

Linguistic evidence shows that not only the Oromo but also Cushitic and Omotic peoples and all peoples of the Afro-Asiatic language family originated in the heart of the Horn of Africa [11. P. 172], and that the Semitic peoples of Abyssinia migrated from Yemen to this part of Africa. The first stop of these immigrant traders was the African seaport, Adulis, on the south of contemporary Mitsiwa — the land of the Saho of Eastern Cushitic, who still live in region today. The first Yemeni immigrants were the Saho and the Beja of northern Cushitic peoples: “Some of these migrants reached the southern Beja land, where they were assimilated into the local stock, although they imposed elements of their Semitic tongue, which came to be known as Tigre” [24. P. 13].

Ethiopia is a country of Cushite, the Semitic speaking people, and the majority of them are the Beja and Agaw [23. P. 101]. The second colonial phase was the expansion into the Agaw land, they were forced to pay tributes to the Aksumite kingdom but refused and fought to regain independence: “Aksum became the victim of its former tributaries, above all from the Cushitic speaking Agaw kingdom of Damot, which overrun and sacked what remained of the capital city in the 10th century” [44. P. 116]. After destroying their oppressors, the Agaw continued to rebuild their own kingdom using their mother tongue as the official state language, and expanded Christianity to the south and west. But the immigrants, using the church as their ideological weapon, reorganized in the 13th century. The immigrants were headed by the Amhara warlord Yekunno Amlak who overthrew the Zagwe dynasty led by Yitbarek: “the emperor was consistently defeated, finally falling in 1270 in the parish church in Gayint, murdered in front of the altar by Yekuno Amlak, who thereupon proclaimed himself emperor” [40. P. 16].

If we divide the Abyssinian expansion into three phases, the first was their gradual expansion to the territory of the Northern Cushitic Beja and the Eastern Cushitic Saho, and gradually to northern part of the Afar land. In the second phase, the Abyssinians first occupied Agaw land (*Agaw midir*), the Agaw threw the Abyssinian from their land and destroyed Abyssinian kingdom of Aksum but later the Abyssinian returned. The third phase of the Abyssinian expansion to the south was in the Oromo land. After the new Amhara kingdom was established on Agaw land by Yekuno Amlak, the Amhara army was not able to conquer the Oromo nation, so they made alliances. A year after Widim Asferre became king (1299—1314), there were two peoples fighting against the expanding Amhara kingdom: the Muslims (Wallo Oromo and Yifat people) and the Oromo. “During the second year of his reign, when the Galla (Oromo) on one hand and the Muslims on the other continued to rise up and wreaked havoc on them, the king, officials, and the clergy came together and counselled in unity to make peace with Muslims of Yifat (Ifat) and Wello (Wallo) in order to combat only the Galla” [23. P. 187; 27. P. 79].

In the next two centuries, the majority of the Oromo were pushed to the south while some remained under the new domination. Those who refused to accept the Abyssinian conquest moved to the south and, after restructuring their Gadaa system, started to push back the new invaders — the first Oromo anti-colonial war against occupiers of their

ancestral land started in 1522. This war (1522—1602) was led by Oromo Gadaa leaders, namely Gadaa Melba (1522—1530), Mudana Gadaa (1530—1538), Kilole Gadaa (1538—1546), Bifole Gadaa (1546—1554), Michelle Gadaa (1554—1562), Harmufa Gadaa (1562—1570), Robale Gadaa (1570—1578) Birmaji Gadaa (1578—1586) Mullata Gadaa (1586—1594), and Dulo Gadaa (1594—1602) [25. P. 22—27]. It was the longest war in the African pre-colonial era. The Oromo pushed the Abyssinians back to where they came from, and this is a part of the Oromo national memory of heroism.

At the end of the 19th century, the occupation of Oromia and other neighboring nations became a part of the colonization of Africa by West European states. King Menelik II participated in this colonization and negotiated with European leaders to divide the Horn of Africa between himself and others. For example, when he wanted to conquer Harar, he proposed to the Italian King Umberto to occupy Zeila and Barbara [42. P. 56—57]. The Horn of Africa was colonized by Abyssinia like other African nations who were the victims of West European states. But what makes the Abyssinia colonialism exceptional is its brutality — half of the Oromo population was destroyed [6. P. 12]. Independent states to the south of Oromia suffered the most after the Oromo were defeated: “Before 1897 the population of Kaffa... was estimated at about 1 million and at the present is about 800 thousand” [54. P. 15].

One of the official reasons of West European colonization of Africa was to destroy slavery, but the Abyssinians brought slavery to the Oromo land: the Oromo were enslaved and sold as goods in order to depopulate Oromia and to resettle Abyssinians here. “Uncultivated ground gives just as fine a harvest as that which has been sown. Beehives hang from all the high trees near settlements. The honey from this area is celebrated for its strength. The general impression produced by this region is the most delightful: if it is possible to apply the phrase ‘flowing milk and honey’ to any country, then truly this is a country” [6. P. 12]. “Galla lands together with their population belong to the emperor by right of conquest. All Galla are considered obliged to pay rent, and at the present time the same process is beginning which took place in Russia at the time of Boris Godunov — the process of turning people into serfs” [6. P. 84].

Menelik II issued a proclamation that was disseminated by a town crier in the Addis Ababa market on August 20, 1903: “Regarding the Galla slave question. Before now I wrote letters to all districts; proclaimed proclamation and excommunicated; but you still persist in stealing Gallas, and selling them for slaves. But hereafter, whoever I shall find selling Gallas, I shall not only punish him with his property, but I shall also give him a bodily punishment” [45. P. 106]. In August 1907, Menelik issued another law that prohibited to steal and trade human beings: “Whoever is caught in the towns or in the countryside stealing and trading in human beings shall himself be given as a slave to the person who catches him and brings him to me” [45. P. 106]. However, Emperor Menelik II was known as ‘the greatest slave entrepreneur’ who had 70,000 slaves in the early 20th century, and his generals, soldiers and priests were slave owners who depopulated many areas of the empire [2. P. 543—556]. The slave trade and slavery were a part of the Abyssinian political system until the empire was occupied in 1936 by fascist Italy and slavery was outlawed.

After the First World War, the League of Nations was established in 1920 to provide a forum for resolving international disputes. Abyssinia became a member of this organization in 1923. In 1935, the League of Nations sent its delegation on a mission to Abyssinia. The delegation reported of the miseries of the colonized people under the Abyssinian rule. The League of Nations legally recognized that Abyssinia conquered independent political communities, and that the conquered people and their territory were registered and given to Abyssinian families without any payment. “The inhabitants of the conquered country were registered in families by the Abyssinian chiefs, and to every Abyssinian family settled in the country there is assigned one or more families of the conquered as *gabbar*. The *gabbar* family is obliged to support the Abyssinian family, it gives that family its own lands, builds and maintains the hut in which it lives, cultivates the fields, grazes the cattle, and carries out every kind of work and performs all possible services for the Abyssinian family. All this is done without remuneration, merely in the token of perpetual servitude resulting from defeat sustained 30 years ago” [7. P. 507].

The 1960s were a politically dynamic period in the administrative history of the Ethiopian Empire: the military coup in 1960 headed by Mengistu and Gername Neway was not successful because of the United States Embassy’s interference and support of the anti-coup group. But the question brothers Neway raised were fundamental for the empire, such as the land tenure system, lack of education and health care.

Haile Selassie sent Gername to Walaita province as a governor. In that province people were landless and poor but there was a plenty of unused land. Gername distributed uncultivated land among the poor. The Emperor ordered Gername to come to his royal office and “asked why he had interfered with the land tenure-systems. Because I am the Governor, Gername replied, and the people had nothing to eat because they had no land” [21. P. 372]. Haile Selassie got angry and sent him to Jijjiga province with no problem of land tenure, because all the people there were pastoralists. However, Gername strived to improve the living standards of the people by solving the problem of water shortage and by building hospitals, and schools. When his plans were rejected by the ministers, Gername “decided to overthrow not just an Emperor but the whole system of the Ethiopian government” [21. P. 372]. When the first coup failed, a group of officers prepared another one with the manifesto that exposed the key problems of the empire, such as cultural, religious and linguistic oppression. It was not possible to reform a colonial state, only to dismantle it and build new states on the ashes of the colonial empire. The Oromo took that path to rebuilt an independent Oromia.

After the Oromo land was occupied by the Abyssinians at the end of epy 19th century, they reorganized and revolted in many parts of Oromia. The Unified Pan-Oromo National Liberation Movement emerged from the Bale Oromo armed struggle (1963—1970) and the Macha Tulama Association (1963—1967). The statement of General Waaqo Guutu, one of the founders of the Oromo National Movement, and the leader of the Bale Oromo armed struggle against Abyssinian colonialism, declares a call for the Oromo to free themselves from the humiliation of the Abyssinian rule: “When the Amhara occupied our country with the help of European imperialists in 1885—1891, many of our people were massacred. Then the survivors were allotted like slaves to settlers who also partitioned our lands among themselves... Remember that they distorted our historical legacy and violated our dignity by calling us ‘filthy Galla’. Do you realize

how many times you were denied justices in their courts? ...It is today that you can free yourself from the shackles of oppression... rise up and arm yourself to destroy the oppressive rule of Haile Selassie” [31. P. 159]. General Waaqo recalls Oromia as an independent country, points to the Oromo long independent history and how the occupiers reduced the Oromo to inhuman creatures, speaks of all kinds of colonial humiliation of the Oromo as a nation and calls the Oromo to live in a renewed and independent Oromia.

Ali Birra, a talented Oromo resistance singer, reminds his people of their long, heroic historic period of independence under the indigenous Gadaa democracy and calls to renew the period of their heroism in his songs: “Where is the path to Abbaa Gadaa’s abode? / Go and reinforce his temple/ His history I shall sit and record / Even if a sceptre breaks / That of Abba Gadaa won’t break / Unless we deliberately ignore / No one is poor of history’s sake”. Ali Birra calls his people to renovate their cultural heritage, their independent Gadaa democratic system, to return to their pre-colonial period and write their own history.

Macca and Tuulama (Macha Tulama) self-help Association (1963—1967), after struggles with imperial officials, finally was recognized by the government in 1963 as a non-governmental organization. It aims at solving acute social problems; its headquarters is in Finfinnee (Addis Ababa) and expands according to the state administration structure to the districts in the Oromo land. According to founding fathers of the Association, the government did not allow them to use the name of Oromo, and only after the elimination of the monarchy the military government was forced to recognize it officially in the September Revolution of 1974. Macca-Tuulama mobilized millions of the Oromo from all strata and regions of the Oromo land, thus, turning into a pan-Oromo national movement [26. P. 206], contributing to the development of the Oromo National Liberation Movement and confronting the Ethiopian colonial regime.

The history of the Ethiopian government shows its inability to reform and transform due to its colonial nature. In the national struggle for independency, the interaction of individual Oromos, who developed their national identity and rejected colonialism, played a great role. First, the question was about meaning of being an Ethiopian: the poem of Obbo Ibsaa Guutama reveals two identities — the identity of many students, who did not identify themselves with the official identity of Amhara culture — ‘one people, one language and one country’. The Oromo students were the core group of the Ethiopian students’ movement with the slogan ‘Land to the Tiller!’ and national question. The slogan was introduced by two Oromo leaders — Obbo Tesema Negrei and Obbo Baro Tumsa. “Land to the Tiller!” became the motto of the Ethiopian Students Movement for nine years (1965—1974), until the end of the Haile Selassie regime.

The Oromo, especially members of the Macca-Tuulama Association from the Ethiopian Army and University Students, played a great role in bringing down the Haile Selassie’s regime. The main players to bring an end to this regime in the army were Takka Tulu, Demise Dheeressa, Demise Shifaraw and Debelaa Dhinsa, who were elected by their divisions as members of the Dergue (Provisional Military Administrative Council). Oromo students in the leadership of Haile Selassie I University Association, led by its Secretary General, Abooma Mitiku, and congress members, Ayale Zawuge, Yohannes Banti, Masale Dhaaba and Admasu Taasawu, secretly organized activists

of the Oromo students and played an important role in solving the national question and changing the land tenure system, thus, presenting the development of the Oromo National Movement from the Macca-Tuulama and Bale Oromo armed struggles through the new generation of the Oromo students to the Oromo Liberation Front.

The idea of independent Oromia came from these two movements, which turned into the Oromo Liberation Front with a clear political program in 1973 — “A nation as a communion of memories and hopes”. The Oromo defined their future or common national destiny in their political road map. The Oromo Liberation declared that Oromia became colonial territory after it was conquered by the Abyssinian colonial power and lost its sovereignty (humiliation), and its goal was to overthrow the colonial rule and to build an independent Oromia — the People’s Democratic Republic of Oromia. The Oromo armed struggle led by the Oromo Liberation Army started in Eastern Oromia, where the General Tadesse Biru was imprisoned in Galamsso, and was headed by Elemoo Qilxuu (1936—1974).

In the Ethiopian Revolution, which can be called Oromo Anti-Colonial Revolution, “a major effect... was to take land away from Amhara and distribute it to Galla (Oromo), and for a time the revolution was suspected of being a Galla plot” [30. P. 8]. The struggle was to take back the land that the colonizers illegitimately took from owners and distributed among settlers. The Oromo soldiers were supported by many lower ranking Galla non-commissioned officers from the south, where tenancy and exploitation were the key issues. General Tadesse Biru and Colonel Hailu Ragaasa started distributing land in rural areas, and under the powerful pressure from the Oromo students, teachers and armed forces the new military government made radical changes in the land tenure system.

The rural land reform started on March 4, 1975. According to the decree, the government nationalized all rural land, abolished tenancy and put peasants in charge of the whole scheme (every farming family was to get a plot of land no larger than ten hectares). This Rural Land Decree ended the Naftanya system and destroyed one of the pillars of the Abyssinian domination. However, the new Abyssinian military government refused to distribute the land among the peasants, which meant that the Abyssinian landlordism ended but the Abyssinian state became the only land owner in Ethiopia: “individual Amhara landlordism was replaced by collective Amhara landlordism. The state which is the collective property of Amhara colonialists, is the landlord and our peasants are its tenants” [31. P. 120]. The Ethiopian Revolution, which started with a slogan “Ethiopia without any blood” turned into the Red Terror after Colonel Mengistu Haile Mariam became the chairman of the military government of Ethiopia on February 3, 1977. The name “Red Terror” was officially used by the government to eliminate the opposition groups and to terrify the population, and it was one of the most systematic uses of mass murder by the state ever witnessed by Africa: at least 10,000 were killed in the Red Terror in Addis Ababa (the political center of the empire), with many others tortured and imprisoned in Adama, Dire Dawa, Jima and other cities and towns. Many peasants were shot in mass meetings, burned alive in their homes, invited to local administrations in many parts of Oromia only to be massacred [42. P. 95; 52. P. 212—213]. Apartheid had already become the past history, but the Abyssinian colonial system was butchering the people of colonized territory under another government system until 2016. The Abyssinian government changed many times after Oromia was colonized, but

the Abyssinian political culture was always the same: horrendous, cruel, inhuman activities against the Oromo constitute the memories of the Oromo from Menelik II to Mengistu Haile Mariam (1879—1991).

The colonial relationship between the Abyssinia-Ethiopian state and the Oromo nation was horrifying. Oromo were killed and tortured, their families were terrorised by the forced disappearance of relatives, exposed to famine and avoidable diseases like cholera and tuberculosis, suffered imprisonment in inhuman conditions, castration and death poisoning of prisoners. The Tigray Liberation Front government used Malthusianism to reduce the Oromo population by “premature death: disease, starvation and war” [39. P. 61].

The Oromo resistance against the Tigray Liberation Front occupation of Oromia started when they crossed the Abay river and put their feet on the Oromo land, particularly in the Ambo city, which remembers the strongest fight back his militia had faced in their occupation. The Oromo nation has a clear idea for regaining their independence. If the Tigray Liberation Front government respected its own Constitution Article 39.1 which states that “every nation, nationality and people in Ethiopia has an unconditional right to self-determination, including the right to secession”, there would be no suffering of the Oromo people. The turning point of the Oromo struggle for independency was 2015 when it turned into a peaceful mass movement in all parts of the Oromo land — 220 cities and towns. In these mass demonstrations, the students made themselves a stepladder to reach the largest billboard with the largest photograph of Meles Zenawi. The students pulled down the photograph, cut it into pieces and covered the billboard with the Oromo Liberation Front flag, which for millions of Oromo became the national flag of Oromia. The Oromo are on the final stage of the struggle for their national independence on their ancestral land.

References

- [1] Achebe C. *Home and Exile*. New York; 2003.
- [2] Ahmad Abdussamad H. 1997. Priest planters and slavers of Zagé (Ethiopia), 1900—1935. *Journal of African Historical Studies*. 1997; 29 (3).
- [3] Belloc H. *The Modern Traveller*. London; 1898.
- [4] Biddiss M.D. (Ed.) *Gobineau: Selected Political Writings*. New York — London; 1971.
- [5] Bokku D.D. *Oromo Wisdom in Black Civilization*. Finfinnee; 2011.
- [6] Bulatovich A. *Ethiopia through Russian Eyes: Country in Transition 1896—1898*. Lawrenceville-Asmara; 2000.
- [7] Bulcha M. *The Making of the Oromo Diaspora: A Historical Sociology of Forced Migration*. Minneapolis; 2002.
- [8] Bulcha M. *Contours of the Emergent & Ancient Oromo Nation: Dilemmas in the Ethiopian Politics of State and Nation-Building*. Cape Town; 2011.
- [9] Childs T.G. *An Introduction to African Languages*. Amsterdam—Philadelphia; 2003.
- [10] Edwards T., Ferner A. Managing human resources in the multinational companies. Bach S. (Ed.) *Managing Human Resources: Personnel Management in Transition*. Oxford; 2005.
- [11] Ehret C. *History and Testimony of Language*. Berkeley; 2011.
- [12] Ehret C. *The Civilizations of Africa. A History to 1800*. Charlottesville; 2002.
- [13] Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London; 1993.
- [14] Ethiopia: Reckoning Under the Law. *Human Rights Watch Africa*. 1994; 6 (11).
- [15] Evans-Pritchard E.E. *Theories of Primitive Religion*. Oxford; 1965.

- [16] Farrar T. When African kings became ‘chiefs’: Some transformations in European perceptions of the West-African civilization, 1950—1800. *Journal of Black Studies*. 1992; 23 (2).
- [17] Fichte J.G. *Addresses to the German Nation*. Chicago—London; 1922.
- [18] Fortes M., Evans-Pritchard E.E. (Eds.) *African Political Systems*. London, New York, Toronto; 1940.
- [19] Freud S. *Moses and Monotheism*. Hertfordshire; 1939.
- [20] Gnamo A.H. *Conquest and Resistance in the Ethiopian Empire, 1880—1974. The case of Arsi Oromo*. Leiden—Boston; 2014.
- [21] Greenfeld L. *Nationalism: Five roads of Modernity*. London—Cambridge; 1992.
- [22] Grosby S. *Nationalism: A Very Short Introduction*. Oxford; 2005.
- [23] Haile G. *Yeabba Bahriy dirsetoch*. Minnesota; 2002.
- [24] Hasan F.Yu. *The Arabs and the Sudan: From eventh to the Early Sixteenth Century*. Khartoum; 2012.
- [25] Hassen M. *The Oromo of Ethiopia: A History 1570—1860*. Cambridge; 1990.
- [26] Hassen M. Macha-Tulama Association 1963—1967 and the Development of Oromo Nationalism. J. Asafa (Ed.). *Oromo Nationalism and the Ethiopian Discourse. The Search for Freedom and Democracy*. Lawrenceville; 1998.
- [27] Hassen M. *The Oromo and the Christian Kingdom of Ethiopia 1300—1700*. London; 2015.
- [28] Hayward R.J. Afro-asiatic. H. Bernd, N.e Derek (Eds.). *African Languages: An Introduction*. Cambridge; 2005.
- [29] Hatcher D.G., Harold W.H. *Modern Government: A survey of Political Science*. New York—Toronto; 1962.
- [30] Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, Los Angeles, London; 2009.
- [31] Jalata A. *Phases of Terrorism in the Age of Globalization from Christopher Columbus to Osama Bin Laden*. New York—London; 2016.
- [32] Knutson K.E. *Authority and Change*. Goteborg; 1967.
- [33] Kumsa A. Theories of collective identity and conflicts of identities in the Ethiopian Imperial State. F. Vlastimír (Ed.) *Multiple Identities in Post-Colonial Africa*. Litomyšl; 2012.
- [34] Legesse A. *Oromo Democracy: An Indigenous African Political System*. Asmara; 2000.
- [35] Lewis H.S. *A Galla Monarchy: Jimma Abba Jifar, Ethiopia. 1830—1932*. Madison—Milwaukee; 1965.
- [36] Liobera J.R. *An Invitation to Anthropology. The Structure, Evolution and Cultural Identity of Human Societies*. New York—Oxford; 2003.
- [37] Lowenthal D. Identity, heritage, and history. G.R. John (Ed.). *Commemoration: The Politics of National Identity*. Princeton; 1994.
- [38] Mair L.P. *Primitive Government*. London; 1970.
- [39] Malthus T.R. *On the Principle of Population as it affects the Future Improvement of Society*. London; 1798.
- [40] Marcus H.G. *A History of Ethiopia*. Berkeley, Los Angeles, London; 1994.
- [41] Masaryk T.G. *Student a Politika*. Praha; 1909/1990.
- [42] Melba G. *Oromia: An Introduction*. Khartoum; 1988.
- [43] Montagne R. *The Berbers: Their Social and Political Organization*. Edinburgh; 1973.
- [44] Oliver R., Atmore A. *Medieval Africa, 1250—1800*. Cambridge; 2004.
- [45] Pankhurst R. *Economic History of Ethiopia: 1800—1935*. Addis Ababa; 1968.
- [46] Saakana A.S. (Ed.). *African Origins of the Major World Religions*. London; 1991.
- [47] Seton-Watson H. *Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and Politics of Nationalism*. Cambridge; 1976.
- [48] Smith A. *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism*. Oxford; 2000.
- [49] Smith D. *Globalization: The Hidden Agenda*. Cambridge; 2006.

- [50] Steger M.B. *Globalization: A Very Short Introduction*. Oxford; 2009.
- [51] *Human Rights in Ethiopia: Through the Eyes of the Oromo Diaspora*. The Advocacies for Human Rights; 2009.
- [52] Thompson L. *A History of South Africa*. New Haven—London; 1995.
- [53] Wiebe R.H. *Who We Are: A History of Popular Nationalism*. Princeton—Oxford; 2002.
- [54] Woldemariam B. *The History of the Kingdom of Kaffa: The Birth Place of Coffee 1390—1935*. Hawasa; 2010.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-503-516

Национальная память народности оромо*

Э. Кумса

Университет Шкоды

На Кармели 1457, Млада-Болесла, 293 01, Чехия
(e-mail: alemayehu.kumsa@is.savs.cz)

Автор определяет нацию как территориальное сообщество, исконно проживающее в конкретном регионе, и придает особое значение факту рождения в исторически развивающейся территориальной структуре данного культурного сообщества, что позволяет рассматривать нацию как особую форму родства. Нация отличается от иных форм территориальных сообществ (племени, города-полиса и различных «этнических групп») не только большими размерами территории, но и относительной единой культурой, обеспечивающей нации устойчивость во времени [22. Р. 7]. Сопоставительные историко-лингвистические исследования показывают, что «с точки зрения истории человечества неопровержимо, что некоторые самые ранние и великие достижения человечества были обретены в цивилизациях, которые основывали и возглавляли афро-азиатские народы» [28. Р. 74]. Народность оромо — одна из древнейших в мире с собственной территорией (Оромией), языком (афаан оромо) и политической культурой (демократия гадаа), и в течение длительного времени она стремилась избавиться от абиссинского колониального правления. Национальная память оромо включает в себя воспоминания о колониальной зависимости и национальном героизме, о долгой войне против абиссинских военачальников и абиссинского вторжения на земли народности оромо в XIX веке благодаря новому вооружению, которое африканские колонизаторы получали от западно-европейских колониальных держав и использовали не только для захвата земель, но и уничтожения народности оромо, которая считает абиссинское колониальное правление периодом самого страшного унижения в своей национальной истории. Статья состоит из двух частей: в первой части автор работает с теоретической интерпретацией понятий «нация», «национализм», «унижение» и ряда уничижительных колониальных понятий, которые до сих пор используются в литературе (как «племя» и «этническая группа»). Во второй части автор реконструирует национальную социально-политическую память оромо как самостоятельной нации в период со средневековья до последней четверти XIX века; рассматривает «вопрос оромо» в контексте глобальной истории колониализма, захвата территории оромо и превращения их в рабов, истории унижительной колониальной зависимости от абиссинского деспотизма; характеризует два последних абиссинских политических режима и Национальное движение оромо за независимость, достоинство и мир, сыгравшее важную роль в стабилизации ситуации на территории Африканского рога.

Ключевые слова: память; нация; народность оромо; национальная память; идентичность; колониализм

* © Кумса Э., 2019.

Статья поступила 20.11.2018 г. Статья принята к публикации 28.02.2019 г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-517-529

Социология как ресурс «разумной силы» в эпоху глобализации*

Я.А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия
(e-mail: nikiforovy@mail.ru)

Современное состояние глобальной социальной системы предполагает принудительное воздействие на национальные сообщества комплекса факторов, обобщенно сводимых в единое понятие глобализации. Результатом социологической рефлексии глобализации стало понимание того, что, наряду с созданием единого экономического, социального, культурного пространства, активизирующего международное взаимодействие, возрастает уязвимость отдельных социальных систем. Самыми популярными в последние десятилетия парадигмами международной конкуренции стали стратегии Дж. Ная: жесткой, мягкой, умной и разумной силы. Квинтэссенцией теоретической концептуализации потенциала «intelligent power» является то, что здесь проявляются ресурсы преимущественно внутренней направленности, что позволяет сконцентрироваться на создании общенациональной мировоззренческой платформы, консолидирующей базовые смыслы социальной системы и цели ее развития. Возможности социологии как ресурса стратегии «intelligent power» заложены в ее экспертном, научно-образовательном, инновационном и дискурсивном потенциале. К сожалению, несмотря на обширную и мощную сеть научно-образовательных учреждений с социологической составляющей, содержащихся на бюджетные, государственные средства, они не работают с полной отдачей в национальных интересах. Социология как единственная из социально-гуманитарных наук, обладающая полным набором теоретико-методологического и методического инструментария, позволяющего добывать и анализировать социальную информацию любой сложности, прогнозировать социальные процессы и явления, может реализовать свой потенциал в следующих областях деятельности в рамках стратегии «разумной силы»: фабрики мысли с пропорциональным участием представителей органов государственного и муниципального управления и социологов могут снабжать власть необходимой информацией, консультировать ее при разработке значимых решений, стимулировать интерес к получению новых сведений, побуждать к инициированию новых обследований, служить площадкой ее взаимодействия с профессиональными исследователями социальной жизни; создание и реализация конкурентоспособных на международном уровне образовательных программ на основе производства новых знаний и оперативного и эффективного внедрения их в учебный процесс; критическая оценка зарубежных идейно-концептуальных разработок с последующим их переформатированием, выработкой собственных идей, конструированием новых социальных парадигм с учетом национальных интересов.

Ключевые слова: социология; глобализация; «разумная сила»; фабрики мысли; дискурсивный потенциал; научно-образовательный потенциал

* © Никифоров А.Я., 2019.

Статья поступила 08.04.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Современное состояние любой социальной системы, так или иначе включенной в международные отношения, неизбежно подвержено воздействию комплекса факторов глобализации. Этот термин диалектически интегрирует как процессы трансформации глобальной экономической системы, размывание роли суверенных государств и повышение роли негосударственных акторов, так и формирование глобального информационно-коммуникационного пространства и борьбу геополитических субъектов за лидерство в нем. Попробуем в ходе краткого экскурса в историю социологии определить специфику социологического подхода к глобализации.

В социальной науке термин «глобализация» начал массово использоваться в 1980-х годах применительно к экономическим процессам. Так, согласно К. Поланьи, одним из самых значимых стало ослабление национальных государств и рынков и доминирование транснациональных рынков [7]. Квинтэссенцией экономического взгляда на глобализацию стала теория «мир-системы» И. Валлерстайна: «Национальные государства являются не обществами, которые имеют отдельные, параллельные истории, а частями целого, отражающими это целое» [15. С. 16]. Мир-система — это наднациональное образование с единым разделением труда и множественностью культур.

Собственно социологический взгляд на глобализацию в относительно законченном виде можно проследить по работам Э. Гидденса, У. Бека и З. Баумана. Для Э. Гидденса глобализация — «усиление взаимозависимости социальных отношений, связывающее существенным образом удаленные локальности, вследствие чего события, происходящие в одном определенном месте, могут быть конституированы с помощью того, что происходит за много миль от них, и наоборот» [12. С. 64]. Одним из результатов действия указанного механизма стала «рефлексивность» — рефлексивное усвоение, использование знания и постоянная трансформация социальных практик в зависимости от поступающей информации [3]. Распространение и развитие информационных и телекоммуникационных технологий позволяет человеку активно участвовать в политической, экономической, образовательной, социальной жизни. Как следствие, темпы социальных изменений ускоряются и становятся все менее контролируемыми.

Использование и увеличение знаний о мире делает его менее управляемым и более рискогенным. Основоположник концепции «общества риска» У. Бек под «глобальностью» понимает качественное изменение космополитического самознания, самовосприятия в рамках мирового общества, под которым понимается «общность социальных отношений, которые не могут интегрироваться в национально-государственную политику или определяться ею» [2. С. 25]. Глобализмом Бек называет понимание того, что «мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность» [2. С. 29]; «речь идет о расширении глобально дезорганизованного капитализма» [2. С. 23]. Среди наиболее значимых факторов, воспроизводящих глобальность, Бек выделяет: расширение пространства и экономическую глобализацию; информационную и коммуникационно-техническую революцию; глобальную культуру; постинтернациональную, полицентричную

мировую политику; проблему глобального неравенства. «Глобальность отражает то обстоятельство, что отныне все, что происходит на нашей планете, не сводимо к локально ограниченному событию» [2. С. 27].

По мнению З. Баумана, одним из следствий глобализации является процесс индивидуализации, характеризующий современное западное общество. Он проявляется в утрате контроля над социальными процессами, в неопределенности, в которой вынужден жить индивид, в его неспособности к планированию и достижению долговременных целей и жизненных стратегий [1. С. 49—50]. Все это приводит к кризису коллективных действий и политических институтов [1. С. LXIV].

Итогом социологической рефлексии глобализации стало осознание того, что, наряду с созданием единого экономического, социального, культурного пространства, активизирующего международное взаимодействие, возрастает уязвимость отдельных социальных систем. Возникает постоянное давление на базовые социальные институты и механизмы управления как изнутри, так и извне социальной системы, обусловленное вызванными глобализацией противоречиями, такими как: растущая разница в уровне жизни общностей внутри отдельных государств и между странами; повышение роли негосударственных субъектов управления, «размывание» государственных границ; снижение роли традиционных методов управления и контроля за деятельностью социальных субъектов со стороны государства; всеобъемлющее размывание и унификация ценностей, правовых норм, конвергенция социальных институтов. Мировая социально-экономическая и информационная среда не только интегрируется, но и дифференцируется, повышается степень неопределенности и неустойчивости мировой системы.

Таким образом, изменение условий и контекста международных взаимоотношений требует со стороны государств ответа на основной вопрос: какими ресурсами и механизмами они могут располагать для адекватного и регулируемого взаимодействия в рамках борьбы за улучшение или сохранение достигнутых позиций на международной арене в условиях нестабильности. Международные акторы предпринимают серьезные усилия по формированию стратегий повышения общей эффективности сотрудничества и управляемости отдельных социальных систем и глобальной системы в целом. Самой популярной из таких стратегий стала парадигма «мягкой силы», введенная в оборот в 1990-е годы Дж. Наем [14], прошедшая несколько всплесков популярности и претерпевшая несколько этапов трансформации в теории и на практике.

Изначально концепт «мягкой силы» был выражением интенций американской элиты на замену военно-силового противостояния СССР и США более гибкими моделями международной конкуренции. Кроме США идея «мягкой силы» стала активно использоваться в международных стратегиях, разрабатываемых геополитическими конкурентами «одиноким гегемоном» — ЕС и Китаем [4. С. 149—155]. В России интерес к концепту «мягкой силы» стал проявляться позже — в начале 2000-х годов, в контексте перезагрузки внешнеполитического курса и формирования позитивного образа страны.

Однако в это же время в США развитие идеи «soft power» привело к новой трактовке стратегии международного влияния — возникает концепция «умной

силы». В силу фактического провала попытки реализации США стратегии «soft power» в начале 2000-х годов, направленной на создание привлекательного имиджа супердержавы — гегемона мировой политики, на деле приведшей к военным операциям против суверенных государств и репутационным потерям, стала очевидной необходимость ревизии концепции «мягкой силы» — возникла идея «smart power»: «умная сила» понимается как взаимодействие двух понятий, ранее введенных Наем — «soft power» и «hard power». Принципиально «умная сила» отличается от «мягкой» тем, что не исключает использования военных ресурсов. Тем не менее, несмотря на значительные интеллектуальные, информационные и идеологические усилия, эта стратегия вряд ли может считаться однозначно успешной. Прошло не более десяти лет, как в начале 2010-х годов целенаправленная политика США по дестабилизации неугодных политических режимов (Ливия, Сирия, Украина) привела к тому, что парадигма «умной силы» начинает восприниматься как обоснование манипулятивной внешней политики. Основополагающие принципы концепции «умной силы» оказались дискредитированы. В реальной политике подходы и идеи парадигмы «умной силы» оказались выхолощены: принцип открытости откровенно фальсифицировался, информационные и сетевые ресурсы использовались, главным образом, для мобилизации хаоса и протестных акций, международные программы по решению глобальных проблем превратились в площадку усиления влияния США на принимаемые решения и т.д.

Новым вариантом стратегии невоенных, нежестких инструментов завоевания и отстаивания позиций в международной конкурентной борьбе стала идея «intelligent power», введенная в международный дискурс в 2010 году тем же Наем. Последовавшая в ряде западных и отечественных исследований концептуализация «разумной силы» главным образом была направлена на поиск механизмов и инструментов этой стратегии, исследование особенностей ее применения основными акторами, отличающих новую стратегию от уже устаревших и скомпрометированных «soft/smart power».

Результатом теоретико-методологической разработки концепции «разумной силы» как нового этапа в эволюции стратегий глобального лидерства стало понимание, что существуют различия в целях и ресурсах реализации силы в разных вариациях жесткости в мировой политике. «Жесткая сила» действует в рамках веками отработанных традиционных способов и методов международно-политического влияния: 1) прямое принуждение с помощью военных операций, санкций, деятельности спецслужб, вербовки союзников и создания военных баз и зон влияния и т.д.; 2) шантаж и давление через совершенствование и наращивание систем вооружения — как обычных, так и ядерных; увеличение мощностей оборонно-промышленного комплекса. «Мягкая сила» оперирует ресурсами политической, экономической, культурной и социально-ценностной привлекательности. Пропаганда политической системы действует через официальную, публичную и народную дипломатию, глобализированные СМИ и социальные сети. PR экономического строя реализуется через рост и поддержание благосостояния населения, масштабные мероприятия по достижению экономического роста. Продвижение культурно-ценностного капитала выражается в популяризации элементов национальной массовой культуры в мировом сообществе (национальный язык и литература,

музыка, кино, идеология и пр.). Стратегия «soft power», несмотря на декларируемую «мягкость», подразумевает принудительное принятие внешних и даже чуждых стандартов мышления, стереотипов и паттернов поведения.

«Smart power» как сочетание «жесткой» и «мягкой» силы предполагает синтез их инструментария и базируется на использовании информационных ресурсов и социальных сетей, системы международных СМИ, финансово-валютных механизмов с целью манипулирования — «целенаправленного воздействия на социальную группу для использования ее ресурсного, политического, духовно-нравственного или любого другого потенциала при достижении целей, не отвечающих содержанию объединяющих данную группу собственных интересов или ценностей» внешнеполитическими противниками и «партнерами» [11].

Важно помнить, что все перечисленные стратегии, помимо того, что трудно реализуемы в чистом виде и на уровне реальной внешнеполитической деятельности плохо сочетаются, имеют значимые недостатки с точки зрения применения на российской почве. Во-первых, очевидно, что, сформировавшись в чуждой политической культуре и изначально предназначенные для легитимации американского лидерства, все парадигмы закрепляют американское понимание миропорядка и системы международных отношений. Во-вторых, они утратили актуальность и, главное, понесли серьезные репутационные потери в мировом общественном мнении. В-третьих, конкурентные преимущества России через призму оценки ресурсов трех сил очевидны: в «жестком» сегменте — успехи ОПК, создание вооружений, в разы превосходящих аналоги потенциальных противников; модернизирующаяся армия, успешно решающая сложные задачи; в «мягком» и «умном» сегменте — распространение русского языка и отечественных проектов в Интернете, зарубежное вещание (РТ, «Спутник» и пр.), проведение событий мирового значения — Олимпиады, чемпионата мира по футболу, международных дипломатических и экономических форумов.

Однако простое сложение элементов не дает системного качества, для этого необходимо их упорядочивание в отношении субординации и координации. Пока отсутствует стратегический синтез всех компонентов, элементы внешнеполитической силы будут реагировать на повестку дня, предлагаемую извне, а дипломаты и военные будут с огромным напряжением усилий решать проблемы, актуализированные просчетами в реализации «умной силы». Действенное изменение подхода, новый взгляд подразумевает масштабную комплексную работу над внутренним содержанием — социальным, культурным, гуманитарным, политическим. Чтобы понять, как позиционировать себя вовне, важно осознать свой образ на международной арене. Перед Россией сегодня стоит вопрос осмысления ценностей, которые она готова нести в мир. И в этом ни одна из трех концепций внешнеполитической силы не поможет, поскольку они имеют внешнюю направленность, ориентированы на экспансию (следствие американского происхождения), у них отсутствуют резервы внутренней консолидации и стабилизации социальной системы в интересах внешнеполитического противоборства. И здесь вступают в действие возможности концепции «разумной силы» — и в том виде, в каком они были изложены ее авторами, и, что значительно ценнее, будучи отрефлексированы отечественными обществоведами [9].

Квинтэссенцией теоретической концептуализации потенциала «*intelligent power*» является ее принципиальное отличие от предыдущих версий внешнеполитических стратегий. Ная: помимо уже в той или иной форме фигурировавших (дипломатического, военного, инновационно-технологического потенциала), появляются ресурсы (экспертный, научно-образовательный и дискурсивный) преимущественно внутреннего характера. Совокупность инструментов, составляющих потенциал обозначенных ресурсов, позволяет сконцентрироваться на создании общенациональной мировоззренческой платформы, консолидирующей базовые смыслы социальной системы, цели ее развития (в том числе и в глобальном пространстве), транслируемый вовне образ страны (мотивационная основа международной деятельности). Именно здесь сокрыты не востребуемые и неиспользуемые резервы социального знания. Попробуем разобраться в причинах неучастия и в перспективах включения общественных наук в целом и социологии в частности в разработку и реализацию стратегии «разумной силы».

Начнем с экспертного потенциала обеспечения «*intelligent power*». Сегодня в перенасыщенном глобальном информационном пространстве принятие любого политического решения невозможно без оценки значимости и достоверности, анализа и обработки информации, прогнозирования перспектив развития ситуации. Такого рода деятельность является прерогативой экспертных сообществ, объединяющихся в фабрики мысли. Их деятельность традиционно подчинена задачам подготовки оснований политических и социально-экономических решений, выработки альтернативных подходов к проблемам. Формы функционирования таких аналитических центров разнообразны и ограничены национальными традициями науки и образования, а также формами взаимоотношений с потребителями их продукта — государственными органами и финансово-промышленными корпорациями.

В рамках статьи наиболее значимы государственно ориентированные фабрики мысли, поэтому оставим в стороне независимые аналитические центры, существующие преимущественно на гранты, и экспертные группы, обслуживающие интересы крупного бизнеса. В России с 1980-х годов сформировались многочисленные структуры, учрежденные и финансируемые государством — университеты, институты РАН, информационно-аналитические службы в государственных структурах. В докладе Экспертного института социальных исследований за 2018 год приведен мировой рейтинг отечественных фабрик мысли [5]. Самым успешным стал Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН), присутствуют Московский центр Карнеги и МГИМО. При этом авторы доклада уточняют, что речь идет о внешнеполитическом направлении работы. Среди фабрик мысли, фокусирующих свою деятельность на внутривнутриполитической линии, называются Клуб «Валдай», Фонд Горчакова, Российский институт стратегических исследований (РИСИ). Они не попали в рейтинг, но влияют на политическую повестку в России и за рубежом, обеспечивая аналитикой и широкую общественность, и узкие политические круги.

Деятельность фабрик мысли внутри социальной системы концентрируется на анализе социальной ситуации и разработке политических решений. Ситуатив-

ный анализ как системная деятельность по сбору и осмыслению результатов и проблем государственного и муниципального управления, новых вызовов и рисковенных факторов, угрожающих стабильности и развитию социальной системы, невозможен без использования социологических количественных и качественных методов. Практически все инструменты исследования общественной жизни разработаны и постоянно совершенствуются именно социологией. И при этом социологических фабрик мысли в упомянутом выше докладе нет, а среди 53 фабрик в обзоре «Российские фабрики мысли» [8] представлены только «Группа 7/89» — известное сетевое сообщество социологов-регионалов, имеющее отличные от «think tank» цели и организационные формы, и «Левада-Центр», с недавних пор не вызывающий в силу известных причин доверия к продуцируемой и тиражируемой социальной информации.

В чем же причина неучастия социологов в работе отечественных фабрик мысли? Главная — отсутствие госзаказа на подобную деятельность. Академическая и вузовская социология работает на изучение социальной ситуации в трех форматах. Во-первых, большая часть исследований является инициативной, проводится по темам, связанными с собственным научным интересом ученых (результат — защита выпускных квалификационных работ и диссертаций или публикация статей и монографий, адресованных «широкому кругу читателей», но читаемых, в лучшем случае, узким кругом коллег). При этом палитра тем исследований при всем своем разнообразии совершенно не очевидна с точки зрения востребованности со стороны власти и структур, участвующих в принятии и реализации внутриполитических решений.

Во-вторых, это гранты: если говорить об иностранных грантодателях, то смысл работы заключается или в поставке иностранным фондам обширной социальной информации по их заказу, или развитие отраслей социологии, незнакомых и чуждых отечественной науке. Такие отрасли, изначально будучи симулякрами, благодаря финансовой подпитке начинают приобретать гипертрофированные масштабы и фиктивное содержание, заслонять в повестке конференций и публикаций традиционную тематику и видоизменять как структуру социальных наук, так и общественное сознание. Если говорить о российских фондах, обеспечивающих грантовую поддержку социологических исследований (прежде всего РФФИ), то нужно отметить особенности грантополучения, нивелирующие значимость изысканий для обеспечения внутренней политики: процесс формулирования тематики финансируемых работ, как и процесс рассмотрения заявок, остается непрозрачным (отказ в гранте выглядит просто сообщением о «несоответствии»), гранты в основном получают коллективы столичных вузов, которые обладают высокими показателями индексов цитирования и количества публикаций в международных базах данных, грантовая деятельность организуется без учета насущных потребностей органов государственного и муниципального управления).

В-третьих, это деятельность «некоммерческих», бюджетных социологов в связи с удовлетворением потребностей власти в социальной информации: государственный заказ на исследование в уже сформулированном виде и с готовым техзаданием (зачастую с парадоксально обозначенными целями, задачами, выбором

кой и методами сбора информации и труднореализуемыми сроками) выставляется на аукцион. В результате приходится обращать внимание не на качество сбора и анализа информации, а на букву выполнения контракта. Кроме того, лонгитюдные исследования по одной проблематике могут выполняться в разные годы разными исследовательскими группами (с собственным инструментарием). Так, например, исследование этноконфессиональной напряженности в Саратовской области было проведено в октябре—декабре 2017 года по заказу комитета общественных связей и национальной политики социологами ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», а в 2018 году контракт на исследование по этой же теме, в силу особенностей аукциона, был выигран типографией из Воронежа (результаты этого исследования в общественном доступе так и не появились). Итоги исследований отправляются заказчикам в виде отчетов, которые исчезают в недрах ведомств, изредка на них ссылаются чиновники для подтверждения собственных успехов, однако ни комплексного обсуждения, ни консультаций по результатам работы с погруженными в материал социологами практически никогда не происходит. Фабрики мысли с пропорциональным участием представителей государственных органов и обществоведов (социологов в частности) могли бы не только снабжать власть необходимой информацией и консультировать при разработке значимых решений, но и стимулировать интерес к получению новых сведений, побуждать к инициированию новых обследований, служить площадкой взаимодействия с профессиональными исследователями социальной жизни.

Научно-образовательный и инновационный потенциал социологии в качестве ресурса «разумной силы» актуализируется в способности конкурировать на международном образовательном рынке и в продуцировании инноваций в научной и культурной сферах. Сегодня российская высшая школа при всех ее выдающихся традициях вынуждена функционировать в условиях общемирового образовательного пространства. Несмотря на то, что базовые направления развития образования как инструмента усиления позиций России в культурно-образовательном пространстве уже реализуются в рамках «Основных направлений политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [6], негативные тенденции пока сохраняются. Если Советский Союз занимал второе место по числу иностранных студентов в мире, то сейчас Россия находится лишь на девятом месте, привлекая в основном студентов из развивающихся стран и СНГ. Наибольшее количество иностранных студентов приезжают из Казахстана, Китая, Киргизии и Белоруссии, Индии, Вьетнама, Узбекистана, Таджикистана, Армении и Украины [10], а наиболее востребованы естественнонаучные направления: математика, физика, биология, химия. Социально-гуманитарное образование остается малопривлекательным для иностранных студентов, но и отечественными абитуриентами не рассматривается в качестве стратегии жизненного успеха.

И, наконец, дискурсивный потенциал социологии в стратегии «разумной силы» предполагает способность конкурировать в идейно-концептуальном пространстве развития социальной системы. Главной составляющей дискурсивного потенциала являются научные ресурсы, позволяющие осмысливать и критически

оценивать внешние и, как правило, некомплиментарные идейно-концептуальные разработки, что предполагает определение смысловых элементов зарубежного социально-философского, социально-ценностного, концептуально-социологического дискурса и их критический анализ для выявления его идейной направленности и потенциального влияния на отечественное общественное мнение и социальную науку. Предположительно далее интеллектуальный ресурс социологии реформатирует полученные результаты с выработкой собственных идей, конструируя новые парадигмы с учетом национальных интересов.

Итак, реализация научно-образовательного, инновационного и дискурсивного потенциала социологической науки в качестве ресурса «разумной силы» требует конкурентоспособных на международном уровне образовательных программ, реализуемых высококвалифицированным и мобильным академическим составом, мощной теоретико-методологической базы науки (и подкрепляющей ее эмпирики), способной противостоять идейной экспансии и внедрять собственные социальные концепции, обосновывать и продвигать оригинальные парадигмы развития общества. К сожалению, говоря об отечественной социологии, мы можем только констатировать причины отсутствия необходимых составляющих и обозначить перспективы их развития. В современной России статус социологии в общественном сознании чрезвычайно низок. Ее достижения остаются неизвестными и невостребованными даже со стороны тех, кто ежедневно имеет дело с общественными явлениями и процессами. Причиной низкого престижа нашей науки является интеллектуальный застой, хотя массово издаются книги и журналы по социологической проблематике, в каждом вузе страны существуют социологические факультеты, кафедры и центры, диссертационные советы, ежегодно выпускающие сотни дипломированных и остепененных специалистов. Однако отсутствуют самостоятельные эмпирически подтвержденные теоретические концепты, утверждающие оригинальный и позитивный взгляд на социальную реальность, дающий возможность ставить и решать практические и исследовательские задачи.

Причины подобного зстоя неоднократно декларировались и обсуждались. Некоторые из них более явные — отсутствие систематических дискуссий между социологическими школами, несущественность взаимодействия между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками, общее снижение уровня научной квалификации, засилье начетнической наукометрии как основной оценки научного творчества, поощрение в интересах повышения рейтинговых оценок многочисленных малосущественных публикаций, отсутствие стимулов долгосрочных трудоемких исследований и пр. Другие — более латентные, и прежде всего это утрата аутентичного идейного капитала: каждое новое направление теоретико-методологической моды (как правило, западное) почти обесценивает начала оригинальных исследований. При этом сохраняется общий базис негативного характера: обществоведы с единодушием, несвойственным в отношении других дискуссионных вопросов, выступают против общенаучного подхода (пренебрежительно именуемого «позитивистским линейным мышлением», «наследием истмата» и т.д.) к выявлению закономерностей общественной жизни и закреп-

лению их в эмпирически проверяемых теориях. Сегодня социологию называют мультипарадигмальной системой знания, в которой сосуществуют и соперничают разные концепции развития науки. Главная проблема заключается в том, что социологии не удастся обосновать единое основание научного знания. Отсутствуют даже попытки создать такой фундамент, обреченно предлагается признать теоретический и методологический плюрализм социологии. Довольно странно, что в естественных науках ученые принимают созданные до них теоретические позиции в качестве основания и продвигают науку дальше, а в обществоведении деятели науки склонны пренебрегать прежними парадигмами, заявляя собственную альтернативную позицию.

В общих чертах известно, какие составляющие должны присутствовать в композиции успешного теоретического построения, но в отечественной общественной науке большинство из них если и проявлены, то в эфемерном состоянии. Во-первых, постоянное опытное изучение разнообразия социальных явлений — сложная и кропотливая работа, не дающая быстрого и видимого результата. Часто преобладает подход, декларирующий уникальность эмпирического материала, и на этом основании провозглашается невозможность поиска аналогий, а, следовательно, априорная безуспешность установления закономерностей. Во-вторых, опора в осмыслении многообразия социальных явлений на теоретические результаты прошлых исследований усугубляется незначительным накоплением общезначимых теоретических результатов: не на что опираться и нечего проверять, и общие операционализируемые гипотезы не формулируются. И, наконец, исследовательская цель, направленная на познание общих закономерностей, причин и механизмов социальных явлений и процессов в социальных науках не ставится.

Впечатляющие научные достижения стали возможны в первую очередь потому, что общество сформировало на них запрос и оплатило его. Пусть этот социальный запрос главным образом был обусловлен интересами государства, но сегодня очевидно, что это касается не только наук, напрямую обеспечивающих потребности безопасности и экономического развития. Спрос на решение макросоциальных задач имеет сейчас критическое значение для развития общества и наук о нем. Без опоры на общественные науки не может быть подлинной самостоятельности, суверенитета страны, социальная система, не опирающаяся на собственные общественные науки, в лучшем случае не в состоянии эффективно развиваться, в худшем — оказывается в плену чуждых предрассудков и мифов, становится объектом враждебных идеологических манипуляций. Причем социальный заказ на общественные науки всегда носил идеологическую окраску: его смысл заключается в мобилизации их идей, концепций и методов для обоснования того, что установленный социальный порядок законен, справедлив и рационален. Социология изначально создавалась ее отцами-основателями как идеология современной им социальной системы. Идея общества была интегрирована с реальностью национального государства, поэтому в классической социологии общество практически является псевдонимом родины, а человек рассматривается, в первую очередь, как гражданин. Последняя гранд-теория социологической классики — парсоновская социология — обосновывала статус США как наиболее могущественного государства современности.

Социальный и геополитический перелом конца XX века в нашей стране сделал невозможным социальный заказ на направления исследований, не вмещающиеся в прокрустово ложе рыночной идеологии и либерализма. Сегодня по-прежнему отсутствует ясный и адекватный социальный заказ на общественные науки со стороны государства, поэтому возникает старый, как мир, но постоянно дискутируемый вопрос об идейной нейтральности социологии. Трюизмом является тезис, что в любом обществе власть и бизнес-элиты стремятся подчинить себе деятельность социологов, превращая их в социальных инженеров и мастеровых социологических опросов, и любая социальная система стремится нанести ущерб объективности социального знания. Известны и ответы на эти нападки: социология искажается потому, что социологи — участники социальной жизни, социолог, как и все остальные, в процессе социализации усваивает множество предпосылок, которые в дальнейшем оказывают влияние на его мышление и предрасполагают к тем или иным онтологическим и аксиологическим ориентациям. В обществе работа социолога в принципе не может быть свободной от ценностей. Любое социологическое исследование «искажает» социальный мир, ибо в основе любого исследования лежат те или иные идейно-ценностные установки и точка зрения.

Представляется, что выход из этой ситуации заключается в «манифестации» ценностей, их провозглашении. Общественные науки в целом и социология в частности не должны пребывать в удобной позиции критики общества, они должны стремиться к тому, чтобы создавать позитивные образы будущего, реализация которых позволяет развивать и совершенствовать социальную систему. Социология хранит в своем интеллектуальном багаже множество позитивных ценностно значимых теоретических конструкций. Социологическая классика актуальна и современна, поскольку ее универсальные модели успешно работают на разном материале. Никогда русские социологи и социальные философы не писали о ценностной нейтральности социального знания. Напротив, главной чертой отечественного обществоведения всегда было желание содействовать прогрессу, стремление создать лучший социальный мир. У социологии в России сложилась непростая судьба, но диапазон исследовательских интересов дореволюционных социологов был чрезвычайно обширен, они писали буквально обо всем, что и сегодня формирует актуальную проблематику науки, и достигали значительных теоретических результатов. История советской социологии также не состояла только из фетишизации исторического материализма. Недаром А. Гоулднер, описавший во второй половине XX века основные параметры наступающего кризиса западной социологии, в качестве одного из путей выхода из него предлагал творческую реконструкцию марксизма как учения, доказавшего свою практическую и теоретическую состоятельность [13]. Вполне возможно, что создание теоретико-методологической основы дальнейшего развития нашей науки возможно на базе практически значимого переосмысления социологических теорий как дореволюционной, так и советской классики.

Библиографический список

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002.
- [2] Бек У. Что такое глобализация. М., 2001.

- [3] *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Теория общества Энтони Гидденса // *Современные социологические теории общества*. М., 1996.
- [4] *Лю Цзайци.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // *Политические исследования*. 2009. № 4.
- [5] Интеллектуальная экспансия. Российские «фабрики мысли»: возможности влияния в международном экспертно-политическом пространстве // <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2018/03/doklad-think-thanks-eisr.pdf>.
- [6] Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/224550.
- [7] *Поланьи К.* Великая трансформация. М., 2007.
- [8] Российские фабрики мысли // <http://www.sitnikov.com/materials/rossijskie-fabriki-mysli>.
- [9] *Столетов О.В.* Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: автореф. дис. ... к.п.н. М., 2015.
- [10] *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCFAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44>.
- [11] *Фельдман Д.* Охлос в сети мировой политики // <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/1126>.
- [12] *Giddens A.* *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990.
- [13] *Gouldner A.W.* *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. N.Y., 1980.
- [14] *Nye J.* *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y., 1991.
- [15] *Wallerstein I.* *The present state of the debate on world inequality // The Capitalist World-System: Essays*. Cambridge-Paris, 1979.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-517-529

Sociology as a resource of “intelligent power” in the globalization era*

Ya.A. Nikiforov

National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia
(e-mail: nikiforovy@mail.ru)

Abstract. The current state of the global social system assumes a compulsory external impact on the national communities of a complex of factors defined in social science as “globalization”. Together with the creation of the general economic, social, cultural space that intensifies the international interaction, globalization increases vulnerability of separate social systems. In recent decades, the strategies of J. Nye have become the most popular paradigms of the international competition: hard, soft, smart and intelligent power. The essence of the theoretical conceptualization of the “intelligent power” is that it is based mainly on internal resources and allows to focus on developing the national worldview platform consolidating basic meanings of social system and goals of its development. The possibilities of sociology as a resource of “intelligent power” are in its expert, scientific-educational, innovative and discursive potential. Unfortunately, despite its extensive and powerful network of the scientific-educational institutions financed from

* © Ya.A. Nikiforov, 2019.

The article was submitted on 08.04.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

the budgetary funds, sociology still does not work in national interests. Sociology is the only social science with a full set of theoretical and methodological tools to gather and analyze social information, to predict social processes, and to work for the following spheres of “intelligent power”: think tanks with the participation of sociologists can provide authorities with necessary information, consult them on important decisions, stimulate interest in obtaining new data and starting new studies, serve as a platform for the interaction with professional researchers of social life; introducing educational programs competitive at the international level and based on the production of new knowledge and its effective use in the educational process; critical evaluation of foreign ideologies and conceptions with the subsequent development of one’s own ideas and new social paradigms taking into account national interests.

Key words: sociology; globalization; “intelligent power”; think tanks; discourse; scientific-educational potential

References

- [1] Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [2] Beck U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is Globalization?]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [3] Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. *Teoriya obshchestva Antony Giddensa* [Anthony Giddens’ theory of society]. *Sovremennye sociologicheskie teorii obshchestva*. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [4] Liu Zaiqi. “Myagkaya sila” v strategii razvitiya Kitaya [Soft power in the development strategy of China]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2009; 4 (In Russ.).
- [5] *Intellektualnaya ekspansiya. Rossijskie “fabriki mysli”*: *vozmozhnosti vliyaniya v mezhdunarodnom ekspertno-politicheskom prostranstve* [Intellectual expansion. Russian “think tanks”: Possibilities of influence in the international expert-political space]. <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2018/03/doklad-think-thanks-eisr.pdf> (In Russ.).
- [6] *Osnovnye napravleniya politiki RF v sfere mezhdunarodnogo kulturno-gumanitarnogo sotrudnichestva* [The main directions of the Russian policy in the international cultural and humanitarian cooperation]. http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/224550 (In Russ.).
- [7] Polanyi K. *Velikaya transformatsiya* [Great Transformation]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [8] Rossijskie fabriki mysli [Russian think tanks]. <http://www.sitnikov.com/materials/rossijskie-fabriki-mysli> (In Russ.).
- [9] Stoletov O.V. Strategiya “razumnoj sily” v politike globalnogo liderstva [The strategy of “intellectual power” in the policy of global leadership]: Avtoref. dis. k.p.n. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [10] Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument “myagkoj sily” vo vneshnej politike Rossii [Education as the tool of “soft power” in the Russian foreign policy]. <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44> (In Russ.).
- [11] Feldman D. Ohlos v seti mirovoj politiki [Ohlos in the network of world politics]. <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/1126> (In Russ.).
- [12] Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford; 1990.
- [13] Gouldner A.W. *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. New York; 1980.
- [14] Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York; 1991.
- [15] Wallerstein I. The present state of the debate on world inequality. *The Capitalist World-System: Essays*. Cambridge-Paris; 1979.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-530-542

Moral values of professional activity in information society*

V.A. Tsvyk,¹ I.V. Tsvyk^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Moscow Aviation Institute (National Research University)
Volokolamskoe Shosse, 4, Moscow, 125993, Russia
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

Abstract. The article identifies the moral values of professional activity in information society on the basis of the systematic approach. Informatization of society in the 21st century entered a new stage of its development. The new information environment aims at forming certain ideological and axiological priorities, according to which the value characteristics of information society change and reproduce. One of the most important value areas in information society is professional activity, whose moral values — mutual responsibility, loyalty to duty, tolerance, decency, and focus on cooperation — develop during personal professionalization. Subsequently, in the course of professional work, professional conscience, duty, responsibility, dignity, tact, etc. develop. Professionalism is the most important moral value of professional activity; however, it should not be limited to the sum of professional knowledge and skills. A true professional has a developed, based on value orientations, moral culture, deep understanding of his professional duty, the most scrupulous attitude to professional honor, a high degree of professional responsibility. The success of his activities, the integrity of his personality, and his creative self-expression in the chosen profession depend on his professional and moral principles — their unity and consistency. The task of forming the professional values of an employee is an essential component of personal professionalization in order to achieve an optimal combination of traditional and creative elements, of specific professional experience and public morality. From the ethical perspective, professionalism in the ability to ensure harmony of professional activity and its moral evaluation, readiness for worthy deeds in any professional situations.

Key words: values; professional activity; information society; moral values; professionalism; personal professionalization; professional conscience; professional duty; professional responsibility

Labor values and values of professional activity, their imperative power as a social regulator, and conditions of development cannot be understood out of context of common life values, especially cultural values. Contemporary society is characterized by the acceleration of technological development, creation of new intellectual products, and transformation of information into the most important global resource of humanity. Researchers associate these changes with informatization and declare the transition of the global civilization to a new state — information society, which brings to the philosophical dis-

* © V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk, 2019.

The research was financially supported by the RUDN University. Project No. 101404-0-000 “Youth development: The problem of values forming in information society”.

The article was submitted on 04.05.2019. The article was accepted on 07.06.2019.

course concepts “information society” and “knowledge society”. Together with matter and energy information becomes the most important global resource of mankind which cannot be reduced to two others. The new information environment aims at forming certain ideological and axiological priorities, according to which value characteristics of information society change and reproduce, and one of the most important value areas today is the professional activity of the individual.

Social consequences of informatization

According to Z. Brzezinski, D. Bell, A. Toffler and other scholars, information society is a kind of post-industrial society: it develops with the dominance of the “fourth” information sector of the economy, which follows three well-known sectors — agriculture, industry, and services. However, they argue that capital and labor, the basis of industrial society, give way to information and knowledge in information society. There are various indicators of the transition to the information stage. The share of population engaged in the service sector can serve as a criterion for the transition to the post-industrial stage and further to the information stage: if more than 50% of population are employed in the service sector, then the post-industrial stage began; if more than 50% are employed in the field of information services, then the society became information. For instance, the USA entered the postindustrial stage in 1956, and became information society in 1974. In the 1980s, the Japanese Institute of the Information Society was created in Japan. Its director, J. Masuda, argues that information technologies determine radical changes in value orientations: from narrow, direct, selfish they will turn into ethical, taking into account the interests of all humankind; due to informatization of all activities and emergence of the new intellectual, contemporary society will turn into a polycentric global society based on collectivism and competition.

Many Russian authors believe that in such concepts there are obvious elements of social utopia; however, they argue that it is not a reason to reject the very study of new trends in the development of society. Thus, A.I. Rakitov identifies the following features of information society: a) accessibility of information; b) real access to information, primarily technical; c) production of information in amounts necessary and sufficient for life support and development of society in all its parts and directions; d) accelerated automatization and robotization in production and management; e) preferential development of informatization activities and services so that at least 50% of the employed work here [18. P. 22].

The universal nature of the current stage of informatization is manifested in the fact that in recent years the role of information has rapidly increased in almost all areas of society (economy, science, education, culture, health, politics, public and regional governance, national security). Informatization drastically changes traditional forms and methods of work organization and the structure of employment. The goal of Russia’s transition to information society is the development of civil society and democratic traditions, and also overcoming information inequalities and Russia’s entry into the global information society. The most important moral principle of information civilization should be the priority of the individual.

Among important social consequences of informatization is the change in the nature of human labor. The main type of labor today is associated with the transformation of information flows. The power of human intelligence concentrated in the computer programs combines with the power of the individuals' brains. Thus, the usual task of using one's intellectual abilities when working with information technologies is transformed into the task of choosing and using various programs that allow to process and provide information necessary for decision-making and organization of practical activities in optimal time. The professional activity is significantly transformed, especially in material production, for automatization and robotics change the position of the person in the production system [12. P. 300—301]. Moreover, computer technologies allow to process information flows in any conditions, which leads to significant changes in the nature and values of professional activity.

Globalization of informatization lead to the change not only in the content of our knowledge but also in the ways it is acquired, reproduced and transferred, which significantly affects the internal structures of the individual and the process of forming values. Many researchers of personality emphasize that a personality formed by the previous school and type of higher education institution differs in its psychological characteristics from the one that plays computer games in kindergarten, goes to computer classes in school, works at a computerized workplace and communicates with friends via satellite. Under the new information technologies, the style of thinking, ways of communicating, assessing others and self-esteem are changing. On the one hand, one no longer feels lonely because he can quickly receive necessary information about all significant events. On the other hand, the problem of computer addiction becomes highly relevant.

The spread of the Internet raises the question of whether the media and computer network will be the main source of information in the coming years. The Internet, a global information computer network of the world wide web, unites a whole set of computer networks operating on the same rules and users all over the world. In the cyberspace communication, individual Internet users create and maintain certain patterns, norms and rules, "accumulate" certain social-cultural resources, build an information stratification system, i.e. create virtual network communities that become an important channel for promoting values. The Internet has become an integral part of the contemporary Russian society, which turned out to be not just a new piece of social contexture but a factor that changes social and cultural life in general under the influence of social-cultural dynamics [24. P. 427].

Despite the opportunities opening up for the individual, it would be wrong to present the prospects of the digital society in romantic and bright colors. It is necessary to understand dangerous trends of global informatization such as: increasing influence of the mass media; increasing penetration into the private life of people and organizations through information technologies, including computer crimes; increasingly complex problem of selecting reliable information; increasing gap between developers and consumers of information technology; intensification of the problem of the adaptation to information society [25. P. 382].

Despite the diversity of approaches, assessments and forecasts concerning information society, they mainly follow the same lines: communications and information technologies created a new situation in which, on the one hand, there are additional opportunities for progress, including solutions of worldviews contradictions, and, on the other hand, there is a growing number of problems determined by interference in the new society with inevitable consequences. Manifestations of information society are presented in the approval of the information picture of the world, changes in life and social world order based on the active and full use of knowledge in all social types of human activity, awareness of the unity of the laws of information in nature and society, their practical application, creation of industry of information production and processing, a significant transformation of traditional channels of formation of personal value preferences.

Values of professional activity: concept and essence

The objective conditions of contemporary development require a reorientation of society towards professionalism: in all spheres of labor activity, the human factor becomes the leading one. There is a growing interest in professionals — not only with high professional skills, but also with analytical, creative abilities, stable ideological and humanistic values. Professional morality develops in the professional work practices and is a feature of the humanistic maturity of the profession. Professionalism as the highest degree of skill and integrity of the individual is at the same time an expression of the general culture of the professional. The improvement of the professional activity requires not only the improvement of work tools and professional knowledge and skills, but also an increase in the moral and humanitarian culture. That is why the attitude of the professional to his business and colleagues is an expression of his moral socialization. One of the main factors in the choice of one's profession and development of professionalism are personal values that constitute the core of the worldview and reflect the attitude to oneself, the world around and other people [5].

In the scientific literature, values are interpreted differently: as significance, value of certain objects or processes, personal phenomena serving as the leading principles in life; as a value relationship; as one of the forms of existence of semantic forms; as an ideal model of the due indicating the desired transformation of reality; as the highest meaning of human existence, etc. [2. P. 19]. Thus, Rokeach defines values as stable beliefs in the fundamental preference of certain goals or ways of existence and distinguishes two classes of values: the first class includes values that are important for human life as a whole (main goals, final goals of personal existence), the second class consists of values preferred in any life situation, which corresponds to the traditional division of values-goals and values-means [19]. All definitions do not exclude but complement each other and are certainly subordinated: the system-forming value is defined through the value of objects, processes, phenomena to meet the needs of the subject; the definition of objects that have particular value acts as a value relation to them; the value of the object is detected through the evaluation of the object [2. P. 20]. Therefore, value is one of the key moral-oriented concepts representing a set of universal significant moral categories that act as standards of the due.

According to P.S. Gurevich, it is the values that transform parts of reality into objects of culture and distinguish them from nature: “Values order reality ... They correlate not with the truth, but with the idea of an ideal, desired, normative” [8. P. 117]. Each culture, society, state, profession, and personality have ideas about the ideal and other values; there are also universal human values focused primarily on the preservation of the human race. Any social institution, including information, rely on values, and professional values reflect the meanings of the profession.

Professional values are the principles of professional behavior (and corresponding actions and attitudes of people) guided by the best examples of professional activity and associated with a deep understanding of its moral meaning and purpose [21. P. 265]. Values are a part of the worldview of professional communities, the way professional groups interact with various social situations. Social reality can be considered by the professional as an environment that needs to be transformed or, on the contrary, to be perceived as it is. Value expresses the relationship between the subject of professional activity and its object; it is the result of an assessment of certain objective properties of the profession in terms of their compliance with certain needs — existing or emerging — of the professional activity.

There are various types of professional values. Schwartz classifies professional values as: 1) internal (personal growth, autonomy, interest, creativity, etc.); 2) external (salary and security); 3) social (interaction with people and contribution to society); 4) power (prestige, authority, influence) [20]. E.I. Golovakha, by assigning values to the spheres of professional activity, identifies three groups of values: 1) realized only directly in professional activities, 2) through professional activities, and 3) only outside professional activities [7. P. 258]. A.A. Larionova-Krechetova distinguishes two groups of values: internal values are associated with relations of the subject of labor to the object of professional activity, its process and result, as well as with the personal qualities of the subject; external values are not directly related to the attitude to the components of professional activity but rather to factors external to professional work (social environment, working conditions, various attributes of professional activity and the accompanying lifestyle) [14. P. 5]. In the Western literature, professional values are considered through their influence on job satisfaction [1; 3; 5; 6]. For instance, there are five factors (groups of values) that affect job satisfaction: 1) internal values associated with the labor process (responsibility, duty, professionalism, satisfaction with the labor process); 2) internal values associated with the result of labor, i.e. its effectiveness (respect, professional status, approval, self-esteem); 3—5) external values that are not directly related to work (labor safety, salary satisfaction, career opportunities, communication, etc.) [3].

These classifications reveal different approaches to understanding the nature and essence of professional values and tend to distinguish a special group of internal professional values directly related to both the process of professional activity and the inner world of the individual with professional consciousness. However, these approaches do not take into account the fact that in professional activity, besides the proper professional values, there are also many other values associated with numerous relationships that develop in the course of professional activity (cognitive, aesthetic-moral, etc.). Thus, moral values exist for the professional both in the form of abstract theoretical knowledge

and in the form of practical attitudes for making decisions and organizing professional behavior, i.e. moral values become guidelines for the individual in his professional work.

The value component is a part of the professional consciousness, which determines the possibility of moral evaluation of professional activity as the behavior of the specialist in the course of performing his professional duties. The value guidelines that professionals follow in the course of their activities and relationships are the main criterion for assessing the integrity of professional consciousness [22. P. 265]. In the course of its development universal moral ideals acquire a professionally oriented character according to the future profession. Thus, common moral values are filled with professional content according to the type of professional activity both in the course of professional activity and professional education [24].

Professional values and moral culture of the professional

The ability to form the right moral values determining moral behavior when performing professional duties is a part of the moral culture of the professional. This is a combination of socially recognized professional moral norms, principles, ideals and ways to translate them into the moral values of professional activities. The concept “moral culture” reflects the degree to which a person has mastered social moral experience, ability of consistent implementation of professional moral values in professional behavior and relationships, readiness for continuous professional and moral improvement [21. P. 72]. The moral culture of the professional consists of interrelated components united in the following groups: objective moral values — attitudes, norms, orientations to assess the objective correspondence of the professional behavior to the interests of both the professional group and society; subjective moral values — elements of the developed professional and moral consciousness, attitudes and ideas about own profession, goals of the professional activity, professional and moral obligations to society; the diverse sphere of moral aspects of the professional activity — motives, incentives, ways of professional activity corresponding to the social moral ideals [21. P. 75].

Moral motivation of professional activity is a prerequisite for professionalism. Any moral act, such as conscientious performance of official duties, can have different motives: a worker can show special diligence only for the fast career growth or as a result of the desire to demonstrate to his colleagues their professional failure; or his motives can be highly moral, and actions are morally conscious — guided by the desire to ensure public benefit, by the conviction of the necessity and social significance of his professional work. True professionalism has nothing to do with careerism, egoism, ostentatious morality, because it is based on moral values and humane moral convictions, awareness of one’s duties to society, implementation of moral principles and norms in the professional behavior.

The development of the moral culture is the most important part of professionalization. It implies achievement of the optimal combination of traditional and creative elements, specific professional experience and the wealth of professional and public morality. From the ethical perspective, professionalism consists in the ability to ensure

harmony of professional activity and its moral evaluation, readiness for worthy deeds in any professional situations. Therefore, professionalization implies development of mutual responsibility, loyalty to duty, tolerance, decency, and a focus on cooperation. Without these elementary principles, it is impossible to find freedom in creativity and self-realization. It is impossible to become a true professional without a professional worldview, ideals, dignity, respect for colleagues. Thus, the development of the professional depends largely on the formation of his value preferences for assessing the meaning of certain objects and events based on the needs and interests, ideals and aspirations of the subject. Such a system of value preferences is formed in the labor activities and reflected in the requirements and norms of the professional ethics: honest work for the benefit of society, moral relations in the field of direct contacts between the interests of professional groups with each other and with society, and following professional duty.

True professionalism presupposes a deep knowledge of the requirements of the professional morality. For the successful functioning within the profession, it is necessary to combine high professionalism with the deep awareness of the responsibility for the results of labor, readiness to perfectly fulfill one's professional duty. One of the most important regulators of professional activity and the criterion for assessing the development of the professional consciousness is professional conscience and professional duty.

Basic moral values of professional activities: professional conscience, duty, responsibility

Conscience is a moral and psychological regulator of human behavior. Together with duty, honor and dignity, it allows to realize one's moral responsibility to oneself as the subject of moral choice, to other people and to society as a whole. In the professional activities, an individual-personal moral mechanism of conscience is concretized depending on the social expectations to profession presented in the demand that the specialist's activities comply with professional values and ideals. As a moral value of professional activity, professional conscience is a kind of a fusion of rational awareness and sensory experience expressing a sense of moral satisfaction with work and deep emotional experiences in case of inability to fulfill professional duties. In other words, professional conscience makes the specialist fulfill and achieve excellence in his professional activities and expresses the moral responsibility of the specialist to himself as a subject of high professional values and requirements [22. P. 267]. The professional conscience regulates the behavior of the individual associated with his professional activity, determines his attitude to professional actions that can lead to psychological comfort and moral satisfaction. Awareness of a "clean" professional conscience expresses one's will to achieve professional excellence, internal integrity and fullness of professional consciousness, i.e. to become a professional.

Awareness of duty, just like conscience, plays the role of the moral-psychological mechanism of self-control. Such duty means "morally reasoned coercion to act; moral necessity fixed as a subjective principle of behavior" [22. P. 264]. Unlike conscience, duty is usually motivated in one way or another; it relies on consciousness and is a rational mechanism of self-consciousness. As a rule, duty is considered as subordination

to society, awareness of duties, a method of socialization, and integration of the individual into society. However, professional duty reflects the professional and moral relation as the essence of any professional business and manifests in the prompting for actions necessary to carry out professional duties. Professional duty is closely related to public life and often defined in the broadest sense as the need to obey public morality such as duties to society, colleagues and oneself.

Duty is crucial for determining the value of professional activity in the Japanese labor culture being the foundation of the Japanese professional ethics. Duty presupposes a kind of internal immunity to all influences alien to personal ideological attitudes. A man of duty is not the one who can act morally but the one who cannot act differently; therefore, the category of duty cannot be defined only through the concept of duty. Responsibilities are something external to the person, their requirements are imposed from the outside, while duty is a moral condition determined by personal conscience, attitude to the world and other people based on the voluntary acceptance of certain responsibilities.

The professionally-due attitude to work is expressed primarily in the fact that the worker voluntarily and consciously performs his duties in the most optimal way for the given situation. A worker who has a sense of professional duty comes to the forefront of the social basis; his inner world is not a closed system of values but an open system facing outward; he realizes the need to maintain his reputation given his social status and role in the social system. For the professional, the harmony of public and personal is typical: the public acts as universal and corporate values, and the personal — in accepting and following them. Thus, the objective side of professional duty is actual duties of the representative of the professional group, norms and principles underlying professional morality; the subjective side is the degree of personal awareness of these duties, their acceptance and creative fulfillment, self-determination of professional duty expressed in the desire to participate in the realization of professional ideals.

Awareness of professional duty often takes the form of professional responsibility — the relationship of a one's dependence on something perceived as the decisive basis for making decisions and taking actions. The high professionalism and civil maturity of the worker are manifested in the fact that his professional responsibility is recognized as a professional vocation and voluntarily accepted as a personal professional duty. It is the personality of the professional acting as the bearer of professional responsibility that is the guarantee of the qualitative fulfillment of professional duty. Professionalism implies a high degree of professional responsibility both for the results and the labor process itself. In turn, the growth of professionalism, the strengthening of professional self-realization and motivation of professional activity not only stimulates the growth of professional efficiency but also leads to an increase of responsibility for the results of professional activity and of job satisfaction. The sense of responsibility is almost equally related to high professional achievements and high integration into professional activities. On the contrary, poor achievements or integration into professional activities do not contribute to the sense of responsibility.

Professionalism involves the exact following of professional duty and responsibility for the process and results of professional activity [23]; therefore, professional honor

and professional dignity are important characteristics of the professional moral and significant values of the professional activity. Professional dignity is a characteristic of the professional in terms of his compliance with his professional vocation and purpose. In its objective meaning, professional dignity reflects the place and role of the profession in public life: “Reflecting it in the professional consciousness... of the community creates a more or less stable idea of the importance of the profession for society, of recognizing this significance and, thus, acquires the character of a professional value which must be preserved as any value” [22. P. 266]. At the same time, professional dignity is subjective and evaluative in nature, i.e. reflected in the consciousness of the professional as an idea of one’s importance in the profession, of one’s significance for the professional community. In the structure of the personality, professional dignity acquires an imperative character: a person orders himself to be worthy.

The objective side of the professional dignity is reflected in the professional honor as a real relationship between the moral level of the profession and its public perception, i.e. it is the significance of the profession in the life of society and recognition of the professional dignity of the person by other people. Awareness of the importance of one’s profession is an important driving force for the development of professionalism. Professional honor and professional dignity complement each other, support a certain, high level of professional and moral consciousness, thus, enhancing the moral component of professionalism.

There are also terms “professional justice”, “professional tact”, etc. Certainly, many moral values can be applied to the professional activity and serve as criteria for its moral evaluation. However, some values, such as professional duty or responsibility, are universal and extend to almost all types of professional activity, while others are local and manifested only in certain professions. Thus, professional justice is most relevant for the professional activities of lawyers and law enforcement officers, while professional tact — for professional and ethical codes of teachers, doctors, social workers, etc.

Professional values in information society

Today, a number of new moral values become an indispensable condition of effective activity and integrity of the moral world of the professional. The content and specificity of these values are determined by the highest moral requirements; they form the basis of the ethical code of the professional. For instance, the computer does not invent projects, it is the invention of man; therefore, the prospects for computerization depend primarily on the value-oriented attitudes of society. In the information era, the role of philosophy, whose main task since Plato’s times has been the construction of ideal norms, goals and values of human life, significantly increases. Unfortunately, sometimes the goals of computerization are set by technocratic forces, and computer technologies are mainly used for industrial purposes as an instrument of war and domination, supervision and control, financial and administrative centralization, and to manipulate public opinion [25. P. 382]. Fetishization of information technologies is largely due to the reduction of all the wealth of humanity to operational-pragmatic side, and, consequently, to the denial of the spiritual-axiological aspect of human activity.

In information society, a “perverse sector of the economy” has emerged and is growing, in which neither material nor spiritual values are created, and fictitious goods (social phantoms) are mainly reproduced to serve financial and other transactions. It is this field of activity that becomes the main area of “info communications”, i.e. convergence of telecommunication and information services and technologies. As a result, the technological progress creates a ‘perverse’ sector and leads to an increase in social polarization. The key problem of social development in the information age “becomes the liberation of creative activity from the forms that are imposed on it in the wrong sector, the extrusion of this sector and the use of released resources for the progress of the creato-sphere — the world of culture, popular creative activity and, accordingly, the areas in which cultural values are created, the process of formation, upbringing, education and development of a person as a free, comprehensively developing personality is under way” [17. P. 133].

The most important principle of the professional moral culture is humanism — respect for each human, understanding of his uniqueness, self-sufficiency. Humanism is based on respect for the rights, honor and dignity of others, recognition of the right of people to their own opinion, position and independency. True professionalism does not allow utilitarian perception of people — as a means to achieve any professional goals. Humanism, as a practical normative requirement of the professional ethics, insist on the priority of the individual. Moreover, humanism implies overcoming alienation in the professional labor, the possibility to choose one’s profession and freedom in the professional creative activity.

Another essential feature of the contemporary and future professional is environmental friendliness of professional consciousness, i.e. he must consider himself as a part of nature capable of a reasonable impact on it. The harmonious interaction of man and nature suggests that man as a rational being spiritualize nature following the laws of their coexistence in the integral organic system. Today professionalism necessarily implies environmental literacy. However, considering the ecological compatibility of the consciousness of various professional groups, it is necessary to take into account that the share of environmental values in the value orientations can differ among different professions. For instance, the weight of ecological values in the group of the ‘man-nature’ professions is higher than in the ‘the man-sign system’ group [11]. Certainly, professionals in the field of ‘man-nature’ have careful attitude to living objects, while a high degree of abstraction of professionals in the field of ‘man-sign system’ does not allow to accept living as naturally as in the ‘man-nature’ professions. However, environmental values in the professional consciousness of the ‘person-to-person’ professions are also important. Professionalism in this area necessarily implies the ability of educating, participation in the moral education, whose main goal is the formation of a morally mature, socially active and comprehensively developed personality. A necessary component of the professional development today is becoming an environmentally competent person who can provide a truly moral relationship of man, society and nature.

The most important moral value of the professional should be the moral attitude to work including the moral equality of various types of professional activity. The prestige of certain professions in society should not be the basis for moral distinction and

‘public approval’. If a profession is socially beneficial, environmentally friendly and allows an individual to participate in social work, it is morally justified. So, in the contemporary Russian society, it is necessary to eliminate the prejudice against private entrepreneurship. At the same time, we need to develop moral condemnation to unfair, criminal, predatory labor without any morally positive value. And the moral attitude of the individual should be different to unequal professional activities based on the criterion of their professionalism.

Among the most important moral values of the professional today are moral reliability, professional optimism and patriotism. Moral reliability means the integrity and certainty of one’s moral nature which leads to the stability of professional behavior. Moral reliability can be determined by (a) the unconditional devotion to the chosen profession, (b) the high normative regulation of behavior represented by the ability of the conscious implementation of duty, (c) the knowledge of the spiritual potential of the whole cultural system of the due and good, (d) the complex of such qualities of the professional as being active, principled, self-sacrificing, conscientious, sincere, loyal, honest, humane and responsible. Professional optimism implies confidence in achieving the desired results of professional work and is based on the high professionalism. Its another important value today is patriotism — the desire to contribute to the development and prosperity of one’s country by professional work.

Informatization of the economy and culture, increasing requirements to qualifications and professional competence make us consider professionalism as a measure of the specialist’s skills and one of the most important values of professional activity. However, the very concept of professionalism should not be limited to the sum of purely professional knowledge and skills. A true professional has a developed, based on value orientations, moral culture, deep understanding of his professional duty, the most scrupulous attitude to issues of professional honor, and a high professional responsibility. Moral values of professional activity — mutual responsibility, loyalty to duty, tolerance, decency, and focus on cooperation — are formed in the process of professionalization. Subsequently, in the course of professional work, professional conscience, duty, dignity, tact, etc. are formed. The success of professional activities, the integrity of the specialist’s personality and his creative self-expression in the chosen profession depend on how well his professional and moral principles are combined.

References

- [1] Abbott A. The order of professionalization. An empirical analysis. *Work and Occupations*, 1991; 18 (4).
- [2] Bayluk V.V. Tsennosti professionalnoi samorealizatsii lichnosti [Values of professional self-realization of personality]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*. 2015; 3 (In Russ.).
- [3] Bardi A., Lee J.A., Towfigh N., Soutar G. The structure of intra-individual value change. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009; 97.
- [4] Vasilieva Z.I. *Gumanisticheskie tsennosti obrazovaniya i vospitaniya (90-e gg. XX v Rossiya)*. [Humanistic values of education and upbringing (the 90s of the 20th century in Russia)]. Saint Petersburg; 2003 (In Russ.).

- [5] Evens J. Reinterpreting professionalism as a discourse of social control and occupational change. Svenson L., Evetts J. (Eds.) *Conceptual and Comparative Studies of Continental and Anglo-American Professions*. Goteborg; 2003.
- [6] Forsyth P.B., Danisiewicz T.J. Toward a theory of professionalization. *Work and Occupations*. 1985; 12 (1).
- [7] Golovakha E.I. Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti. [The life perspective and personal value orientations]. *Psikhologiya lichnosti v trudah otechestvennykh psikhologov*. Sost. L.V. Kulikov. Saint Petersburg; 2000 (In Russ.).
- [8] Gurevich P.S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [9] Larson M. *The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis*. Berkeley-London; 1977.
- [10] Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical Theory of Value]. Saint Petersburg; 1997 (In Russ.).
- [11] Kalita V.V. Ekologichnost soznaniya professionala [Environmentality of the professional's consciousness]. Avtoref. t. dis. ... k.p.n. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [12] Colin K.K. *Filosofskie problemy informatiki* [Philosophical Problems of Computer Science]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [13] Kostenko N.V., Ossovsky V.L. *Tsennosti professionalnoi deyatelnosti* [Values of Professional Activity]. Kiev; 1986 (In Russ.).
- [14] Larionova-Krechetova A.A. Dinamika tsennostno-smyslovoi sfery professionalnoi deyatelnosti v protsesse stanovleniya sub'ekta truda [Dynamics of the value-semantic sphere of professional activity in the formation of the subject of labor]. Avtoref. dis. ... k.p.n. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [15] Lebedeva N.M., Tatarko A.N. *Tsennosti kultury i razvitie obshestva* [Values of Culture and Development of Society]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [16] McClelland C. *The German Experience of Professionalization*. Cambridge; 1991.
- [17] Mantatova L.V. *Strategiya razvitiya: Tsennosti novoi tsvivilizatsii*. [Development Strategy: Values of a New Civilization]. Ulan-Ude; 2004 (In Russ.).
- [18] Rakitov A.I. *Filosofiya kompyuterno revolyutsii* [Philosophy of the Computer Revolution]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [19] Rokeach V. *The Nature of Human Values*. New York; 1973.
- [20] Schwartz S.H. Culture matters. C.-Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, R.S. Wyer (Eds.) *Understanding Culture: Theory, Research and Application*. New York; 2009.
- [21] Tsyk V.A. Nравstvennaya kultura professionala [The moral culture of the professional]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2015; 2 (In Russ.).
- [22] Tsyk V.A. Nравstvennye tsennosti professionalnoi deyatelnosti [Moral values of the professional activity]. *Lichnost. Kultura. Obshestvo*. 2014; XVI (1—2) (In Russ.).
- [23] Tsyk V.A., Mukhametzhanova V.S. Ethical basis of professionalism. *3rd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education*. Atlantis Press; 2017.
- [24] Tsyk V.A., Tsyk I.V. Professional development in information society: Challenges and prospects. *RUDN Journal of Sociology*, 2018; 18 (3).
- [25] Tsyk I.V. Kompyuternye tehnologii v sovremennom obrazovatelnom protsesse: etichesky aspekt [Computer technologies in the contemporary educational process: An ethical aspect]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017; 21 (3) (In Russ.).
- [26] *Tsennosti kultury i modeli ekonomicheskogo povedeniya* [Values of Culture and Models of Economic Behavior]. Pod red. N.M. Lebedevoi, A.N. Tatarko. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [27] Shalova S.Yu. Professionalnye tsennosti v sisteme tsennostnykh orientatsii studentov pedvuza [Professional values in the system of value orientations of the teacher training university's students]. *Naukovedenie*. 2013; 3 (In Russ.).
- [28] Tsyk V.A., Tsyk I.V. et al. *Etika vysshei shkoly* [Ethics of Higher Education]. Moscow; 2016 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-530-542

Нравственные ценности профессиональной деятельности в информационном обществе*

В.А. Цвык¹, И.В. Цвык^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

В статье предпринята попытка на основе системного подхода выявить нравственные ценности профессиональной деятельности в условиях информационного общества. Процесс информатизации в XXI веке перешел на качественно новый этап развития: информационная среда нацеливает на формирование определенных мировоззренческих и аксиологических приоритетов, в соответствии с которыми изменяются и ценностные характеристики информационного общества. Одной из важнейших ценностных сфер в информационном обществе становится профессиональная деятельность. Ее нравственные ценности — взаимная ответственность, верность долгу, терпимость, порядочность, нацеленность на сотрудничество — формируются в процессе профессионализации личности. Впоследствии в ходе профессионального труда формируются профессиональная совесть, долг, ответственность, достоинство, такт и др. Кроме того, важнейшей нравственной ценностью профессиональной деятельности является профессионализм, который не следует ограничивать суммой чисто профессиональных знаний и навыков. Подлинный профессионал обладает цельной, развитой, основывающейся на ценностных ориентациях нравственной культурой, реализующейся в глубоком понимании своего профессионального долга, в щепетильном отношении к вопросам профессиональной чести, в профессиональной ответственности. От того, насколько слиты в человеке профессиональные и нравственные начала, насколько они едины и согласованы, зависит успех его деятельности, цельность личности, мера творческого самовыражения в профессии. Задача формирования ценностей профессиональной деятельности работника — важнейшая часть профессионализации личности: она заключается в том, чтобы достичь оптимального сочетания традиционного и творческого элементов, соединить профессиональный опыт личности с богатством профессиональной и общественной морали. С этической точки зрения профессионализм состоит в способности обеспечить гармонию профессиональной деятельности и ее нравственной оценки, готовность к достойным поступкам в любых профессиональных ситуациях.

Ключевые слова: ценности; профессиональная деятельность; информационное общество; нравственные ценности; профессионализм; профессионализация личности; профессиональная совесть; профессиональный долг; профессиональная ответственность

* © Цвык В.А., Цвык И.В., 2019.

Статья подготовлена при поддержке РУДН. Проект № 101404-0-000.

Статья поступила 04.05.2019 г. Статья принята к публикации 07.06.2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-543-552

Нестандартный труд: кто в выигрыше? Теоретико-методологический анализ подходов к изучению нестандартной трудовой занятости*

Р.И. Анисимов

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125993
(e-mail: ranisimov@list.ru)

В статье рассмотрены основные подходы к изучению нестандартной трудовых отношений. Основываясь на концептуальной модели, предложенной К. Раковски, проанализировано три подхода: структуралистский, неомарксистский и легалистский; выявлены их методологические ограничения и эвристический потенциал. Основываясь на статистических и социологических данных, показано широкое распространение нестандартных трудовых отношений в России (32—59 млн человек). Автор приводит диаметрально противоположные оценки этого явления: одни концепции сосредоточены на преимуществах, другие — на недостатках нестандартных трудовых отношений. Как правило, эти оценки зависят от идеологических позиций авторов и предмета анализа. В статье показана методологическая путаница в анализе нестандартных трудовых отношений в легалистском подходе, получившем сегодня широкое распространение: в нем происходит отождествление неформального сектора экономики и нестандартной трудовой занятости, что затрудняет анализ бенефициаров и «жертв». Преимуществами нестандартных трудовых отношений пользуются лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, страдают от них наемные работники. В статье предложено разграничить наемных работников с нестандартными трудовыми отношениями и предпринимателей в неформальном секторе экономики, что позволило объединить концепции нестандартных трудовых отношений и выявить выигрывающие и проигрывающие в них группы. Проанализированы причины роста нестандартной занятости: глобализация, автоматизация, изменение ценностей труда, социальная политика — в контексте эволюции капитализма как исторической системы.

Ключевые слова: нестандартные трудовые отношения; неформальный сектор экономики; капитализм; предприниматель; наемный работник; прекариат; глобализация; ценности труда; автоматизация; социальная политика

Глобализация, развитие новых технологий, перемещение рабочей силы в сферу услуг, упадок ценности труда подвергают коррозии стандартные трудовые отношения, которые понимаются как «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначаемых им менеджеров» [13. С. 28]. Растет нестандартная занятость, которая имеет следующие виды: работа по устной договоренности с работодателем, оформление работника

* © Анисимов Р.И., 2019.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00024.
Статья поступила 28.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

по срочному трудовому договору, неполный рабочий день, наличие дополнительной работы, сверхзанятость на основной работе, заемный труд. Рост нестандартных трудовых отношений для одних групп создает систему преимуществ, а у других групп условия труда и жизни ухудшаются.

Основные подходы к анализу нестандартной трудовой деятельности

Изначально интерес к нестандартной занятости возник в рамках анализа неформального сектора экономики. В 1960—1970-е годы исследователи, изучающие модернизирующиеся страны Азии и Африки, обнаружили в них неформальный сектор экономики. «Английский исследователь Кейт Харт „открыл“ неформальную занятость во время полевых исследований конца 1960-х годов в одной из отсталых стран Африки, столице Ганы — Аккре. Ученый обнаружил, что жители этого города не имеют никакого отношения к официальной экономической системе. Экономическая система отсталых стран представлена скоплением мелких лавок и мастерских, снабжающих местных жителей простыми повседневными товарами, не проходя официальной регистрации, игнорируя налоговые и другие требования власти к предпринимательской деятельности» [13. С. 37]. По мнению К. Харта, «неформальная занятость — это экономическая деятельность, которая имеет место за пределами занятости в крупных корпорациях общественного и частного секторов» [13. С. 37].

В 1972 году Международная организация труда опубликовала результаты исследования занятости в Кении, в котором были даны критерии неформального сектора. «Для неформальной деятельности характерны: а) легкость вступления; б) опора на собственные ресурсы; в) семейная собственность; г) малые масштабы; д) трудоинтенсивные и гибкие технологии; е) навыки, приобретаемые вне официальной школьной системы; ж) нерегулируемость и конкурентность рынков» [13. С. 38]. Такой подход к неформальному сектору, по мнению К. Раковски, является структуралистским и строится на дихотомии «современный—неформальный» [9]. За неформальным сектором признавались традиционные занятия и архаические трудовые практики (мелкое ремесленничество, традиционное крестьянское хозяйство, отходничество), и неформальность здесь тесно взаимосвязана с бедностью, необразованностью, низкой производительностью труда.

Такая оценка неформального сектора обусловлена ценностными ориентациями 1960-х годов с их прогрессистскими взглядами, согласно которым современность и прогресс отождествлялась со странами Запада или советского блока, а неформальность является уделом «отсталых людей» в «отсталых странах». Помимо оценочной нагруженности данного подхода, в нем внутри неформального сектора не различаются предприниматели и работники, поскольку в основном в этом секторе функционировали семейные предприятия, где действительно трудно выделить предпринимателей и работников, т.е. определить функции каждого участника предприятия. Также здесь нестандартный труд отождествлен с неформальным сектором и вне анализа оказываются нестандартные трудовые отношения в формальном секторе экономики.

С конца 1970-х годов неолиберальная экономическая политика ведущих капиталистических стран, ослабление профсоюзов, экономический кризис, изменение спроса в сторону все большей индивидуализации и развитие гибких технологий организации труда и управления способствовали росту нестандартных форм труда в ядре капиталистической мир-системы. В рамках неомарксистской традиции возник еще один подход к анализу нестандартных трудовых отношений, который, по мнению К. Раковски, также является структуралистским, но в отличие от предыдущего, подчеркивает, что «неформальность развивается не только в периферийных, но и в развитых странах. И формальные, и неформальные виды деятельности трактуются как „отличительные черты капитализма, способствующие выполнению необходимых функций накопления капитала“» [9]. Представители этого подхода сосредоточили внимание на развитых капиталистических обществах, полагая, что неформальные трудовые отношения встроены в современность, позволяя усиливать эксплуатацию наемных работников и увеличить эффективность капиталистического предприятия. «Левые» подходы к изучению неформального сектора расширили предмет изучения с неформальных трудовых практик до нестабильных, ненадежных (*precarious*) трудовых отношений, что позволило включить в анализ, помимо неформальной занятости, неполную занятость, срочную занятость, аутсорсинг, дополнительную работу. Из этих подходов и выросла теория прекариата как нового класса, в которой постулируется, что нестабильное положение части наемных работников на рынке труда является постоянным, эта группа количественно увеличивается и, как следствие, возникает новый социальный класс — прекариат [2].

Возникновение и распространение нового подхода стало реакцией на расширение капитализма в последней трети XX века. Этот подход имеет имплицитную социал-демократическую идеологию, и желаемой моделью трудовых отношений для него является «золотой век наемного труда» — 1960-е годы, когда в большинстве стран Западной Европе во главе правительств стояли социал-демократические партии, а защита трудовых прав и социальных гарантий наемных работников достигла максимума. Анализируя преимущественно формальный сектор экономики, представители этого подхода фиксировали ухудшение положения наемных работников, перенесли анализ неформального труда со стран Азии и Африки на промышленно развитые страны и расширили предмет изучения с неформальных трудовых отношений до нестабильных, что позволило включить в анализ новые формы эксплуатации. Однако оценка растущей неопределенности в трудовой сфере здесь была негативной, во взглядах исследователей ощущалась ностальгия по уходящим в прошлое правам и гарантиям наемных работников.

Поэтому в 1980-е годы Э. де Сото разработал легалистский (неолиберальный) подход к анализу неформальных трудовых отношений. Он обратил внимание не на рост неопределенности в формальном секторе, а, как и представители первого подхода, на неформальный сектор. Однако вместо трудовой деятельности теперь изучается, в первую очередь, предпринимательская деятельность в неформальном секторе и меняется его оценка. «Согласно легалистскому подходу, неформальная деятельность интерпретируется не как проявление дуализма и мар-

гинализации, а как предпринимательство, которое пробивает себе дорогу в трудных условиях канцелярской зарегулированности» [9]. Таким образом, лица, трудящиеся неформально, из «отсталых» превращаются в «инноваторов», насыщающих рынок новыми товарами и услугами, гибко реагирующих на спрос, создающих рабочие места, и т.д. Соответственно оптимальной государственной политикой в неформальном секторе и — шире — в экономике должна быть политика снятия ограничений, т.е. «laissez faire».

Представители этого подхода акцентировали внимание прежде всего на предпринимателях и самозанятых (фрилансерах), причем выборочно, так как в основном предметом их анализа были кейсы успешных предпринимателей. Сегодня концепция легалистского подхода соответствует в целом сменившемуся вектору государственной социальной политики, поэтому широко освещается и пропагандируется. Возникнув в развивающихся странах Южной и Латинской Америки в момент их отказа от левой экономической политики, этот подход укрепился и разросся в цитадели индивидуализма и свободного предпринимательства — США. В 2001 году вышла книга Д. Пинка «Нация свободных агентов» [6], пропагандирующего самозанятость, которую Министерство труда США внесло в список произведений, сформировавших современную рабочую культуру США. В 2002 году Р. Флорида издал свой бестселлер «Креативный класс» [14], в котором гибкость трудового процесса рождает креативность, а она, в свою очередь, приводит к коммерческому успеху, который выгоден и предпринимателям, и работникам.

Помимо сильной оценочной составляющей легалистского подхода в нем присутствует путаница в анализе неформального сектора и нестандартных трудовых отношений. Она заключается в следующем: 1) основными акторами неформального сектора выступают предприниматели и самозанятые, но игнорируются наемные работники; 2) под неформальными работниками подразумеваются работающие в неформальном секторе, т.е. отождествляется неформальная трудовая занятость и неформальный сектор экономики и игнорируются неформальные работники формального сектора; 3) происходит смешение предпринимательской и трудовой деятельности.

В настоящее время это основные концепции, анализирующие нестандартную трудовую и предпринимательскую деятельность. Их возникновение и распространение обусловлено конкретной исторической ситуацией, поэтому они несут ценностную нагрузку, т.е. помимо научной составляющей имеют идеологическую подоплеку, что не отменяет их эвристический потенциал. Так, первый подход анализирует неформальный сектор экономики, который существует параллельно формальному и в зависимости от политики государства сужается или расширяется, но никогда полностью не исчезает, даже в условиях тотального контроля государства над экономикой; второй подход акцентирует внимание на наемных работниках, занятых нестандартным трудом; третий — на предпринимателях и самозанятых. Выводы трех исследовательских подходов таковы: во-первых, неформальный сектор экономики не тождественен нестандартным трудовым отношениям — они существуют как в формальном, так и в неформальном секторе; во-вторых, необходимо отличать предпринимателей в неформальном секторе

от нестандартно трудоустроенных наемных работников, независимо от того, в каком секторе они трудятся.

Отдельного внимания заслуживают самозанятые, в том числе фрилансеры. Они являются переходной группой от наемных работников к предпринимателям, поэтому в одном лице объединяют предпринимателя и наемного работника, испытывают на себе и преимущества работы в неформальном секторе (отсутствие организационной рутины, присвоение прибыли, низкие или нулевые налоговые издержки) и недостатки нестандартных трудовых отношений (невозможность планирования, ненормированный рабочий день, отсутствие правовых ограничений произвола заказчика). Описывая предпринимателей и самозанятых (фрилансеров), многие авторы утверждают, что нестабильные трудовые отношения приносят им преимущества [6], а от нестандартных трудовых отношений страдают в основном наемные работники [12]. Однако при распространении нестандартных трудовых отношений предприниматели могут сокращать фонд оплаты труда, переводя работников на неполный рабочий день, а также гибче реагировать на рыночную конъюнктуру, переводя работников на срочные договора и не имея перед ними никаких обязательств после окончания срока действия трудового договора.

Кроме того, предприниматели могут сокращать налоговое бремя (в совокупности составляет более 43%: 13% — НДФЛ, выплачиваемый из заработной платы, 30,2% — платежи в социальные фонды, выплачиваемые из доходов фирмы), переводя работников в статус неформально занятых. Сэкономленные на налогах средства не компенсируют неформальное состояние работника: так, всероссийский опрос трудоспособного населения показал, что работники с бессрочными договорами в 2018 году имели среднемесячный заработок в размере 30 236 рублей, работники со срочными договорами более 1 года — 29901, неформально трудоустроенные — 23 428. Исследование было проведено социологическим факультетом РГГУ методом личного интервью по многоступенчатой районированной выборке с квотным отбором респондентов на последней ступени в июне—июле 2018 года (объем выборки — 1200 человек). Необходимо уточнить, что работающие по бессрочным договорам, как правило, имеют более высокий уровень образования, квалификации и стажа, поэтому мы сравнили работающих по бессрочным договорам и неформально занятых, имеющих одинаковый уровень образования, стаж и квалификацию. В результате оказалось, что они получают меньше, чем такие же работники, но с договорами. Еще хуже дело обстоит с социальными гарантиями: только 26% неформальным работникам работодатель гарантирует оплату больничного листа (92% работающим по бессрочным договорам, 82% — по договорам более 1 года), 28% — оплату отпуска (93% и 80% соответственно), 20% — выплаты по уходу за ребенком (81% и 70%).

То, что такая система выгодна работодателю, подтверждает широкое распространение нестандартных форм занятости в России [8; 10; 11; собственный опрос]: в той или иной степени нестандартную занятость имеют от 32 до 59 млн россиян. В будущем эти работники смогут получить только социальную или минимальную трудовую пенсию (она рассчитывается исходя из размера заработной платы, и у работников с неполной занятостью меньше, чем у работающих полный рабо-

чий день). Болезни и трудные жизненные ситуации таких работников не зависят от формы трудоустройства, поэтому их решение перекладывается с работодателя, не платящего социальные взносы, на общество. Конечно, предприниматели несут ответственность за неформальное трудоустройство работников, но, чтобы их к ней привлечь, необходимо предоставить документы, подтверждающие работу у предпринимателя, что для неформально трудоустроенного практически невозможно. Более низкая заработная оплата и худшие условия труда в рамках нестандартных форм занятости свидетельствуют, что бенефициарами сложившейся системы являются предприниматели, а жертвами — наемные работники, так как плюсы подобной деятельности для предпринимателя очевидны (позволяет снижать издержки предприятия на рабочую силу, быть более конкурентоспособным по сравнению с предприятием со стандартными трудовыми отношениями), а минусы, кроме гипотетического штрафа за неоформленного работника, минимальны. Однако минусов для наемного работника намного больше: меньше зарплата, меньше пенсия и урезанные социальные гарантии на фоне отсутствия плюсов. Вряд ли работники соглашаются на такие условия труда по желанию — скорее они вынуждены так работать. Впрочем, для некоторых групп наемных работников (подрабатывающие студенты, матери малолетних детей) нестандартные трудовые отношения имеют определенные выгоды, но только в краткосрочной перспективе (пока студенты учатся, а дети не пошли в школу), а затем преимущества нивелируются и переходят в ограничения (меньшая заработная плата, отсутствие социального пакета, оплачиваемых отпусков и больничных).

Причины распространения нестандартных трудовых практик

Позитивными результатами роста нестандартных трудовых практик располагают предприниматели, или работодатели, тогда как негативные последствия в основном падают на плечи наемных работников. Соответственно, прекаризация выгодна предпринимателям и невыгодна наемным работникам, что делает актуальным марксистский анализ, согласно которому причиной роста нестабильности в трудовых отношениях выступает снятие капитализмом ограничений на реализацию своей основной функции — систематическое получение прибыли. «Капитализм — историческая социальная система, в которой капитал используется для накопления еще большего капитала» [4. С. 76]. В этой системе максимизация прибыли — основная цель предприятия. Ресурсы предприятия, затрачиваемые на другие цели (налоги в социальные фонды, оплачиваемые отпуска, затраты на пенсии и т.д.), являются непроизводственными расходами, снижающими прибыль. Капитализм признает большие затраты на рабочую силу, но только в условиях ее дефицита. Если предложение рабочей силы на рынке труда превышает спрос, то капитал не повышает издержки на нее, что сегодня и происходит во всем мире, но по разным причинам: на Западе — вследствие автоматизации производства, переноса промышленности в страны с низкой стоимостью рабочей силы; в России — вследствие деиндустриализации 1990-х, повышения пенсионного возраста и т.д.

В рамках капиталистической системы самым рациональным действием считается снижение затрат на рабочую силу. Это системное требование капитализма, вытекающее из его природы, и, наоборот, поддержание затрат на непроизводственные расходы — иррационально, в конечном итоге ведет к банкротству предприятия, так как увеличивает себестоимость выпускаемой продукции и делает товар неконкурентоспособным. Иными словами, предприниматели распространяют нестандартные трудовые отношения не в силу своих психологических особенностей (жадность, эгоизм, любовь к деньгам), а выполняя системные требования капиталистической системы. Но реализация основной функции капитализма в чистом виде самоубийственна для общества — ведет к пауперизации, росту алкоголизма, преступности, социальной революции [7. С. 175—176]. Для предотвращения этих явлений общество накладывает системные ограничения на максимизацию прибыли (налоги, бессрочные договора, пенсионное обеспечение, социальное страхование и т.д.) [7. С. 198]. Эти ограничения росли до конца 1970-х годов, а затем «мятник истории» качнулся назад: компании получают все большую прибыль, но в тоже время растет нестабильность трудовых отношений. Экономический рост и увеличение precarious (нестабильных) слоев взаимосвязаны. В настоящее время наблюдается парадоксальное явление — экономический рост сопровождается если не пауперизацией наемных работников, то отсутствием роста их доходов и ухудшением их положения на рынке труда. «Экономический рост сигнализирует о росте изобилия для немногих избранных при резком ухудшении социального положения бесчисленного множества прочих людей и снижении их самоуважения» [1. С. 50].

В научной литературе называются следующие причины роста нестандартных трудовых отношений: глобализация [12], развитие новых технологий [4], изменение трудовых ценностей [6; 14], неолиберальная социальная политика [5]. Эти факторы действительно ухудшают положение наемного работника, подвергая коррозии стандартные трудовые отношения, однако системообразующей причиной является общая динамика капитализма на современном этапе — он не имеет системных ограничений для своей экспансии, и именно она создает благоприятные условия для глобализации, развития новых технологий, изменения ценностей и неолиберальной политики. Эти факторы взаимосвязаны и служат ключевой цели капиталистической системы — максимизации прибыли.

Именно стремление к прибыли заставляет предпринимателей переносить производство в страны с низкой стоимостью рабочей силы, слабым трудовым и экологическим законодательством, т.е. осуществлять глобализацию [12. С. 53]. Другой причиной роста нестандартных трудовых отношений является внедрение новых технологий, автоматизирующих производство и снижающих затраты на рабочую силу, т.е. увеличивающих прибыль и исключаящих миллионы людей из процесса труда [4. С. 61—113]. Сложившаяся ситуация преподносится как объективный процесс, прогрессивное движение, освобождающее человека от рутинных операций, однако при этом умалчивается, что освобождение человека сопровождается сокращением оплачиваемого труда и ростом прекаризации. Таким образом, глобализация и технологические инновации, влекущие за собой прекаризацию, производны от капитализма как социально-исторической системы.

Еще одной причиной роста прекаризации является изменение ценностей труда [6; 14]. Сегодня все меньше людей готовы работать на неинтересной рутинной работе со стабильным графиком — люди предпочитают профессии, носящие творческий характер, в которых высока доля неопределенности, что обесмысливает стандартный договор с фиксированным временем, унаследованный от фордистско-тейлоровской конвейерной системы. Набирают популярность идеи постоянной мобильности, образования через всю жизнь, творческого роста, который якобы невозможен на одном месте, и т.п. Однако творческий рост и мобильность приносят плюсы только отдельным, как правило, высокообразованным и обладающим социальным капиталом работникам, кто изначально находится в привилегированном положении, а для всех остальных они сопровождаются ростом неопределенности и постоянном пребыванием «в начале карьеры» со всеми вытекающими последствиями.

По данным нашего опроса 47% работающих без оформления трудового договора сменили в течение последних трех лет работу, среди работающих по бессрочным договорам — 19%, среди неформально трудоустроенных, кто сменил работу, каждый второй при этом сменил и профессию (52%). У каждого четвертого (24%) неоформленного работника трудовая деятельность совершенно не соответствует образованию, среди работающих по бессрочным договорам таких вдвое меньше — 10%. Работающие без оформления трудовых отношений более мобильны в трудовой сфере, но является ли эта мобильность их свободным выбором или же «ловушкой бедности», в которой человек не имеет возможности расти профессионально, повышать свою квалификацию и претендовать на более высокую оплату труда и социальные гарантии, будучи всегда «новичком», вынужденным начинать все «с нуля»? Апологетика постоянной мобильности и неопределенности является идеологическим оправданием отказа от стандартных форм труда.

Еще одной причиной роста неопределенности в труде является государственная социальная политика, которая заключается в отказе от социальных обязательств перед населением и предоставления льгот предпринимателям, т.е. государство «слабеет» [5]. Для крупных предпринимателей создаются особые экономические зоны, зоны опережающего развития, офшоры, где не действуют общие правила налогообложения, в случае кризиса государство оказывает им финансовую помощь, т.е. создает режим максимального благоприятствования. С мелкими и средними предпринимателями слабость государства проявляется в невозможности фискального надзора. Сегодня сложно получить максимальную прибыль, если соблюдать трудовое законодательство, поэтому его и не соблюдают. «Слабость государства» является производной от «силы капитала», т.е. следствием снятия капитализмом системных ограничений на выполнение своей основной функции — максимизации прибыли.

Библиографический список

- [1] *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всех прочих? / пер. с англ. Н. Эдельмана. М., 2015.
- [2] *Бирюков А.А.* Появление прекариата или возвращение пролетариата? // Социологические исследования. 2015. № 10.
- [3] *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. М., 2014.
- [4] *Коллинз Р.* Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? / пер. с англ. Г. Дерлугьяна. М., 2015.

- [5] *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М., 2006.
- [6] *Пинк Д.* Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.
- [7] *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева; под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб., 2002.
- [8] Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. М., 2018.
- [9] *Раковски К.А.* Конвергенция и дивергенция в дебатах латиноамериканистов о неформальном секторе // *Экономическая теория преступлений и наказаний*. 2000. № 2.
- [10] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) // <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>; <http://www.hse.ru/rhms>.
- [11] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 2017.
- [12] *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
- [13] *Федченко А.А., Колесникова О.А., Дашкова Е.С., Дорохова Н.В.* Неформальная занятость: теоретические основы, исследование, прогноз. Воронеж, 2016.
- [14] *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. Р. Хусаинов. М., 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-543-552

Non-standard work: Who wins? Theoretical-methodological analysis of the approaches to the study of non-standard employment*

R.I. Anisimov

Russian State University for Humanities
Miusskaya Pl., 6, Moscow, Russia, 125993
(e-mail: ranisimov@list.ru)

Abstract. The article considers main approaches to the study of non-standard labor relations. Based on the conceptual model proposed by C. Rakowski, three approaches to the analysis of non-standard labor relations are presented: structuralist, neo-Marxist, and legalist. The author identifies methodological limitations and heuristic potential of these approaches, and using statistical and sociological data claims that non-standard labor relations are widespread in Russia (from 32 to 59 million people). The article presents different estimates of non-standard labor relations: some authors focus on their advantages, others — on disadvantages depending on the ideological positions and the object of analysis. The author insists on the methodological confusion in the study of non-standard labor relations in the legalist approach which combines informal economy with non-standard employment, making it difficult to consider beneficiaries and ‘victims’ of the emerging system. According to the studies, the benefits of non-standard labor relations are typical for entrepreneurs, while disadvantages — for employees. The author proposes to distinguish employees from non-standard labor relations and entrepreneurs in the informal economy, which allows to combine all concepts of non-standard labor relations and to identify winners and losers of such relations.

* © R.I. Anisimov, 2019.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00024.

The article was submitted on 28.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

The article also mentions reasons for the growth of non-standard labor relations: globalization, automatization of labor, changes of labor values, and social policy — under the evolution of capitalism as a historical system.

Key words: non-standard labor relations; informal economy; capitalism; entrepreneur; employee; precariat; globalization; labor values; automation; social policy

References

- [1] Bauman Z. *Idet li bogatstvo nemnogh na polzu vsehk prochih?* [Does the Richness of the Few Benefit Us All?]. Moscow; 2015 (in Russ.).
- [2] Biriukov A. Poyavlenie prekariata ili vozvrashchenie proletariata? [Emergence of precariat or return of proletariat?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 10 (In Russ.).
- [3] Wallerstein I. *Istorichesky kapitalizm*. [Historical Capitalism]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [4] Collins R. Sredny klass bez raboty: vykhody zakryvayutsya [Middle class without work: Exits closed]. *Est li budushee u kapitalizma?* Moscow; 2015 (In Russ.).
- [5] Creveld M. van. *Raszvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [6] Pink D. *Natsiya svobodnykh agentov. Kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn Ameriki* [Nation of Free Agents. How New Independent Workers Change the Life of America]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [7] Polanyi K. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. Saint Peterburg; 2002 (In Russ.).
- [8] *Rabochaya sila, zanyatost i bezrobotitsa v Rossii (po rezultatsam vyborochnykh obsledovaniy rabochej sily)* [Labor Force, Employment and Unemployment in Russia (based on the sample labor force surveys)]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [9] Rakowski C.A. Konvergentsiya i divergentsiya v debatakh latinoamerikanistov o neformalnom sektore [Convergence and divergence in the Latin American debate on the informal sector]. *Ekonomicheskaja Teorija Prestuplenij i Nakazaniy*. 2000; 2 (In Russ.).
- [10] Rossijsky monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdoroviya naseleniya NIU-VShE (RLMS-HSE) [Russian monitoring of the economic situation and public health by the HSE (RLMS-HSE)]. <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (In Russ.).
- [11] *Rossijsky statistichesky ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [12] Standing G. *Prekariat: novy opasny klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [13] Fedchenko A.A., Kolesnikova O.A., Dashkova Ye.S., Dorokhova N.V. *Neformalnaya zanyatost: teoreticheskie osnovy, issledovanie, prognoz* [Informal Employment: Theoretical Foundations, Research, Forecast]. Voronezh; 2016 (In Russ.).
- [14] Florida R. *Kreativny klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushee* [The Creative Class. People Who Create the Future]. Moscow; 2016 (In Russ.).

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-553-562

Эссе о неолиберализме*

А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: schabaga@gmail.com)

Сравнение либерализма и неолиберализма показывает, что концептуальные противоречия либеральных идей возникают при гипостазировании разных форм социального бытия, поэтому политический либерализм будет так или иначе противоречить культурному либерализму, а правовой рано или поздно войдет в конфликт с экономическим. Что касается принципиальных расхождений между концепциями либерализма и неолиберализма, то они не обнаруживаются: и либерализм, и неолиберализм основываются на одних и тех же ценностях, и различия заключаются лишь в сфере их приложения. Либерализм как политическая практика предназначен в основном для внутреннего потребления, неолиберализм — для внешнего. Иными словами, неолиберализм, являясь составной частью либерализма, представляет собой внешнеполитическое измерение либеральных концептов. Внешней политике имманентно присуща агрессия: предтечами современных неолибералов следует признать ряд французских революционных правительств. В качестве доказательства укажем на внешнюю политику Конвента, которая явно переросла либеральные идеи Просвещения и была направлена на силовую реализацию либерализма в масштабе Европы. Суть либерализма проявляется в вытеснении прежних, отчасти еще традиционных социальных, политических и хозяйственных практик и замещении их унифицированными, которые должны стать нормой для всего человечества. Что касается неолибералов, то они предпочитают продвигать свое влияние посредством институционального давления, используя международные неправительственные организации, транснациональные компании, а также связанные с ними руководства ряда стран разного уровня развития. Эти организации, набирая кадры для менеджмента по всему миру и постоянно их перетасовывая, перемещая их из страны в страну, пытаются создать новую управленческую культуру, предназначенную для неолиберальной модели управления, ориентированной на глобальный масштаб. Цель неолибералов по большому счету неотличима от целей либералов (можно спорить только о средствах) и представляет ее внешнеполитическую компоненту: она заключается в реформировании социального пространства в глобальном масштабе. Внешне это выглядит как упразднение прежних государств и введение новой социально-политической системы, что можно увидеть в Евросоюзе, где прежние государства постепенно замещаются регионами и проводится социальная политика, направленная на формирование новоевропейской идентичности.

Ключевые слова: неолиберализм; либерализм; новое социальное пространство; либеральный империализм; социальные доктрины; новая идентичность

* © Шабага А.В., 2019.

Статья поступила 28.01.2019 г. Статья принята к публикации 28.02.2019 г.

Сегодня одной из внедряемых в общественное сознание концепций социального развития является неолиберализм, поэтому воздействие неолиберальных практик ощущаются практически повсеместно. И хотя неолиберализм, являясь частью либерализма, вынужден конкурировать с другими парадигмами — реалистической, марксистской, геополитической, националистической, его теоретическая модель и социальный инструментализм по-прежнему обладают хорошим потенциалом. Отчасти это объясняется сильнейшим политическим нажимом, направленным на продвижение неолиберализма, помогающего верхушке мировой элиты эффективно контролировать глобальные процессы; отчасти — его укорененностью, поскольку неолиберализм, как и любая другая социальная теория, претендующая на универсальность, имеет давнюю предысторию, насчитывающую много веков.

Этимологически либеральные концепции связаны с издревле существующим понятием свободы. Например, древние греки, рьяно отстаивавшие свою свободу от посягательств иноземцев, считали, что свобода может существовать постольку, поскольку есть несвобода. Поэтому они не только допускали существование несвободных народов, но мирились и даже оправдывали институт рабства. В силу таких кажущихся сегодня странными обстоятельств истоки античного либерализма следует искать в концепциях гражданского общества, т.е. в тех социальных феноменах и конструктах, которые предусматривали сообщество полноправных граждан. В связи с этим нужно отметить, что древние греки не стремились к противопоставлению гражданских и государственных институтов, а, напротив, выступали за их отождествление, видя в этом искомую социальную гармонию. Платон, Аристотель и ряд других греческих и римских авторов понимали под гражданским обществом прежде всего государство, полагая, что только оно может быть продуктом наличествующего или идеального гражданского общества. В этом смысле неслучайно, что, рассуждая о социальном идеале, Платон создал диалог «Государство», доказывая, что реализовать свой идеал общество может лишь в рамках государственных институтов [15. С. VIII, 544d—545a]. И хотя Платона нельзя отнести к либералам, его конструкт стал призывом к созданию общества граждан, в котором существует гармония взаимных прав и ответственности.

Значительно позже благодаря Т. Гоббсу возникло, пусть и не вполне определенное, разделение понятий государства и гражданского общества [3. С. 331]. Потом эти понятия были противопоставлены друг другу, а в дальнейшем достигли градуса противостояния. Вот как описывал вредное воздействие государства на граждан один из основателей современного либерализма У. Годвин: «Как только политические учреждения начинают указывать каждому, чем ему заниматься, все делается нехотя и с безразличием» [9. Р. 670]. Это замечание было своеобразным перетолкованием «*laissez-faire*» — максимы, восходящей к Кольберу и физиократам, стремившимся избавить хозяйственные отношения от мелочной опеки государства. Позже на этой основе был сформулирован принцип невмешательства, который был распространен и на социальные отношения, и его расширенное толкование подразумевало, что не только государство не должно произвольно регу-

ликовать общественную жизнь, но и общество не должно вмешиваться в частную жизнь граждан. Усилиями Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и ряда других французских либералов эта идея была брошена в интеллектуальный мир Западной Европы, став теоретической основой борьбы за социальные изменения. Даже далекий от либерализма Г.В.Ф. Гегель, избрав гражданское общество в качестве объекта рассмотрения, обратил внимание на его двусоставность: «Одним принципом гражданского общества является конкретное лицо..., опосредованное только формой всеобщности, другим принципом — гражданское общество» [2. С. 289].

Усилия ученых, направленные на пропаганду гражданского общества, привели к тому, что, начиная со второй половины XIX века, его элементы стали проявляться в странах Запада. При этом рыночная компонента гражданского общества, являясь родовым пятном учения физиократов, воплотилось во фритредерстве (требовании свободной торговли), которое англичане навязывали всему миру. В результате их усилий рыночная составляющая либерализма стала доминировать над социальной, и в 1920-е годы либеральное движение Западной Европы свело весь комплекс либеральных идей к двум основным пунктам. Во-первых, к рыночным отношениям, которые были не только выделены из концепта гражданского общества, но и, по сути, стали первенствовать. И, во-вторых, к демократии, под которой понимался политический режим, где соблюдаются права человека. В результате под правами человека стали пониматься, прежде всего, права предпринимателя. В 1944 году либеральный концепт общественного устройства достиг своей вершины в книге Ф. фон Хайека «Дорога к рабству», где конкуренция противопоставлялась рабству и читателю предлагалось сделать несложный выбор из двух предложенных категорий. Из книги можно было узнать, что предназначение общества заключается в том, чтобы беречь и постоянно совершенствовать правовую систему, обеспечивающую конкурентную среду в экономике [8. С. 37]. Иными словами, социальная жизнь уподоблялась производству, а гражданское общество — организации свободных предпринимателей, производящих товары и услуги.

Из этого неявно следовало, что главным препятствием для гражданского общества оставалось государство, которое своими регулятивным вторжением не столько защищает рынок и демократию, сколько мешает их естественному развитию. Решать проблему государства либералы предполагали институционально — за счет замены ряда прежних институтов новыми. Действовали они не торопясь, но очень последовательно: за полтысячелетия, используя в качестве инструмента войны, революции и народные движения, либералам удалось радикально изменить социальный ландшафт Европы и Америки. В XVI веке они предприняли атаку на политические институты и церковь, реформативизировав, после победы в 1648 году, европейский Запад в политическом (возникновение национальных государств) и религиозном (частичная эмансипация от церкви) отношениях. Затем под удар попали институты образования и экономики (в эпоху Просвещения), когда радикальная критика прежней системы знания привела к требованиям пересмотра существовавших социально-экономических отношений. Революции в Нидерландах, Англии, Америке и Франции, с сопутствующими им разрушительными войнами, утвердили в Западной Европе и Северной Америке

новый — буржуазный — порядок, который стал быстро захватывать и сопредельные регионы. Утвердившись в XIX веке и выдержав смертельную схватку с социалистическим порядком в XX веке, либералы продолжили наступление на те традиционные ценности, что уцелели к XXI веку. Наиболее показателен в этом отношении либеральный натиск на институт семьи, кризис которой мы сегодня наблюдаем (наиболее яркий, но далеко не единственный, пример — наблюдаемая на Западе тенденция *childfree*).

Воздействуя на социальные институты и изменяя их в нужном для себя направлении, либералы достигли немалых успехов, но для сокрушения их главного врага — государства — предпринятых усилий оказалось недостаточно. Региональные сообщества не были готовы принять новую организацию социального бытия, в котором не было бы места государству в его традиционном понимании. Поэтому в качестве очередного шага в борьбе с идеей государства либералы выдвинули два «государственных» концепта, нашедших наиболее наглядное воплощение на европейском Западе: во-первых, в пропаганде, а затем в создании надгосударственных образований, первоначально трактуемых как сверхгосударства (Евросоюз); во-вторых, в концепте регионализации государств, идея которого заключается в том, чтобы совокупность слабых регионов заменило сильное государство (концепция «Европа регионов»). Формально и тот, и другой проект не отвергают идеи государства: в первом случае речь идет о создании региональных надгосударственных объединений, которые, достигнув стадии предельного развития, сольются в единую мировую сверхорганизацию, а поскольку она останется одна и ей будет не с кем конкурировать во внешнеполитическом отношении, ряд государственных функций отомрет немедленно, а остальные — по мере их замещения общественными учреждениями. Во втором случае идея заключается в том, чтобы посредством создания многочисленных межгосударственных регионов и передачи им значительной части полномочий государство размывалось изнутри, и этот социальный эксперимент в рамках концепции «Европа регионов» проводится в Евросоюзе.

Следует сказать, что неолиберальная идея европейского сверхгосударства существует давно. Проект соединенных штатов Европы был впервые озвучен В. Гюго на открытии парижского конгресса мира в 1849 году [4. С. 50]. В дальнейшие 170 лет борьба за его воплощение шла между либералами, консерваторами, анархистами и коммунистами. До I Мировой войны казалось, что основная борьба разворачивается между либералами и консерваторами, но затем в нее включились коммунисты. Это привело к тому, что в период между 1945 и 1990 годами в Европе была осуществлена попытка реализации двух проектов одновременно — коммунистического на Востоке и либерального на Западе. Последний имел непростую историю, связанную с двумя англо-саксонскими концепциями: об устройстве Европы после II Мировой войны лидеры англо-саксонского мира задумались еще в 1941 году, предложив странам антигитлеровской коалиции Атлантическую хартию. При этом истолковывали они ее по-разному: либеральной трактовке Ф. Рузвельта, выступавшего за регионализацию и институционализацию мирового

сообщества, противостояла консервативная интерпретация У. Черчилля, чья идея заключалась в создании сверхгосударств — прежде всего, англо-французского монстра, состоящего из колониальных империй обеих стран. Однако в силу несовпадения английских и французских интересов и отсутствия поддержки США концепция Черчилля оказалась столь же мертворожденной, как и предыдущая попытка объединения Англии и Франции, относящаяся к одному из эпизодов Столетней войны и связанная с именем Генриха V.

Первоначально казалось, что соперничество подходов закончится победой американской модели, поскольку она основывалась на политической, военной и финансовой мощи США. Но впоследствии выяснилось, что победа не столь очевидна, поскольку влияние идей европейских ученых и политиков внесло консервативную составляющую в либеральный концепт США. И дело здесь не столько в Черчилле, пытавшемся после войны активно влиять на американскую политику. Еще до II Мировой войны часть немецких либералов, придя к выводу о нецелесообразности требования всей совокупности человеческих свобод, перешла к отстаиванию экономических свобод. Ограничение понятия социальной свободы как своеобразный маркер консервативной компоненты стало очевидным критерием отличия неолибералов от либералов. В дальнейшем концепция уменьшения роли политической составляющей в пользу экономической была распространена по обе стороны Атлантики. Значительную роль в этом сыграло образованное в 1947 году общество «Мон Пелерин»: его основатели В. Ойкен, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек вместе со своими заокеанскими коллегами М. Фридманом и Дж. Бьюкененом заложили основы того направления социального развития, которое получило название «неолиберализм».

Первые попытки научного поиска нового пути либерального развития были предприняты в Германии, где ученые фрайбургской школы (В. Ойкен, Ф. Бём, А. Рюстов и др.) попытались найти выход из тупика, в котором оказалось мировое сообщество после I Мировой войны. Фрайбуржцы в ситуации, когда конфронтация между капитализмом и коммунизмом нарастала, указывали на необходимость разрешения мирового кризиса переходом на иной путь развития — свободный компромисс между социализмом и капитализмом, именуемый ордолиберализмом, в котором фрайбуржцы видели гармоничное сочетание порядка (*ordo*) и свободы (*libertas*). Это заставляло соотносить их учение со схоластическими конструкциями Фомы, особенно в той части «Суммы теологии», где Аквинат рассуждает о свободе выбора (*de libero arbitrio*) и предопределении как Божественном порядке [17. С. LXXXIII]. Однако сами представители ордолиберализма не считали предлагаемый ими путь социального развития «третьим путем». Так, Ойкен заявлял, что перед обществом стоит выбор «или—или» между централизованным управлением и конкурентным порядком [7. С. 325—326]. Сам он, как и другие фрайбуржцы, естественно, выступал за порядок. В то же время использование Ойкеном конструкции «или—или» представляет собой явную отсылку к С. Кьеркегору [6. С. 39—40] и неявную к Сократу [10. С. 164]. Из них можно заключить, что поскольку оба выбора являются не оптимальными, а просто возможными, Ойкен склонялся в пользу меньшего зла — конкурентного порядка. Отметим, что теоретический

сдвиг в сторону ограничения или «упорядочивания» свободы Ойкен и его единомышленники не считали движением в сторону капитализма. Хотя сомнений в том, что именно государство будет обеспечивать конкуренцию и осуществлять надзор за порядком вроде бы ни у кого не должно было быть.

Несмотря на то, что понятия «государственный капитализм» и «государственный социализм» были известны, по крайней мере, начиная с К. Родбертуса [16. S. 82], вводить термины «государство» и «капитализм» в свои концептуальные построения либералы считали неприличным. В 1938 году это отметил А. Рюстов на парижском коллоквиуме У. Липпмана. В противовес прозвучавшим на коллоквиуме предложениям именовать новое направление социального развития неокapитализмом или социальным либерализмом Рюстов предложил термин «неолиберализм» [13. S. 13] — либеральный общественный строй (основанный на демократии и рынке), обеспеченный мощью сильного государства [12. S. 53], правда, роль государства должна ограничиваться обеспечением правовой защиты рыночной демократии. В первую очередь, это означало, что государство должно препятствовать любым проявлениям коллективизма, которые неолибералы считали первым шагом к социализму и тоталитаризму [18. P. 38].

С 1990-х годов среди неолибералов распространилось мнение, что экономическая составляющая настолько доминантна по отношению к социальной, политической и культурной, что мировой рынок, ставший действительно глобальным, сделал необратимым торжество неолиберализма на всей планете. Наиболее показательна в этом отношении известная работа Ф. Фукуямы, где автор поспешил объявить об окончательной победе неолиберализма, который он, подобно коммунизму К. Маркса, пытался выдать за предел общественного развития. Но жизнь быстро опровергла эти надежды, и строительство на родине Фукуямы — в Соединенных Штатах — стены с Мексикой на протяжении всей трехтысячекилометровой границы с элементами военной фортификации является наглядным подтверждением того, что ни о какой победе неолиберализма не может быть и речи. Социальная действительность, будучи надежным оселком прогностической надежности этой и любых других теорий, наглядно показала ее пустопорожность. Иными словами, концепция Фукуямы, как и построения других апологетов неолиберализма, согласно которым неолиберализм — это навсегда [14], стала частью того переизбытка информации, который лишь загромождает социальное пространство и «аннулируется в эквивалентности молчания» [1. С. 126]. С другой стороны, наличие стены между соседями и даже партнерами — ранее в рамках вполне либеральной NAFTA, а теперь USMCA — является материальным показателем различий между неолиберальными и либеральными практиками (США и Мексикой соответственно).

Однако встречаются и те, кто утверждает, что есть только либерализм, а неолиберализм представляет собой выдумку. В их числе — знаменитый писатель и общественный деятель М. Варгас Льоса. В своей работе с претенциозным заглавием «Либерализм в новом тысячелетии» он утверждает, что «либерализм является теорией, которая, помимо относительно простого и четкого сочетания основных принципов, построенных вокруг защиты политической и экономической свободы

(т.е. демократии и свободы рынков), включает в себя великое множество течений и направлений. Но то, что никогда не входило в это понятие и никогда не будет включено в него, так это та карикатура на него, которую предлагают его враги под названием „неолиберализм“» [19. Р. 16—17]. Терминологическое затруднение, на которое указал Варгас, не лишено оснований: принципиальную разницу между либерализмом и неолиберализмом установить довольно трудно — оба направления, по сути, ориентированы на одни и те же ценности, главными из которых являются рынок и демократия. Можно, конечно, дать компромиссное объяснение, заключающееся в том, что неолиберализм — это современный либерализм, т.е. «нео» означает небольшие концептуальные отличия, связанные со структурными изменениями самого общества.

Попытка определить — в контексте либеральной традиции — отличия современного общества от прежнего должна привести нас к международной компоненте социальных изменений, известной как глобализация. Неолиберализм в большей степени, чем либерализм, направлен на социальную трансформацию, и его адепты стремятся распространить свое теоретическое и социально-политическое влияние до крайних пределов Земли. Иными словами, классический либерализм был по большей части ориентирован на внутреннее потребление, имея в виду эмансипацию общества от государства, а современный неолиберализм внутренняя эмансипация занимает куда меньше, чем перенос требований либерализации на регионы, далекие от его места развития, т.е. он имеет явно выраженную внешнеполитическую направленность.

Смена либерального направления социального развития на неолиберальное происходила постепенно. В XVI—XIX веках либерализм был использован в ряде стран Европы и Америки как инструмент борьбы одной части общества («третьего сословия») с другой за власть. В ходе революций и последовавших за ними войн либеральные правительства стали контролировать значительную часть мира. Таким образом, по достижении успеха либерализм не только либерализовал государства, но и сам подвергся огосударствлению — превратился в один из атрибутов новой бюрократии, вставшей на стражу либеральных порядков, заключающихся в защите рыночных отношений и демократических процедур. Такое положение дел неминуемо вело к парадоксам, когда правительства, проповедовавшие либеральные ценности и выступавшие за права человека, в течение ряда лет поддерживали «охоту на ведьм» (маккартизм в США, запрет на профессию в ФРГ). В этой связи может возникнуть вопрос: не является ли либерализм тем учением, которое путает свободу с принуждением к свободе [5. С. 53]?

Объяснение подобных метаморфоз состоит в том, что, достигнув желаемого, победившие либералы меняли казавшиеся прежде незыблемыми либеральные максимы. Вот один из наиболее ярких примеров: в конце XIX века в Англии возникло межпартийное движение «либеральных империалистов», которое в 1902 году образовало Либеральную Лигу, в состав которой вошли члены бывших либеральных правительств и даже экс-премьеры. В программных документах Лиги утверждалось, что колониальная экспансия не противоречит традиционным ценностям английского либерализма [11. Р. 99—110]. Этот казус, весьма характерный для одного из центров европейской демократии и либерализма, показывает механизм

перехода от либерализма к тому, что впоследствии будет определено как неолиберализм: он состоит в постепенном замещении одних ценностей другими, что ведет к вытеснению прежних либеральных представлений и заменой их на новые, но название при этом остается практически прежним.

Противоречивость либеральных теорий и практик во многом объясняется многоликостью либерализма: в рамках разных концепций ему приписываются исключаяющие друг друга качества и функции. С либерализмом соотносят целый ряд противостоящих друг другу социальных направлений: от неоконсерватизма, проповедующего, вопреки названию, либеральные ценности, до либертарианства, отрицающего государственные институты в принципе. Упомянем также о различиях либерализма по социальным сферам: собственно социальная, политическая, правовая, культурная, экономическая — в каждой существует свое толкование свободы, которое может противоречить ее пониманию в другом направлении. Например, правовое понимание свободы в течение двух столетий основывается на соблюдении принципа гармонии множества свобод: моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого (Декларация прав человека и гражданина), т.е. свобода является одной из функций права. Но существует и социальное понимание свободы, согласно которому интересы индивида не могут быть выше интересов общества, что, разумеется, может являться источником конфликта и обвинений в нарушении свободы (личной или общественной). Возможно и телеологическое истолкование свободы, когда она объявляется целью, которую только стремится достичь общество и т.д.

Библиографический список

- [1] Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
- [2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
- [3] Гоббс Т. О гражданине // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., 1989.
- [4] Гюго В. Речь при открытии конгресса 21 августа 1849 года // Гюго В. Собрание сочинений в 15-ти тт. Т. 15. М., 1956.
- [5] Дёринг Д. Либерализм: размышление о свободе. М., 2001.
- [6] Кьеркегор С. Или—или. Фрагмент из жизни. СПб., 2011.
- [7] Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995.
- [8] Хайек фон Ф. Дорога к рабству. М., 2010.
- [9] Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice, and Its Influence on General Virtue and Happiness. L., 1793.
- [10] Diogenes Laertius. Vitae philosophorum.
- [11] Halévy É. Imperialism and the Rise of Labour. N.Y., 1951.
- [12] Köhler W. Crash 2009 — Die neue Weltwirtschaftskrise. Murnau am Staffelsee, 2009.
- [13] Mirowski P., Plehwe D. The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective. Harvard, 2009.
- [14] Moravcsik A. The Golden Moment // Newsweek. March 26, 2007.
- [15] Plato. Res publica.
- [16] Rodbertus K. Zur Beleuchtung der socialen Frage. B., 1875.
- [17] Thomas Aquinas. Sancti Thomae de Aquino Summa Theologiae.
- [18] Turner R.S. Neo-Liberal Ideology: History, Concepts and Policies. Edinburgh, 2008.
- [19] Vargas Llosa M. Liberalism in the new millennium // Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism. Washington, 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-553-562

An essay on neoliberalism*

A.V. Shabaga

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: schabaga@gmail.com)

Abstract. A comparison of liberalism and neoliberalism shows that conceptual contradictions of liberal ideas arise in the liberal hypostatization of various forms of social being. Therefore, the political liberalism will contradict the cultural one, and the legal liberalism will contradict the economic one. However, there are no fundamental differences between liberalism and neoliberalism: both are based on the same values and differ only in the sphere of their application. Liberalism, as a political practice, is intended mainly for the domestic use, while neoliberalism rather for the external use. In other words, neoliberalism, being an integral part of liberalism, presents the foreign-policy dimension of liberal concepts. Foreign policy is inherently aggressive: a number of French revolutionary governments should be recognized as the earliest forerunners of modern neoliberals. For instance, the foreign policy of the Convent clearly outgrew the liberal ideas of the Enlightenment and was aimed at enforcing liberalization on the European scale. The essence of liberalism is manifested in ousting the previous, partly traditional social, political and economic practices and in replacing them with the unified ones that should become the norm for the humankind. Neoliberals prefer to push their influence through the institutional pressure by using international non-governmental organizations, transnational companies, and the associated leaders of a number of countries of different levels of development. These organizations recruit personnel for management all around the world and constantly shuffle them, move from one country to another to create a new management culture intended for the neoliberal model of the global scale. The goal of neoliberals is almost the same as the goals of liberals (one can argue only about the means) and presents their foreign-policy version: neoliberals aim at reformatting the social space on the global scale by the abolition of the old states and introduction of a new social-political system, which is obviously manifested in the European Union, where the former states are gradually replaced by the regions, and the social policy aims at developing a new-European identity.

Key words: neoliberalism; liberalism; new social space; liberal imperialism; social doctrines; new identity

References

- [1] Baudrillard J. *Fatalnye strategii* [Fatal Strategies]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Right]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [3] Hobbes T. O grazhdanine [On the citizen]. *Collected Works*. Vol. 1. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [4] Hugo V. Rech pri otkrytii kongressa 21 avgusta 1849 goda [Opening speech at the International Peace Congress in Paris, August 21, 1849]. *Collected Works*. Vol. 15. Moscow; 1956 (In Russ.).
- [5] Doering D. *Liberalism: razmyshleniya o svobode* [Liberalism: An Attempt of Freedom]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [6] Eucken W. *Osnovnye printsipy ekonomicheskoy politiki* [Principles of Economic Policy]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [7] Kierkegaard S. *Ili-ili* [Either/Or]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [8] Hayek von F. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow; 2010 (In Russ.).

* © Shabaga A.V., 2019.

The article was submitted on 28.01.2019. The article was accepted on 28.02.2019.

- [9] Godwin W. Enquiry Concerning Political Justice, and Its Influence on General Virtue and Happiness. London; 1793.
- [10] Diogenes Laertius. *Vitae philosophorum* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers].
- [11] Halévy É. *Imperialism and the Rise of Labour*. New York; 1951.
- [12] Köhler W. *Crash 2009 — Die neue Weltwirtschaftskrise*. Murnau am Staffelsee; 2009.
- [13] Mirowski P., Plehwe D. *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Harvard; 2009.
- [14] Moravcsik A. The Golden Moment. *Newsweek*. March 26, 2007.
- [15] Plato. *Res publica* [The Republic].
- [16] Rodbertus K. *Zur Beleuchtung der socialen Frage*. Berlin; 1875.
- [17] Thomas Aquinas. *Sancti Thomae de Aquino Summa Theologiae* [The Sum of Theology].
- [18] Turner R.S. *Neo-Liberal Ideology: History, Concepts and Policies*. Edinburgh; 2008.
- [19] Vargas Llosa M. Liberalism in the new millennium. *Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism*. Washington; 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-563-580

Человеческое достоинство и способы его утраты, или Несколько рецептов, как стать счастливым*

Рецензия на книги: Бири П. Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства / Пер. с нем. Д.В. Сильверстова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 504 с.; Кетс де Врис М. Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя / Пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2018. 440 с.

Сегодня мы переживаем бум (научно-)публицистической литературы, которая в простой и убедительно-иллюстративной форме стремится (1) объяснить человеку, как устроен этот мир в целом или отдельные его области (от микробиологии до астрономии), (2) представить результаты драматических поисков ответов на экзистенциальные вопросы в нынешнем мире с размытыми и подвижными границами прежде незыблемых (по крайней мере, декларативно-официально) моральных норм. Вторая группа изданий уступает первой в объемах, но постепенно наращивает темпы публикации стратегий поиска ответов на сложнейшие вопросы человеческой жизни, одним из которых является обретение счастья, даже если оно упоминается лишь как один из множества сюжетов. К сожалению, далеко не всем подобным изданиям, даже написанным известными учеными, удастся выдержать баланс между научным объяснением и корректной популяризацией, и в рецензии мы бы хотели представить две книги, которые смогли этот баланс в той или иной мере соблюсти, попутно упоминая и счастье/несчастье.

Автор первой книги «Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства» — швейцарский писатель и философ Петер Бири: в 1971 году он получил докторскую степень в Гейдельберге по философии пространства и времени, занимался исследованиями по философии разума, эпистемологии и этике, а в 2007 году досрочно оставил профессорскую должность в Свободном университете Берлина, объяснив свой уход разочарованием в академической работе, обусловленным ростом менеджериализма. Аннотация справедливо представляет книгу как суммирующую весь спектр трактовок достоинства в «многоголосой оркестровке историй, притч, интеллектуальной игры, опираясь на примеры из собственной жизни, мировой литературы и кинематографа» (с. 4), что позволяет отнести ее к «жанру философски-беллетристического эссе, где художественная манера

* © Троцук И.В., Гребнева В.Е., 2019.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00993 «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации».

Статья поступила 25.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

изложения сочетается с терминологической точностью и единообразием ключевых понятий и определений..., философский анализ граней человеческого достоинства иллюстрируют эпизоды из жизни и художественных произведений..., хорошо знакомых западному читателю (впрочем, не только ему)» (с. 5).

Структурно книга состоит из введения и восьми глав, разбитых на параграфы. Практически каждый параграф выстроен следующим образом: автор рассматривает конкретный пример, с которым столкнулся он сам, его знакомые, персонажи художественных произведений или фильмов, а после переходит к абстрактному осмыслению этого случая и возможных вариантов развития событий. Текст насыщен рассуждениями в формате «разговоров» о сути и формах человеческого достоинства, которые подкрепляются примерами из кинофильмов, романов, пьес, а также ситуациями из жизни. Несмотря на художественный стиль изложения, автор придерживается терминологической точности и единообразия ключевых понятий, которым дает развернутые определения, что помогает читателю не терять нить рассуждений.

Во Введении Бири определяет философию как «попытку, прибегая к системе понятий, осветить важные моменты в нашем жизненном опыте», и использует ее, чтобы дать определение человеческому достоинству — это повседневное понятие, ставшее разговорным клише и воспринимающееся как само собой разумеющееся, но на самом деле оно может показаться странным и даже загадочным, как только мы пытаемся сосредоточиться на его содержании. В поисках определения человеческого достоинства можно пойти двумя путями: первый — трактовка достоинства как «свойства, каковым люди обладают в силу того, что являются людьми... это особое свойство, имеющее характер права: права на то, чтобы тебя уважали и соответствующим образом к тебе относились» (с. 11—12); соответственно, достоинство не может быть у человека отнято и не зависит от действий других. Бири предлагает читателям пойти вторым путем — рассмотреть достоинство как определенный модус и образ жизни, модель того, как человек думает, переживает и поступает: для этого не нужно обращаться к метафизической картине мира — лишь пристально взглянуть в многообразный опыт, который мы пытаемся уловить в понятии «достоинство», и переосмыслить его.

В такой трактовке достоинство имеет три измерения (с. 13—14): в первом множестве граней достоинства можно увидеть в зависимости от отношения окружающих, т.е. это «нечто, определяемое другими»; второе измерение также касается взаимоотношений с окружающими, но достоинство зависит от позиции по отношению к ним — в первом случае ответственность за достоинство лежит на других (в их власти сохранить или разрушить его), во втором — на человеке (удастся ему жить достойно или нет); в третьем измерении речь идет об отношении человека к самому себе. Три измерения жизненного опыта сливаются в понятии достоинства как «многослойном опыте, где слои иногда накладываются друг на друга, и границы между ними становятся неразличимыми, и задача... — суметь увидеть их в различных элементах нашего опыта» (с. 14).

Понятие достоинства неразрывно связано с понятием счастья, потому что «потерю собственного достоинства мы переживаем как несчастье..., такая утрата

бросает тень на всю нашу жизнь, омрачает ее настолько, что мы уже не можем ее жить, разве что выносить» (с. 14—15). Все три измерения достоинства переживаются людьми через опыт утраченного, сохраненного или задетого достоинства, пересекаются и оказывают друг на друга влияние. Отдельные случаи, связанные с проявлением достоинства, могут становиться (моральными) дилеммами, которые автор реконструирует в разных жизненных ситуациях. Цель книги — понять, в чем именно состоит благо собственного достоинства и каким образом переплетение разнообразных граней человеческого опыта связано с этим понятием (с. 15). По сути, ответ, который дает автор в начале книги и на всем ее протяжении подтверждает разнообразными примерами, таков: «Наша жизнь... хрупка и постоянно находится под угрозой, внешней и внутренней. Жизненная форма достоинства — попытка противостоять этой угрозе... Для этого нужно не только не давать поглотить себя переживаемым ударами судьбы, но определенным поведением противостоять им, поведением, означающим: я принимаю вызов. Жизненная форма достоинства поэтому не просто некий жизненный феномен, но экзистенциальный ответ на экзистенциальный опыт угрозы» (с. 15—16).

Первая глава посвящена рассмотрению достоинства как самостоятельности, которую автор определяет как базовую человеческую потребность и внутренний компас, поскольку отсутствие самостоятельности, зависимость и бессилие несут прямую угрозу чувству собственного достоинства. Многообразие человеческого опыта проистекает из этой потребности и представляет собой постоянную работу над поддержанием равновесия между хорошими отношениями, без которых мы не можем обойтись как существа социальные, и потребностью в самостоятельности. Бири предлагает рассматривать достоинство как самостоятельность, апеллируя к понятию субъекта — что означает быть субъектом, какие качества приводят человека к тому, что он ощущает себя субъектом или, наоборот, объектом, предметом и вещью. «Субъект — это своего рода нарративный центр тяжести... В историях о том, где мы берем свое начало, как мы стали тем, что мы есть, и что мы намерены делать, возникает представление о самом себе... Образ самого себя, присущий каждому из нас как субъекту, это не только представление о том, какие мы есть, но также о том, какими мы хотели и должны были быть» (с. 23—24). Субъекты могут оценивать свое поведение, запрещать или разрешать себе действия, чувства, желания, могут, видя конфликт между желаемым и действительным, направлять себя в нужном направлении и подвергать самоцензуре, т.е. в состоянии сами определять собственную идентичность.

Если же человек ощущает, что его пытаются лишить достоинства, используют как средство достижения цели, которую ставят себе другие, не воспринимают всерьез, то он чувствует, что его презирают, пытаются лишить достоинства и уничтожить в нем субъекта. Сравнивая ярмарочное состязание в швырянии карликов и ситуацию паники на пожаре, когда люди, пытаясь спастись от огня, отталкивают друг друга, автор показывает, сколь различны эти ситуации в силу детерминирующих их мотивов. Спасаящимися от огня руководит слепая жестокость стремления выжить, бросают же карликов и наблюдают за этим ради собственного удовольствия — овеществляя людей, превращая их в игрушку. Бири приводит

примеры солдат на войне (их посылают на фронт, зная, что они превратятся в пушечное мясо) и скотобоен (фабрик смерти, где животные выступают как «вещи», выкормленные ради нашего пропитания). Можно привести и менее кровавые примеры, скажем, известный французский кинофильм «Игрушка»: в нем рассказана история унижительного положения, в которое попал по стечению обстоятельств главный герой Франсуа Перрен, в буквальном смысле купленный как игрушка богатым наследником. Несмотря на то, что, в конечном счете, герою удается сохранить/вернуть чувство собственного достоинства, фильм оставляет тягостное впечатление, иллюстрируя утверждение Бири, что «свобода принятия решений сама по себе еще не гарантирует сохранения достоинства (Перрен согласился «быть купленным» в качестве игрушки)... оно есть нечто объективное, что хотя и касается отдельного человека, все же выходит за его пределы и становится характеристикой всего образа жизни... нельзя преднамеренно ставить под удар собственное достоинство» (с. 36—37).

Угнетающая или безвыходная ситуация заставляет нас быть терпимыми к потере достоинства: «Унижение — это чувство, что у нас отнимают наше достоинство... Бессилие — это отсутствие определенной силы: той, которая требуется, чтобы осуществить некоторое желание..., имеющее решающее значение для нашей жизни (овладеть профессией, купить жизненно необходимые вещи и медикаменты, воспротивиться принуждению)» (с. 38). К унижению из-за бессилия всегда причастны двое (землетрясение, голод или эпидемия не могут вести к унижению): виновник и жертва, где первый целенаправленно и демонстративно унижает другого, испытывая чувство наслаждения от бессилия жертвы. Унижение — это демонстрируемое бессилие, к которому относится и произвол как проявление власти, например, увольнение без причины в фильме «Игрушка», где человека уволили из-за того, что у него вспотели ладони.

Бири называет несколько способов уберечь свое достоинство в унижительной ситуации: «бегство во внутреннюю цитадель» (с. 42) — внутреннее отстранение (может оказаться ложным рецептом); «права как бастион против зависимости от произвола и защитный вал против беспомощности» (с. 44) — человек не просит, а требует защиты, восстановления или подтверждения своего достоинства как субъект права. Бири предупреждает о важности различения навязывания чужой воли (угрозы, слежка, шантаж) и заботливой опеки (когда родители принимают решения за детей). Государство навязывает людям свою волю в виде законов, ограничивая свободу отдельного человека ради пользы общества (пристегивать ремни безопасности, не курить в определенных местах, не торговать наркотиками, не причинять другим вреда). Иными словами, «не всякая опека угрожает потерей достоинства. Это зависит от того, что именно отнимает у нас авторитет и самостоятельность и по какой причине... Хуже всего, если человека делают уступчивым посредством угроз, слежки, пыток и принуждают к тому, чтобы полностью отказаться от авторитета собственной жизни» (с. 46). Ничто не угрожает нашему достоинству, если мы можем подвергать сомнению аргументы, вступать в дискуссию и добиваться, чтобы нас выслушали.

Впрочем, возможна дилемма навязывания воли — заботливая опека несет опасность достоинству, если не соответствует воле человека: взрослые дееспособные люди могут переживать заботливую опеку как беспомощность и, в конечном счете, как умаление чувства собственного достоинства. На примере дилеммы врача автор рассуждает о ситуациях, в которых сталкиваются разные взгляды на жизнь: профессиональное достоинство заставляет врача следовать его медицинским и человеческим убеждениям, зная, что достоинство женщины из религиозной общины, которой вопреки ее воле будет проведено кесарево сечение, будет ущемлено (с. 60—61); возможна и обратная ситуация — если врач решит защищать достоинство и самоопределение пациентки, то поставит под угрозу свою профессиональную идентичность. Сам факт несамостоятельности, зависимости от чужой помощи не является угрозой достоинству: если я обращаюсь в отдел социального обеспечения, то мое взаимодействие с его функционером лишено личностного содержания — это взаимодействие имеющего право на помощь и обязанного ее предоставить. Однако функционер может унижить меня посредством демонстрации своей власти и моего бессилия (демонстративно заставляя меня ждать, намеренно игнорируя, вынуждая меня выпрашивать то, на что я и так имею право, и т.д.).

Помимо внешней самостоятельности, Бири говорит и о самостоятельности внутренней: способности определять, что думать и чувствовать (без подражания, привычки и подсказок), самостоятельно принимать решения — по собственной воле, не следуя чужим указаниям, умении совладать с аффектами или, напротив, иметь смелость допускать аффекты, которые являются частью идентичности и не делают меня жертвой заблуждений, самостоятельно определять свое поведение, не делегируя цензуру внешней инстанции — потребность во внутренней самостоятельности автор увязывает с потребностью в самопознании, называя эту взаимосвязь «достоинством в решении остаться самим собой» (с. 96).

В случае утраты внутренней самостоятельности Бири считает необходимой работу с психотерапевтом, поскольку она позволяет увидеть жизненную ложь и самообман, быть более правдивым с самим собой и называть вещи своими именами. Чувство утраты собственного достоинства может быть как следствием потери работы, что заставляет нас чувствовать, будто мы перестали чего-то стоить, так и следствием работы, которая делает человека несчастным, не соответствуя его способностям, знаниям и усилиям. «Есть работа, где люди остаются сами собой, почти как в игре. Работа, при которой человек может высказать собственное мнение. На другом конце шкалы находится работа, которую воспринимают, как подневольный труд. Ее выполняют по принуждению, либо следуя приказу, как в лагере, либо потому что это единственная возможность заработать на жизнь... Это отчужденный труд, в котором и из-за которого человек отчуждается от самого себя» (с. 114). Отчуждение выматывает человека, он превращается в рабочую машину и теряет себя как субъекта. Работа может отчуждать не только тяжестью или несоответствием ожиданиям и навыкам, но и если не имеет смысла, заставляет человека врать или не видеться с семьей, компенсируя это лишь высоким вознаграждением.

Фактически остальные главы книги уточняют и иллюстрируют названные в первой главе характеристики и измерения человеческого достоинства. Так, вто-

рая глава посвящена достоинству как встрече двух субъектов, поскольку чувство собственного достоинства основывается не только на самостоятельности, но и на характере отношений с другими. В поступках людей мы прослеживаем их мотивы, обусловленные переживаниями, и со временем учимся видеть в историях людей не столько факты, сколько их образ самих себя, многократно отцензурированный под влиянием изменчивых интересов и мотивов: «чем больше переживаемое нами переkreщивается с тем, что переживает другой, тем глубже духовная близость, возникающая между нами; она может быть близостью друзей, но и врагов» (с. 125).

Вовлеченная встреча двух субъектов предполагает разные форматы и этапы. Обычно она начинается с признательности — одни люди открыто замечают достижения других в работе или других сферах жизни и правильно их оценивают, что укрепляет чувство собственного достоинства, а противоположностью являются игнорирование и пренебрежение (или недооценка), которые выступают формой унижения. Другое необходимое измерение достоинства — равноправие, т.е. признание, что мы, как члены общества, имеем те же права, что и все остальные: люди тонко чувствуют неравное отношение, не только его формальную сторону, но и все взаимосвязи, в которых дело касается справедливости и дискриминации (разная зарплата за одинаковую работу, несимметричное распределение благ или шансов). В качестве примера Бири приводит сексуальную объективацию — когда человек сводится к набору частей тела, призванных удовлетворять чужие фантазии, что прослеживается в порнографии, проституции и пип-шоу (с. 147—150). Умалют достоинство пренебрежение, высмеивание (когда высмеивающие наслаждаются бессилием и унижением), сознательное утаивание информации о нас самих, отказ от обоснования поступков, которые касаются нас лично, манипулирование (введение в соблазн, пропагандистский язык с цепкими лозунгами и могущественными метафорами), обман и ложь, насилие (физическое, сексуальное, экономическое, психологическое), травля — агрессивное преследование одного из членов коллектива, дискриминация — лишение прав, предвзятое и несправедливое отношение на основании принадлежности к какой-либо социальной группе, газлайтинг — форма психологической манипуляции, призванная заставить человека сомневаться в адекватности восприятия действительности. Бири уверен, что «если мы хотим сохранить другому его человеческое достоинство, мы не должны связывать его заранее оговоренными ожиданиями... формировать для себя его законченный образ, под гнетом которого он мог бы и задохнуться... Человеческое достоинство неразрывно связано с готовностью меняться в зависимости от состояния взаимоотношений, вплоть до готовности эти отношения прекратить (достойно, с признательностью к другому и самокритично)» (с. 202).

Следующая грань достоинства — уважение личного пространства, которое выражается в проведении разделительной линии между частным и публичным — она варьирует от культуры к культуре и меняется с возрастом: «личное пространство не установлено изначально и навсегда, каждый человек, как и культура, властен свободно определять его размеры и границы, а также изменять их в течение жизни» (с. 234). Потребность скрыть часть жизни имеет двойкий характер: с одной стороны, мы стремимся скрыть недостаток, изъян, разоблачение которого мы вос-

принимаем как позор, утрату уважения и признания; с другой стороны, мы стремимся отграничивать себя от других, чтобы не стать «прозрачными» и доступными во всех своих проявлениях, даже если нам нечего скрывать — просто желая сохранить свой внутренний мир только для себя и не желая превратиться в объект неожиданного и нежелательного внимания. В том случае, если наш изъян оказывается разоблачен, мы испытываем стыд — «чувствует себя выставленными на посмешище, беззащитными перед осуждающими взглядами посторонних» (с. 216). Стыд обладает огромной властью, но получает убийственную силу только потому, что человек подчиняется укоряющему взгляду других. Соответственно, достоинство — это право не быть пристыженным и не быть униженным, борьба за которое начинается с вопроса к самому себе — действительно ли нужно воспринимать осуждение других как позор и бесчестие? Бири уверен, что нет никакой необходимости смотреть на себя глазами других — человек должен постоянно искать внутреннее равновесие, обретая собственный авторитет и голос, что ни в коей мере не отрицает необходимости раскаяния в случае вины, но за глубокой скорбью должно следовать примирение с собой без ретуширования прошлого — поиск «шаткого равновесия между несмываемым воспоминанием и стремлением к новой моральной целостности» (с. 231).

Границы личного пространства могут измениться изнутри и извне: в первом случае речь может идти об «отступлении во внутреннюю цитадель» (например, у занимающихся порнографией), ситуативном выплеске эмоций (перед судом, у могилы, с политической трибуны), приеме у психотерапевта (исцеляющие признания) или бездумном и беззастенчивом саморазоблачении на вечеринке, в социальных сетях, бульварной прессе или ток-шоу (за деньги), причем во всех случаях человек может испытывать чувство облегчения или же, в случае нарушения личных границ за большие деньги, даже кратковременную иллюзию счастья; во втором случае подразумевается социальное принуждение (вторжение папарацци или предательство близкого человека).

Не менее важными элементами достоинства являются правдивость и самоуважение. Ложь Бири рассматривает не только как обман других, но и как самообман (простые безобидные заблуждения или фальсификация представления о себе из нежелания знать правду из страха стать несчастным) — и то, и другое неизбежно сказывается на чувстве собственного достоинства, поскольку оно связано «со стремлением к правдивости, с желанием согласовывать с фактами все, что человек говорит, чувствует и делает» (с. 285). Жизненная ложь опасна тем, что неспособность к правдивости может привести к печальным моральным последствиям (например, когда хирург не признается себе, что его руки больше не слушаются, или алкоголик продолжает руководить строительными работами). Достоинство искренности и подлинность личности автор видит в мужестве принимать факты и даже неудобную правду: «облегчение, которое приносит смерть или разрыв отношений; потребность отомстить за обиду; саму обиду; гнев, ревность... признаться себе, что не испытываешь чувств — симпатии или сострадания... Если преодолеваешь разочарование и принимаешь собственный опыт таким, каков он есть, то чувствуешь, что как-то по-новому стал ближе самому себе» (с. 292). Бири

признает право человека защищать свою идентичность, в том числе ложью и самообманом, например, нам сложно смириться с грозящей опасностью (отрицание смертельной болезни) или невыносимой ситуацией (ложь как намеренный уход от реальности). Наиболее важный критерий подлинности — отсутствие искусственно поддерживаемого расхождения между знанием, поведением и чувствами. Однако нарушение табу и называние вещей своими именами не всегда освобождает: например, называние человека алкоголиком — это своеобразная «классификация, нечто бесповоротное... у алкоголика нет шансов перестать быть алкоголиком» (с. 306).

Важной гранью достоинства является «сохранение лица», т.е. социального фасада/роли, определенного представления себя другим. Утрата социального лица грозит незащищенностью и беспомощностью, поэтому мы не только заботимся о сохранении своего лица, но и помогаем сохранить его другим, для чего необходима «тонкая ложь» — утаивание правды в виде дипломатии, эвфемизмов и приукрашиваний (с. 307—308): это язык ничего не значащих компромиссов, мнимого уважения политического противника, мнимого успеха бесперспективных переговоров, мнимых достижений тех, кто потерпел неудачу. Используя этот вид лжи, все стороны понимают правила игры, но ведут себя так, как будто ложь — это правда, чтобы помочь кому-то сохранить лицо, защитить от жестокости в публичном пространстве.

По мнению Бири, достоинство человека наиболее ярко проявляется в ситуации угрозы и вызова, поскольку из самоуважения человек не пойдет на все ради цели — существуют границы его действий в виде поступков, которые он не совершил бы ни при каких обстоятельствах. Эти границы определяют индивидуальность человека и выступают в качестве моральных ориентиров. «При суждении относительно самоуважения и достоинства речь не идет о границах, устанавливаемых кем-то со стороны» (с. 321) — они задаются самим человеком и связаны с его образом себя, который, в свою очередь, может быть обусловлен социальной ролью и ей обязательствами. Образ себя, определяющий самоуважение, — результат процесса воспитания, образования и культурного формирования во взаимодействии с другими, а потому представления о себе изменчивы: один человек может разрушить самоуважение другого из мести; человек может пожертвовать самоуважением ради защиты или спасения другого; может утратить самоуважение, совершая поступки, переходящие его внутренние границы, или же, наоборот, бездействуя — отказываясь брать на себя ответственность (с. 343). Ответственность перед самим собой выражается в заботе о здоровье, развитии интеллекта и способностей, постоянной готовности к принятию решений, верности чувствам, убеждениям и образу жизни. Неудачи не несут угрозу чувству самоуважения — оно может быть потеряно, только если человек предает себя и теряет волю к принятию решений, например, не имеет мужества высказать непопулярное мнение, опасаясь перестать нравиться другим.

Еще одна грань человеческого достоинства — моральная целостность, которая ориентируется на каноны долга, императивов и максим, но не когда «бюрократия внутренних приказов и предписаний отрабатывается принудительно, и мы,

поступающие морально, словно бы надев заношенные нарукавники и язвительно сжав губы, безрадостно и тоскливо слоняемся над покрытыми пылью актами моральных заповедей и отповедей..., а когда наша нравственная чувствительность направляется... опытом нравственной близости... вовлеченностью в жизнь другого..., моральной общностью» (с. 352—354). Моральное достоинство представляет собой форму, в которой моральная общность выступает в качестве источника достоинства и основывается на таком уважении потребностей других людей, что если мы раним их, то можем нанести вред и себе.

Государство пытается защищать достоинство граждан с помощью законов (запрет пыток, издевательств, оскорблений и т.д.) — категории «достоинство» и «достоинство личности» встречаются во многих конституциях. Так, согласно статье 21 Конституции Российской Федерации: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Однако формальные нормы не могут оградить человека от злой воли других. Очевидно, что понятие морального достоинства неотделимо от понятий вины и наказания, которые также могут выражаться по-разному: «Сознание вины — это сознание того, что разрушена моральная общность... и сознание утраты морального достоинства... Достоинство виновного заключается в том, как он относится к своей вине и что он предпримет, чтобы восстановить утраченные моральные правила» (с. 363). Одним из способов достойного осмысления вины является ее искреннее и правдивое признание, причем обязательно в ходе встречи виновника и жертвы, когда они смогут «узнать друг друга по ту сторону произошедшего» (с. 368).

Наказание виновного, т.е. целенаправленное причинение зла другому в ответ на его собственное зло, объясняется разными мотивами: государство стремится подчеркнуть защиту законов и граждан; потерпевший видит в наказании справедливое уравнивание своего страдания; пенитенциарная система призвана осуществить принудительное перевоспитание преступника — принуждая его к контролю и ответственности, уважению законов и других, т.е. цели причинения страданий преступнику не ставится. Напротив, речь идет об эффективном воздействии на него с тем, чтобы, испытывая лишения, он развил в себе волю к изменению. Такой поход не содержит в себе угрозы достоинству преступника — его «пытаются вырвать из беспощадного прошлого и открыть возможность посмотреть на себя по-новому и вести себя по-другому» (с. 376). Однако наказание может мотивироваться желанием расплаты — подвергнуть преступника равному по силе его проступка наказанию и разрушить его чувство достоинства (крайний случай — смертная казнь). В каждой тюрьме идет борьба между мотивами расплаты и перевоспитания, но тюрьма сама по себе, как тотальное учреждение, угрожает достоинству заключенного, сводя его идентичность к минимуму и практически уничтожая ее.

Несомненно, рассуждать о соразмерности наказания преступлению в контексте сохранения достоинства невозможно без обращения к теме нравственных

границ. Бири рассматривает ее на примере закона о безопасности на воздушном транспорте: он дает право вооруженным силам сбивать самолеты, которые террористы решили использовать как оружие против гражданского населения. Это пример сложной моральной дилеммы: на одной чаше весов находится предотвращение потерь и, в конечном счете, уменьшение страдания, на другой — достоинство людей, находящихся в захваченном самолете, чьи жизни будут принесены в жертву. Рассматривая и другие аналогичные дилеммы, автор приходит к выводу о существовании двух моральных перспектив, пребывающих в состоянии неразрешимого конфликта: первая утверждает заботу об общественном благе и сокращении страданий, а вторая защищает достоинство отдельного человека: «Быть может, ошибочно и даже бессмысленно искать степень предпочтения между страданием и достоинством. Мы должны помнить о том, где берут начало идея и потребность в достоинстве. Они не предписаны нам божественной инстанцией, хотя здесь некоторые и возразили бы. Они вообще не предписаны. Мы выдвинули эту идею и развили потребность в достоинстве, чтобы иметь возможность лучше преодолевать тяготы жизни с ее вызовами и угрозами» (с. 406). Автор предлагает четко разделять обычный ход вещей — с его понятными обстоятельствами, которые не обойдут стороной ни одного из нас (одиночество, утраты, смерть), и ситуации, которые выбиваются из рамок обычной жизни (войны, терроризм, природные бедствия) и потому как бы приостанавливают действие критериев достоинства в их обычном понимании до тех пор, пока не минует беда.

Самая короткая глава книги (и потому явно избыточная и повторяющая ранее сказанное) посвящена определению достоинства как необходимости никогда не упускать целостную перспективу, фокусируясь на, казалось бы, предельно важных деталях и частностях нашей жизни и чрезмерно серьезно воспринимая самих себя. А завершает книгу глава о достоинстве как признании конечности жизни. С одной стороны, Бири подчеркивает, что в старости мы утрачиваем привычные способности, теряем самостоятельность передвижения и принятия решений, обретаем многообразные зависимости, что переживается как беспомощность; с другой стороны, старость не должна угрожать достоинству, и наша задача — сделать все от нас зависящее, чтобы беспомощность пожилых не превращалась в унижение, стараться поддерживать в них чувство самостоятельности, признавать в них субъектов и партнеров при обмене мнениями. Кроме того, чтобы закончить жизнь достойно, человек должен знать, что с ним происходит и сколько времени ему осталось: «возможность достойной смерти обеспечивает правдивость со стороны других... Человек должен иметь возможность подготовиться к смерти: потребуются как внешние действия, так и внутренняя установка. Оставлять его в неведении — возмутительная форма опеки. У человека крадут ни больше ни меньше как шанс подвести итог своей жизни» (с. 463).

Несомненно, книга Бири является прекрасным образцом научно-популярной проработки сложнейших и при этом вполне обыденных понятий, однако не может не иметь тех проблем, что неизбежно сопровождают любые попытки систематизировать содержательное наполнение и проиллюстрировать такие понятия, прибегая к не менее многозначным терминам, которые мы также используем в повседневной жизни как само собой разумеющиеся.

Другое очевидное ограничение книги, которое особенно бросается в глаза социологу, состоит в гиперболизации субъективного компонента, например, когда автор дает определение страданию: «если оно не воспринимается как таковое, то вообще не страдание, ибо это не объективная, а субъективная категория, связанная с переживанием» (с. 67). Безусловно, мы живем в мире социального конструирования проблем и стигматизации, и автор справедливо отмечает, что любой социальный изъян — «не категория объективного, сугубо фактического, а оценочная категория негативного, отвергающего суждения» (с. 212), но вряд ли такую оценочность следует относить к любому страданию (особенно физическому) и в принципе столь расширительно применять оценочную компоненту в сфере социального взаимодействия.

Вторая книга, удивительно похожая на работу Бири не только общей тональностью, но также перечислением способов утраты собственного достоинства, акцентом на позитивной роли психотерапии в личной и социальной жизни и яркими иллюстрациями (в том числе примерами из российской действительности и пересказами известных произведений русской литературы), — «Секс, деньги, счастье и смерть: в поисках себя» Манфреда Кетса де Вриса, позиционируемая в аннотации как сочетание менеджмента и психотерапии в поисках ответа на сложнейшие вопросы обретения счастья и гармонии с окружающим миром. На первый взгляд книга производит несколько странное впечатление тем, что каждая из четырех ее глав предваряется несколькими эпиграфами из высказываний известных писателей (Ф. Рабле, Л.Н. Толстой, Б. Шоу, М. Твен, Ф.М. Достоевский и др.), философов (Сенека, Вольтер, Ф. де Ларошфуко и др.), актеров (К. Иствуд, Ш. Маклейн, С. Лорен, Х. Богарт и др.) и т.д., которые содержат тривиальные и общеизвестные максимы («Трагедия жизни не в том, что она быстро проходит, а в том, что мы слишком долго откладываем ее на потом», «Лучше всего человек проявляется по отношению к людям, от которых ему нет никакой пользы» и др.), но убедительно подчеркивают, сколько глупо мы себя ведем — понимаем и признаем очевидное, но продолжаем проживать свою жизнь так, будто это очевидное не касается лично нас. Принципиальная позиция автора состоит в том, чтобы убраться разрыв между «слишком мудреными и зачастую невыносимо скучными», далекими от реальности исследованиями в области управления и лидерства — с одной стороны, и не воспринимаемой серьезно художественной литературой и другими источниками обыденных истин — с другой, показав, что эффективные правила деловой и повседневной жизни кроются где-то посередине, а не в публичных выступлениях «знахарей от управления/шарлатанов/гуру бизнеса, предлагающих свой некачественный товар» (с. 10).

Кетс де Врис отказывается от модели «человека экономического» — «этого удивительного создания, подчиненного лишь логике поиска выгоды» (с. 11) — в пользу более реалистических объяснений поведения, в частности, обращаясь к психоанализу, психиатрии и психотерапии как позволяющим лучше понять, какие проблемы волнуют людей и какие факторы лежат в основе их поведения, в том числе организационного. Используя разные «линзы» (междисциплинарный подход), Кетс де Врис утверждает, что зачастую кажущееся нам рациональным

поведение таковым не является, поскольку в его основе лежат странности внутреннего мира (автор использует забавную метафорику, например, называя иррациональные мотивы «внутренними взбесившимися кинг-конгами»), а потому считает важным для руководителей и сотрудников организаций разбираться в манифестном и скрытом поведении, обращать внимание на объективные факты и субъективную реальность и распознавать лживость обещаний «шарлатанов от управления». Кетс де Врис разделяет убеждение Ф. Ницше и Ж.-П. Сартра, что Ф.М. Достоевский — один из первых «психологов», признавших иррациональную природу человека и, следовательно, невозможность предугадать наше поведение: «люди действуют и делают тот или иной выбор под влиянием сложных и иррациональных эмоций, поэтому человек, только что совершивший благороднейший поступок, может тут же повести себя как подлец» (с. 27).

Первая и самая длинная часть книги посвящена сексуальному влечению, поскольку автору «тоже приходилось искать компромисс между физиологическими потребностями и требованиями общества» (с. 24). Он называет следующие характеристики (сексуального) желания (с. 34—35): в нем всегда есть элемент фантазии, и иногда фантазии подменяют действительность; свои желания трудно, а подчас невозможно сформулировать и озвучить; как только мы получаем страстно желаемое, объект теряет прежнюю привлекательность, т.е. мечты, даже несбыточные, более притягательны, чем их реальное воплощение, потому, что в фантазиях мы способны управлять происходящим, а реальность может серьезно разочаровывать. Как и Бири, Кетс де Врис приводит множество примеров из художественной литературы и цитирует писателей не только в эпиграфах к главам, но и в тексте: например, Р.Л. Стивенсона, считавшего, что путь, исполненный надежд, дарит больше счастья, чем момент прибытия в пункт назначения, или Б. Шоу, согласно которому «две трагедии возможны в человеческой жизни: одна — когда не исполняется заветное желание, другая — когда оно исполняется» (с. 35).

В целом автор несколько гиперболизирует роль желаний в духе классического психоанализа (желания — суть человеческой жизни, жить — значит желать, желания не признают доводов разума и с трудом поддаются обузданию, не мы выбираем желание, а оно выбирает нас, в нашем переменчивом мире постоянно только сексуальное влечение, и именно оно заставляет Землю вращаться, и т.д.), но признает, что последние научные достижения психологии и нейробиологии позволили расшифровать и описать некоторые биологические и эволюционные механизмы, управляющие желаниями, в том числе сексуальными (с. 35). Для подтверждения важнейшей роли сексуальных «драйверов» автор реконструирует историю их социального восприятия: от древнеримского и древнегреческого наслаждения плотскими утехами до иудеохристианской традиции вины за проявления сексуальности (с отсылками к ветхозаветному изгнанию из рая) и проповедования христианской церковью отказа от сексуальных наслаждений как греховных (женщины стали символом искушения, секс считался занятием опасным и недостойным, отцы церкви отвергали значение сексуальности в биологической природе человека), и лишь в конце XIX века сексуальность стала играть более значимую роль в общественной жизни (в частности, искусство стало уделять

больше внимания переживаниям и перипетиям личной жизни), освободив людей от связанного с ней комплекса вины. Подытоживает борьбу церкви с сексуальностью автор так: «Интересно, задумывались ли отцы церкви о том, каким был бы мир, лишенный того, что они считали грехом? О чем бы они тогда говорили в своих проповедях? Ведь без греха и грешников институт церкви потерял бы всякий смысл» (с. 42).

Итогом внушения людям негативного отношения к сексу стало «появление двойной морали и развитие сексуальных расстройств» (с. 45). И только первопроходцы исследований сексуальности и психоаналитики (А. Кинси, З. Фрейд, Э. Фромм и др.) помогли изменить устоявшееся мнение, показав, что сексуальность — естественная составляющая жизни, которая не сводится к физическому половому акту, а имеет психологическую динамику. «В современном обществе секс больше не считается сакральным актом, предаваться которому могут только супруги и только в целях продолжения рода. С середины XIX века... социальные, культурные и медицинские барьеры, препятствовавшие свободному выражению сексуального желания, рушились, вдохновляя людей на смелые эксперименты... чувственность перестала считаться богопротивной» (с. 49). Миграционные процессы, урбанизация, развитие биотехнологий, изменение сценариев отношений между мужчиной и женщиной сделали секс социально и культурно значимым, но в то же время «сексуальная доступность в какой-то мере лишает нас способности любить по-настоящему... сегодня мы живем в циничном обществе, в котором остро стоят проблемы СПИДа, подростковой беременности и невероятно высокого процента разводов» (с. 51).

Первая часть книги сочетает в себе просвещенческую апологетику сексуальности с явно избыточной биологизацией человека как «сексуальной машины», чей инстинкт продолжения рода накладывает отпечаток на все его мысли, чувства и поведение, причем через подсознание: «сексуальный авантюризм всегда был свойственен человеческой природе, и, несмотря на зловещие предостережения отцов церкви, эта область жизни никогда по-настоящему не подчинялась моральным требованиям» (с. 52). Впрочем, автор признает влияние воспитания на сексуальное поведение («мы не безмозглые, управляемые генами машины для выживания, а способные к невероятно сложным чувствам и переживаниям личности» — с. 57), поэтому сексуальное влечение означает не только секс, но и сексуальные переживания, привязанность (чувство близости и зависимости от другого) и любовь — их слияние порождает гармоничные длительные взаимоотношения. Кроме того, любовь бывает разной: себялюбие, родительская, супружеская (якобы требующая сохранения в любимой/ом загадки, чтобы партнер мог выступать объектом проективной идентификации), детей к родителям, Богу, животным, романтическая (воспеваемая во многих культурах и нередко связанная с любовью платонической, а сегодня скорее скоротечный и мимолетный этап влюбленности, «прелюдия к брачной кампании») и др.

Несмотря на то, что формально первая глава посвящена сексуальному желанию и содержит множество высказываний о гендерной специфике любовно-супружеских отношений, по сути, она, как и вся книга, пытается показать человеку, какие заблуждения могут сделать его несчастным. Например: «не надо ждать ска-

зочного принца; лучше учиться самоопределению и стараться жить счастливо с просто хорошим человеком... Нельзя растворяться друг в друге... Истинный союз подразумевает, что партнеры помогают друг другу стать полноценными, самодостаточными личностями, не переживающими „двойной психоз“ и не сбегающими от реальной жизни» (с. 96). Итоги сексуальной эмансипации автор подводит в биологизаторском ключе (частота упоминаний в книге «инстинктов» поразительна), отмечая, что нынешняя «сексуальная неудовлетворенность мужчин и женщин — во многом результат неверного компромисса между биологией и обществом, извечного конфликта природы и воспитания» (с. 148). Тем не менее, сексуальная революция «повлекла отмену двойных стандартов и сексуальных запретов, существовавших веками (что сомнительно)... Для сексуальности XXI века характерно как ярчайшее самовыражение, так и серьезное самоограничение — нам остается лишь сделать правильный выбор» (хотелось бы надеяться, что речь идет о выборе на шкале между этими точками, а не одной из них) (с. 154).

Во второй части книги говорится о деньгах — как играющих важную роль в судьбе людей, особенно если они смешивают понятия самооценки и размера собственного капитала. Вначале автор обозначает все интересующие его особенности роли денег в нашей жизни, а затем уточняет и иллюстрирует их: «Для многих из нас деньги стали смыслом жизни (деньги овладевают человеком, многие богачи страдают от синдрома усталости от богатства — в качестве примера рассмотрена страсть Р. Абрамовича к соревновательному приобретательству)... Людей, равнодушных к деньгам, мы подозреваем в лицемерии и считаем, что когда они говорят о своем презрении к богатству, то открывают лишь часть правды, а на самом деле презирают только чужие богатства..., т.е. пытаются подавить в себе зависть... И чем больше денег у нас есть, тем больше нам хочется... Однако рано ли поздно большинство из нас осознает, что дороже жизни нет ничего... Вам хотелось бы быть самым богатым на кладбище?... Загадка: нищим быть нежелательно, но чтобы чувствовать себя богатым и довольным жизнью, одних денег недостаточно» (с. 159—160). Не ссылаясь на известную книгу Э. Фромма, Кетс де Врис говорит о том же: всепоглощающая страсть к материальным благам заставляет нас стремиться к обладанию, а не к жизни, и именно на смешении этих потребностей основана рекламная индустрия.

Противостоять рекламному давлению потребительской идеологии крайне сложно, потому что оно основано на культурных традициях и ценностях, передаваемых из поколения в поколение, т.е. деньги обретают символическое значение — «избавление от нищеты или серости существования, свобода от семейного давления, путь к независимости и власть (особенно для преуспевающих бизнесменов, озабоченных идеей бешеных денег), свободное время..., обретение чувства самоуважения и любви» (с. 171). В результате многие люди растрачивают впустую время своей жизни и здоровье, теряют друзей и близкие связи, лишь бы заработать состояние. Признавая, что универсального критерия достаточности денег не существует, автор предлагает сосредоточиться на понятии баланса: «маловероятно, что наша приверженность золотому тельцу исчезнет в одночасье сама по себе, поэтому мы должны научиться жить так, чтобы в погоне за прибылью не потерять самих себя» (с. 207).

Вывод второй части книги также имеет отношение к счастью: признавая, что без денег нам не выжить, что они нужны для поддержания нашего существования, автор подчеркивает — чтобы оставаться психически здоровыми, «мы должны находить такие способы приобретения и траты денег, которые соответствуют нашему субъективному ощущению благополучия и системе ценностей и убеждений. В противном случае... деньги будут стоить нам слишком дорого (история царя Мидаса)» (с. 165) — вполне в духе высказывания Б. Франклина, что «деньги еще никого не сделали и не сделают счастливым; чем больше человек имеет, тем больше хочет; вместо того, чтобы заполнять пустоту, деньги создают ее» (с. 176). Соответственно, «если мы счастливы тем, что имеем и чем занимаемся, то действительно богаты. Есть то, что неизмеримо важнее денег, — это наше богатство в форме „человеческого капитала“: время, энергия, увлечения и близкие отношения... — единственное, что дает нам чувство безопасности в этом ненадежном мире» (с. 214).

Третья часть книги посвящена счастью как таковому, и ее содержание прекрасно суммируют два эпитафия: Ф. де Ларошфуко — «никто не бывает столь несчастным, как думает, или столь счастливым, каким хочет быть», и Л.Н. Толстого — «счастье зависит не от внешних вещей, а от того, как мы на них смотрим» (с. 216). Главную проблему счастья автор видит в том, что, хотя все люди задаются вопросом «как можно стать счастливым», «счастье с трудом поддается определению — гораздо проще иметь дело с горестными чувствами, чем с так называемыми положительными эмоциями: первые более определены, более конкретны... за счастье нельзя назначить определенную цену, оно гораздо менее осязаемо и зачастую иллюзорно, незаметно подкрадывается к нам и так же быстро ускользает из наших рук. Но каким бы изменчивым оно ни было, поиск счастья остается основным занятием человечества» (с. 219—220). Позитивная психология (М. Селигман) признала, что если о депрессии нам известно фактически все, то положительным эмоциям ученые уделяют слишком мало внимания, поэтому фокус внимания должен быть смещен с психических расстройств на психологическое благополучие (удовлетворенных, счастливых людей).

Одни авторы разводят стремление к счастью и достижение счастья, вторые подчеркивают, что счастье — недостижимый идеал, хотя именно он позволяет противостоять невзгодам нашего существования, третьи считают бессмысленным изучение счастья в силу его непостижимости, четвертые видят в нем лишь продукт химических реакций или результат работы сети медиаторов, пятые называют счастьем не положительные эмоции и чувство удовлетворенности жизнью, а отсутствие желаний и т.д. — всех исследователей объединяет признание кратковременности счастья (не бывает полным и долговечным) и того, что большинство людей согласятся, что они счастливы в большей или меньшей степени (срабатывает «фактор социальной желательности» и ситуационная обусловленность ощущения счастья — важен не только доход, но социальный статус, уровень образования, удовлетворенность работой, возраст, привычки, окружение, темперамент и т.д.).

Вывод Кетса де Вриса по третьей части книги предсказуем: «Ключ к счастью в мировоззрении, которое мы формируем ко взрослому возрасту, поскольку на события и ситуации можно смотреть совершенно по-разному» (с. 247). Например,

«выученная беспомощность» делает человека пассивным и зависимым от чужих решений, лишает уверенности в собственных силах и влиянии на ситуацию, а оптимизм и экстраверсия являются надежной защитой от «несчастливости»; низкая самооценка ведет к эгоизму, антагонизму и депрессии, а «чтобы счастье заглянуло в наш дом, мы должны принимать и уважать самих себя» (с. 256). Иными словами, «как говорится в старой китайской пословице, счастье — это когда есть кого любить (сбалансированные взаимоотношения без зависти, в которые автор включает непонятную «справедливость» как их обязательную основу), что делать (работа связывает человека с обществом и спасает от обломовской пассивности, лени и апатии, но только если наш труд осмыслен, интересен и нравится нам) и на что надеяться (причем путь к мечте гораздо важнее для ощущения счастья, чем ее осуществление)» (с. 258).

И, наконец, последняя часть книги рассказывает о смерти, неизбежность которой приводит к «парадоксальным ситуациям: некоторые люди так боятся ее, что, по сути, даже не начинают жить... Если все время думать о смерти, то жизнь будет не в радость... Одни люди развивают бурную деятельность, лишь бы отогнать гнетущие мысли о неизбежном конце, другие, напротив, смиряются и впадают в депрессию... Там, где одни видят безнадежный конец, другие усматривают бесконечную надежду, и из этих двух точек зрения последняя — более конструктивная» (с. 318—319). Однако быть конструктивными сложно, поскольку нам трудно смириться не только с неизбежностью собственной смерти, но и с утратой близких — мы боимся не только уничтожения и пустоты, но также одиночества и заброшенности. Наш экзистенциальный ужас перед смертью усугубляет и то, что, с одной стороны, современное общество всячески дистанцируется от горя и не приветствует страдания, как бы утверждая, что люди должны молчать о горестях и проявлять выдержку, стремясь вернуться к «нормальной жизни»; с другой стороны, развитие медицинских технологий и «механизация» смерти (ее исключают из повседневности, превращают в больницы в управляемый технологический процесс) привели к тому, что ужас сегодня вызывает не смерть как таковая, а особенности умирания (унизительные и обезличенные).

Все культуры придумали сложные ритуалы прощания с мертвыми, которые помогают нам справиться с горем и страхом смерти, обрести надежду, найти новый смысл жизни и организовать ее по-новому; в каждом обществе существуют мировоззренческие системы (прежде всего религиозные), которые помогают верить в то, что, несмотря на нашу ничтожность и неминуемую смерть, мы можем обрести какую-то форму бессмертия (загробная жизнь, рождение детей, создание семейного бизнеса и разных форм общественного достояния). Но вопрос в том, насколько все эти ритуалы эффективны сегодня, в постиндустриальном обществе, вытеснившим представления о страданиях на периферию культурного опыта. Поэтому крайне важными Кетс де Врис считает (1) осмысленность жизни, которая означает «рождение надежды...: если нам удастся найти то, ради чего стоит жить, если у нас появляется смысл жизни, то мы можем вынести даже самые тяжкие испытания» (с. 357); и (2) отказ от одиночества, механизации, дегуманизации и деперсонализации смерти ради обретения гармонии в процессе умирания (достойная смерть).

Видимо, не желая заканчивать книгу на столь мрачной ноте, автор посвятил заключение доброте, мудрости и поиску смысла жизни. Его рецепт обретения счастья очевиден и прост: «Оставаться самим собой — принимать себя таким, каков ты есть, не пытаясь выдавать себя за кого-то другого. Это предполагает не только веру в собственные силы, но и признание собственных слабостей, и терпимое отношение к собственным недостаткам, мужество называть вещи своими именами..., уметь устанавливать границы..., рассматривать окружающих как индивидуальных личностей, заслуживающих уважения... Быть собой — значит быть настоящим, не играющим никакой роли и не носящим маску» (с. 407). Однако с социологической точки зрения подобное саморазоблачение невозможно (в ходе социализации мы буквально растаем в репертуар социальных ролей нашей культуры) и чревато именно той социальной изоляцией, которую автор считает одним из препятствий для счастья человека как «социального животного». Впрочем, многие аспекты «бытия самим собой» автор, безусловно, представляет более реалистично: ведение осмысленной жизни, выход за узкие рамки личных интересов и обретение смысла во всем, что окружает — в отношениях, работе, благих делах, религиозных верованиях, формах альтруистического поведения и т.д.

В завершение следует назвать еще несколько общих черт двух книг, имплицитно обучающих человека стать счастливее. В книге Бири нет библиографии, что ей совершенно не мешает, поскольку автор предлагает собственную развернутую концептуализацию понятия «достоинство», поясняя ее показательными и понятными примерами. Кетс де Врис, казалось бы, делает то же самое, используя небольшую библиографию, однако работает с менее «философскими» категориями, поэтому его книга вызывает массу вопросов относительно источников данных, которые позволяют автору делать столь сильные (допустимые, но требующие эмпирических обоснований) утверждения относительно нашего поведения (женщины особенно ценят добрых мужчин, которые трепетно относятся к детям, т.е. менее агрессивны; женщинам свойственно растворяться в партнере, развивая «как будто личность»; от сексуальной неудовлетворенности чаще страдают мужчины; они склонны завышать количество сексуальных контактов, а женщины, наоборот, занижать; богатые чаще подвержены скуке, депрессии и другим психическим расстройствам, и т.д.), которые якобы должны изгнать далеких от реалий «узников башен из слоновой кости» (бюрократов от управления) из их уютных убежищ и заставить их обратиться к практической деятельности на основе «многомерной модели» личности (несводимой к человеку экономическому).

Помимо отсутствия указаний на источники данных текст Кетса де Вриса часто носит слишком «лозунговый» характер (противореча стремлению автора не выступать «эдаким гуру»), что сблизает его с теми «шарлатанами от управления с их медовыми речами», от которых автор старается дистанцироваться, ссылаясь на свой научный подход и практический опыт. Например: «Хотя природа истины такова, что она всегда пробивается к свету, ей приходится преодолевать немало препятствий»; «Великие открытия совершает не тот, кто видит новые земли, а тот, кто смотрит на все новыми глазами»; «Хорошо знать, что ждет тебя в конце пути, но важно не забывать о том, что главное — само путешествие»; «Мы знаем, что

когда-то появились на свет и когда-нибудь умрем. Вопрос в том, как наилучшим образом использовать отпущенное нам время»; «Каждая семья — отдельная история, и каждая такая история заключает в себе как надежду, так и отчаяние»; «Любовь не просто заставляет землю вращаться — она придает этому вращению смысл»; «Наши дети нуждаются в нашем присутствии, а не в дорогих игрушках»; «Жизнь — это не репетиция, это реальность» и т.д.

Кроме подобных максим в книге встречаются и некорректные стереотипные высказывания, например: мужчины часто рассматривают секс как самоцель, а женщины, как правило, ждут от него эмоциональной близости; женщины всегда ищут финансово состоятельных партнеров, а мужчины — внешне привлекательных; «некоторые женщины идут на секс по „несексуальным“ причинам (желание удержать мужчину)..., но то, что секс — самый надежный способ привязать к себе другого человека, это глубокое заблуждение» (с. 73—74) (непонятно, почему автор считает, что это гендерно-специфичное — женское — заблуждение). Впрочем, автор заранее предупреждает читателя в предисловии: «вместо того чтобы заполнить страницы сухими ссылками и справочной информацией, как я обычно делаю в более „формальных“ книгах, здесь я пишу простым языком, рискуя вызвать неодобрение ученых коллег. Мне кажется, что если бы я говорил об этих проблемах в более традиционном научном ключе, то не нашел бы желаемого отклика у читателей и не сумел бы помочь им понять многие сложные вещи» (с. 29). Вероятно, если такой подход действительно поможет кому-то взглянуть на свою жизнь иначе и стать счастливее, то он допустим, но все же как исключительно популярно-публицистический, а не научный.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-563-580

Human dignity and ways to lose it, or A few recipes for happiness*

Books review: Bieri P. *Zhiznenny vybor. O mnogoobrazii*

chelovecheskogo dostoinstva [Dignity as a Way of Life. A Treatise on the Diversity of Human Dignity]. Per. s nem. D.V. Silverstova.

Saint Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha; 2018, 504 p.; **Kets de Vries M.**

Seks, dengi, schastie i smert: V poiskakh sebya [Sex, Money, Happiness, and Death: The Quest for Authenticity]. Per. s angl.

Moscow: Alpina Publisher; 2018, 440 p.

* © I.V. Trotsuk, V.E. Grebneva, 2019.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00993 “Happiness as an interdisciplinary construct: Variations of sociological conceptualization and operationalization”.

The article was submitted on 25.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-581-586

Искусственный интеллект как проблема современной социальной аналитики*

Рецензия на книги: Boden M.A. AI: Its Nature and Future.
Oxford: Oxford University Press, 2016. 156 p.;
Collins H. Artificificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers. Cambridge: Polity Press, 2018. 232 p.

Способен ли искусственный интеллект превзойти человеческий разум? Произойдет ли это в ближайшее время? Каковы последствия развития искусственного интеллекта для человечества? Сегодня это принципиальные вопросы не только для научной фантастики или журналистики, но и для ученых, причем в равной степени для представителей естественных наук и исследователей социальных проблем. Что не удивительно, если принять во внимание бесспорные достижения в разработке и включении искусственного интеллекта в повседневную жизнь современного общества. Проникновение в жизнь людей и ускоренная «социализация» превращают искусственный интеллект в том числе в социологическую проблему. Однако профессиональные социологи и социальные аналитики гораздо реже, чем философы или психологи, обращаются к проблематике, очерченной тремя вопросами, вынесенными в начало абзаца.

Мы попытаемся кратко проанализировать и сравнить две монографии, посвященные поискам ответов на проблемы развития искусственного интеллекта [4; 5]. Рецензируемые книги написаны признанными классиками в своих исследовательских областях (Маргарет Боден — в когнитивных исследованиях, Гарри Коллинз — в социологии науки), карьеры которых посвящены в том числе изучению проблем искусственного интеллекта (безусловно, авторы знают друг о друге, но идеи друг друга не обсуждают: Боден не упоминает Коллинза; Коллинз ссылается на другую работу Боден по истории искусственного интеллекта, только чтобы отметить, что она упомянула его исследования по той же проблематике, тем самым легитимировав себя как эксперта в этой области). Обе книги подводят промежуточные итоги развития искусственного интеллекта, и их авторы пытаются найти ответы на разные вопросы — в этом, вольно или невольно, проявляется сущность дисциплинарных и теоретических разделений в области исследований искусственного интеллекта. Тем не менее, на наш взгляд, эти работы интересно читать и анализировать именно вместе.

* © Резаев А.В., Трегубова Н.Д., 2019.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00097.

Статья поступила 06.05.2019 г. Статья принята к публикации 07.06.2019 г.

Сравнивая монографии, следует обратить внимание на три аспекта. Первый — соотношение между разными «искусственными интеллектами»: между наукой и технологией, технологией и идеологией, частным и общим искусственным интеллектом, символическим и коннекционалистским. Второй — границы и разделения внутри самой исследовательской области. Третий — пространство дебатов, которое создается различными подходами и дисциплинарными перспективами в исследованиях искусственного интеллекта. В целом мы попытаемся ответить на вопрос: нужно ли социологам заходить на данное проблемное поле, и если да — то с каких сторон?

Прежде всего, обе книги представляют введение в проблематику искусственного интеллекта для тех читателей, которые знакомы с ней лишь поверхностно. Здесь, однако, следует сделать оговорку: рецензируемые книги — научные монографии, а не научно-популярные бестселлеры, учебники или энциклопедии. Каждая из них выстроена вокруг изложения авторской позиции: это очевидно у Коллинза, менее очевидно, хотя и различимо у Боден. Специфика исследовательского поля такова, что в вопросах об искусственном интеллекте не существует консенсуса, поэтому даже подбор сюжетов и имен выражает позицию автора. Еще одна необходимая оговорка заключается в том, что оба автора не являются экспертами по технологиям искусственного интеллекта: это интеллектуалы, теоретики и отчасти эмпирические исследователи, которые анализируют работу искусственного интеллекта, созданного не ими.

Итак, интерес авторов к искусственному интеллекту различается, что связано как с их дисциплинарной принадлежностью, так и с личными предпочтениями: было бы неверно утверждать, что Боден представляет позицию всех когнитивистов, а Коллинз — всех социологов. Интерес Боден состоит в моделировании/воспроизведении искусственным интеллектом человеческого разума (*mind*) и жизни вообще. Название монографии можно перевести как: «Искусственный интеллект: его природа и будущее». «Природа» (*nature*) появляется в нем не случайно: Боден придерживается позиции, согласно которой нет принципиального различия между разумом человека и искусственным интеллектом, поскольку оба являются совокупностью «виртуальных машин». Однако, согласно Боден, есть существенная разница между теоретической возможностью создания интеллекта, подобного человеческому, и практической реализацией этой цели. В ходе изложения автор постоянно обращается к различию между технологическими и научными целями в разработках искусственного интеллекта: если технологические связаны с решением конкретных задач, то научные определяются тем, как искусственный интеллект может помочь человечеству в развитии знаний о мозге и эволюции живой материи. Монография балансирует между описанием существующих технологий искусственного интеллекта и характеристикой более или менее фантастических прогнозов о будущем его развитии, однако основная тема книги — возможность общего искусственного интеллекта (*artificial general intelligence, AGI*). Основной тезис автора состоит в том, что создание *AGI* возможно, и основное препятствие на этом пути — недостаток знаний о том, как работает человеческий мозг.

В первой главе Боден вводит читателя в историю проекта искусственного интеллекта, его наддисциплинарного духа и междисциплинарных делений, и представляет проблематику «виртуальных машин». Вторая глава начинается с поста-

новки проблемы общего искусственного интеллекта и далее распадается на описание проектов, которые пытались реализовать амбиции AGI, однако сталкивались с разного рода препятствиями (в основном, это проекты в традициях символического искусственного интеллекта). Третья глава обсуждает проблемы в воспроизведении языка, креативности и эмоций — тех аспектов человеческого существования, которые часто игнорируются разработчиками искусственного интеллекта, однако, согласно Боден, необходимы для создания общего искусственного интеллекта. Четвертая и пятая главы представляют экскурс в подходы к созданию искусственного интеллекта, связанные с искусственными нейронными сетями (коннекционализмом), робототехникой и «искусственной жизнью». Шестая глава вводит читателя в философские дебаты о том, является ли интеллектом то, что создается под рубрикой «искусственного интеллекта». Здесь Боден подчеркивает сложность дискуссий и глубину теоретических различий в проблемах, связанных с философским осмыслением искусственного интеллекта, и мягко обозначает свою позицию. В седьмой главе автор рассматривает идею сингулярности, обсуждая вероятные последствия развития новых технологий для жизни людей, включая социальные и этические проблемы.

Монография Боден в большей степени, нежели книга Коллинза, может читаться как справочник по искусственному интеллекту, в том числе и потому, что позиция автора укладывается в «мейнстрим» исследовательского поля, представляя собой одну из вариаций гипотезы о мозге как о вычислительной машине. Большинство разработчиков конкретных технологий, вероятно, не задумываются о философских основаниях проекта искусственного интеллекта, однако его основатели и идеологи вдохновлялись — и продолжают вдохновляться — идеей о создании разума, подобного или превосходящего человеческий. Чтобы подобные амбиции могли существовать, необходимо принимать допущение, что между мозгом и компьютером нет принципиальных различий. Это утверждение подвергалось критике с разных сторон, прежде всего, со стороны философов (и не только [3]). Социологическая критика искусственного интеллекта менее известна, но не менее интересна, и именно к ней и обращается Коллинз.

Название монографии Коллинза мы рискнем перевести как «Измысленный интеллект: Против капитуляции человечества перед компьютерами». Несмотря на название, тон книги скорее нейтральный, с последовательными и взвешенными аргументами. Тем не менее, в отличие от Боден, Коллинз начинает с критики в адрес тех, кто полагает, что современные технологии искусственного интеллекта вот-вот превзойдут человека. Его интересует не сама теория искусственного интеллекта (Коллинз не обсуждает гипотезу о мозге как компьютере), а то, как работают конкретные технологии в ситуациях социального взаимодействия. Основной тезис книги автор формулирует следующим образом: при существующих технологиях невозможно создать искусственный интеллект, укорененный в человеческом обществе и, как следствие, способный участвовать в разговорах наравне с людьми. Поэтому капитуляция перед впечатляющими достижениями машин является преждевременной. Для Коллинза именно владение языком (операционализируется как прохождение теста Тьюринга) является показателем общего искусственного интеллекта, функционально (если не содержательно) равного человеческому.

В первой главе Коллинз формулирует основную проблему книги и предлагает обзор существующих технологий искусственного интеллекта, которые подразделяет на основанные на правилах (символический искусственный интеллект) и основанные на паттернах и прецедентах (искусственные нейронные сети). Во второй главе автор проясняет методологические основания собственной аргументации, отвечая на два вопроса: что значит, что создание искусственного интеллекта с такими-то характеристиками «невозможно», и кто является экспертом в поле исследований искусственного интеллекта? Третья глава анализирует «ремонт» (repairs) в разговоре: в повседневной жизни люди постоянно — и незаметно для себя — осуществляют «ремонт», и, чтобы доказать владение языком, искусственный интеллект должен быть способен осуществлять подобный «ремонт». Четвертая глава рассматривает проблему социального контекста, а также вопрос о телесном воплощении интеллекта. В пятой главе обсуждаются шесть уровней искусственного интеллекта — от простых технических устройств до «искусственных обществ»; теоретический анализ сопровождается разбором конкретных достижений в области искусственного интеллекта и их отнесением к соответствующим уровням. Здесь аргументация Коллинза, в отличие от сторонников идеи сингулярности, позволяет провести различия между разными вариантами квази- и сверхчеловеческого искусственного интеллекта. Шестая и седьмая главы рассматривают принципы работы искусственных нейронных сетей — наиболее активно развивающегося направления искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется соотношению распознавания паттернов «снизу вверх» (из данных) и «сверху вниз» (определяемых теорией или социальным контекстом) в алгоритмах искусственного интеллекта в сравнении с человеческим мозгом. Девятая глава обсуждает то, как люди учатся новому и какие человеческие свойства не могут быть воспроизведены современными компьютерами. Девятая и десятая главы суммируют аргументацию книги и приводят примеры теста Тьюринга, улучшенного в соответствии с логикой монографии; эти примеры читатель может реализовать на собственных гаджетах.

По сравнению с Боден Коллинз задает больше специфических вопросов, приводит больше конкретных примеров использования технологий искусственного интеллекта в социальном взаимодействии. Его аргументация более открыта, проблемы поставлены более остро и неожиданно, обратной стороной чего является несколько запутанная структура изложения, пестрота сюжетов и линий рассуждения. Чью аргументацию и стилистику предпочесть — выбор читателя: обе монографии, безусловно, достойны прочтения. Вместе с тем после прочтения обеих книг, несмотря на глубину и стройность изложения, остается чувство неудовлетворенности, возможно, потому, что для каждого автора рассматриваемая монография — не первая работа по искусственному интеллекту и основные аргументы (и контраргументы) формулируются не в первый и не во второй раз. Складывается ощущение, что Боден и Коллинз «заперты» внутри своих теоретических позиций и с трудом могут посмотреть на них со стороны.

Как соотносятся позиции авторов? Было бы неверно утверждать, что они противоречат друг другу: успехи и неудачи в развитии искусственного интеллекта трактуются авторами в общем сходно, хотя и с разными акцентами. Оба, по-видимому, полагают, что достижение AGI — если оно возможно в принципе — требует

концептуального и технологического прорыва. Так, Боден могла бы утверждать, что монография Коллинза обсуждает и уточняет одну проблему в разработках искусственного интеллекта — социального контекста/релевантности, для решения которой мы пока не знаем подходящих «виртуальных машин». Вместе с тем в аргументации Коллинза нет ничего, что поддерживало бы позицию Боден.

Следует ли говорить, что их позиции — и шире, социологический и философско-когнитивистский взгляд на искусственный интеллект — несоизмеримы, находятся на разных уровнях абстракции? На наш взгляд, это было бы упрощением по отношению к проблемному полю, к которому относятся монографии. Данное поле можно обозначить как «теория/критика искусственного интеллекта». Боден предлагает теорию искусственного интеллекта, Коллинз — его критику с позиций социологии. Боден в своих рассуждениях следует напрямую от мозга (*mind-brain*) к компьютеру, по касательной упоминая телесное воплощение и социальный контекст. Для Коллинза миновать социальный контекст — значит не видеть сути проблемы: мышление человека социально, оно существует и развивается в общении. Следовательно, искусственный интеллект, чтобы превратиться в подлинный интеллект, должен стать социальным. Это социологическая аргументация в чистом виде, однако то, как ее разворачивает Коллинз, связано с его пониманием социального взаимодействия: взаимодействие — это то, что происходит в языке, а ситуация взаимодействия является лишь контекстом разговора. Но в рамках социологической теории такое понимание не является единственным. Достаточно вспомнить другого Коллинза — Рэндалла, автора теории ритуалов взаимодействия, включающей «невербальное» общение (совместное курение, сексуальное взаимодействие), который упоминает и проблему искусственного интеллекта [2; 6].

Следующий шаг состоит в том, чтобы переключить внимание с языка на ситуацию взаимодействия и заметить, что люди обладают телом (попутно можно заметить, что млекопитающие и птицы со сложной социальной организацией также обладают интеллектом, во многом сходном с человеческим, однако не говорят). Проблема телесности подводит нас к третьей стороне дебатов, с которой полемизируют и Коллинз, и Боден, — к критике искусственного интеллекта с позиций экзистенциальной и феноменологической философии, представленной, главным образом, фигурой Хьюберта Дрейфуса (Коллинз упоминает Дрейфуса, обсуждает и приводит ссылки на их дебаты; Боден ограничивается упоминанием феноменологической традиции критики искусственного интеллекта). С позиции Дрейфуса мозг не сводится к вычислительной машине, а телесное воплощение является необходимым условием разума, подобного человеческому, в том числе условием социальной организации [1; 7]. Третья позиция важна потому, что, прежде всего, характеристика поля была бы без нее искаженной — Боден и Коллинз не дискутируют между собой, однако спорят с Дрейфусом, что свидетельствует о связности аргументов и дебатов, а не о двухуровневой модели «философия—социология». Кроме того, данная теоретическая позиция может выступать важным ресурсом для некоторых — но не всех — направлений социологии, анализирующих проблематику искусственного интеллекта, подобно тому, как позиция Боден может быть принята теми, кто развивает отдельные направления социологии коммуникации.

Таким образом, рецензируемые монографии заслуживают внимания читателя по нескольким причинам. Во-первых, это солидные научные работы, принадлежащие выдающимся специалистам в своих областях, подводящие итог их работе в области искусственного интеллекта (как и целого поколения исследователей). Во-вторых, сама область искусственного интеллекта становится все более актуальной для социальных аналитиков, поскольку его технологии входят в повседневную жизнь. Сегодня простая грамотность требует знакомства с тем, что такое искусственный интеллект и как можно его исследовать. Наконец, рассматриваемые монографии интересны не только в отдельности — прочитанные вместе, они намекают пространство дебатов об искусственном интеллекте, которое содержит разные маршруты «вхождения», и некоторые из них, вероятно, пока не проложены. А это значит, что именно там может возникнуть «передний край» социальной аналитики, и, возможно, именно социологам суждено внести свежесть и новизну в старые дебаты.

Библиографический список / References

- [1] Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004 / Berger P., Berger B., Collins R. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya* [Person-Oriented Sociology]. Moscow: Akademichesky proekt; 2004 (In Russ.).
- [2] Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. М.: Изд-во «Прогресс», 1978 / Dreyfus H. *Chego ne mogut vychislitelnye mashiny: Kritika iskusstvennogo razuma* [What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason]. Moscow: Izd-vo "Progress"; 1978 (In Russ.).
- [3] Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Эдиториал УРСС, 2003 / Penrose R. *Novy um korolya: O kompyuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics]. Moscow: Editorial URSS; 2003 (In Russ.).
- [4] Boden M.A. *AI: Its Nature and Future*. Oxford: Oxford University Press; 2016.
- [5] Collins H. *Artificial Intelligence: Against Humanity's Surrender to Computers*. Cambridge: Polity Press; 2018.
- [6] Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press; 2004.
- [7] Dreyfus H. Response to my critics. *Artificial Intelligence*. 1996; 80 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-581-586

Artificial intelligence as a challenge for the contemporary social analysis*

Books review: Boden M.A. *AI: Its Nature and Future*.

Oxford: Oxford University Press, 2016. 156 p.;

**Collins H. *Artificial Intelligence:
Against Humanity's Surrender to Computers*.**

Cambridge: Polity Press, 2018. 232 p.

* © A.V. Rezaev, N.D. Tregubova, 2019.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00097.

The article was submitted on 06.05.2019. The article was accepted on 07.06.2019.

ЮБИЛЕЙ

К 85-ЛЕТИЮ В.Н. ИВАНОВА

6 июля отпраздновал свой юбилей Вилен Николаевич Иванов — известный российский ученый и организатор науки, член-корреспондент РАН, заслуги которого в становлении и развитии социологической науки в нашей стране трудно переоценить.

В 1965 г. В.Н. Иванов с отличием окончил ВПА им. В.И. Ленина, в 1968 г. адъюнктуру той же Академии, защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен на преподавательской работе. В 1974 г. защитил докторскую диссертацию и перешел на работу в Академию наук СССР — в Институт социологических исследований, который возглавлял с 1983 по 1988 г. С 1991 по 2005 г. — первый заместитель директора Института социально-политических исследований РАН, с 2005 — советник РАН, заместитель заведующего Отделом социологии национальной безопасности и федерализма ИСПИ РАН, почетный доктор Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

В.Н. Иванов внес значительный вклад в исследование теоретико-методологических проблем социологи, политической социологии, массового сознания и проблем федерализма, межнациональных и региональных отношений в Российской Федерации. Под руководством В.Н. Иванова и при его непосредственном участии были проведены многие крупномасштабные социологические исследования по актуальным проблемам социологической науки и социальной практики. Он — автор более 400 научных трудов (монографии, учебники, статьи), значительное количество которых было переведено на ряд иностранных языков. Научно-исследовательскую работу В.Н. Иванов успешно сочетает с преподавательской деятельностью в ведущих вузах страны (МГУ, РУДН, РГСУ), им подготовлено более 40 докторов и кандидатов наук. Он является главным редактором журнала «Наука. Политика. Предпринимательство», членом редколлегий и редсоветов многочисленных научных журналов, в том числе журнала «Социологические исследования» (СОЦИС).

За успехи в научно-исследовательской, научно-организационной, педагогической и гуманитарной деятельности В.Н. Иванов награжден многочисленными государственными, общественными и научными наградами.

Значительное место в творчестве В.Н. Иванова занимает художественная литература (поэзия, мемуаристка). Им опубликовано более 10 сборников стихов. Он является членом союза писателей России, членом Президиума Московского отделения союза писателей, вице-президентом Академии литературы.

Коллектив журнала «Вестник РУДН. Серия Социология» (RUDN Journal of Sociology) гордится плодотворным сотрудничеством с В.Н. Ивановым, более 15 лет являющимся членом его редколлегии, профессором кафедры социологии нашего Университета, членом диссертационного совета по социологическим наукам при РУДН. Желаем Вилену Николаевичу крепкого здоровья и реализации всех его творческих начинаний.

ЮБИЛЕЙ

К 80-ЛЕТИЮ З.Т. ГОЛЕНКОВОЙ

10 сентября — день рождения Зинаиды Тихоновны Голенковой, видного российского социолога, доктора философских наук, профессора, крупного специалиста в области истории отечественной социологии и стран Центральной и Восточной Европы, социальной структуры общества. Окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1965), кандидат философских наук (1974), доктор философских наук (1980). С 1968 г. и более полувека она плодотворно трудится в Институте социологии Российской академии наук, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора Института по научной работе (1992—2017). З.Т. Голенкова — заслуженный деятель науки РФ, почетный доктор Ин-

ститута социологии РАН, в настоящее время — руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН.

З.Т. Голенкова — основатель научной школы изучения социальной стратификации общества, руководила многочисленными исследованиями по социальной дифференциации российского общества, возглавляла научно-исследовательские проекты, посвященные проблемам социального расслоения, социального неравенства, среднему классу российского общества. Огромную научно-практическую ценность представляют собой социологические исследования, проведенные под ее руководством в регионах России. Она является автором более 300 научных работ (монографии, учебники и учебные пособия, хрестоматии и др.), ведет большую педагогическую работу, под ее научным руководством подготовлено 15 докторов и более 40 кандидатов наук.

З.Т. Голенкова не стоит в стороне от научно-организационной деятельности. В течение 15 лет (1974—1989) она была ученым секретарем советской части Проблемной комиссии по социологии ученых восточноевропейских стран, ответственным редактором Международного информационного бюллетеня Комиссии, в 1990 г. избиралась вице-президентом Советской социологической ассоциации, активно участвовала в подготовке и проведении всемирных социологических конгрессов, много лет являлась членом экспертного совета ВАК. Награждена государственными, научными и общественными наградами.

Коллектив журнала «Вестник РУДН. Серия Социология» (RUDN Journal of Sociology) гордится многолетним плодотворным сотрудничеством с З.Т. Голенковой, являющейся членом его редколлегии, начиная с его первого номера (1991 г.), членом диссертационного совета по социологическим наукам при РУДН, профессором кафедры социологии нашего Университета, в становлении и развитии которой она принимала активное участие с момента ее основания в 1982 г.

Желаем Зинаиде Тихоновне крепкого здоровья, реализации ее многочисленных творческих замыслов, новых свершений.

ЮБИЛЕЙ

К 70-ЛЕТИЮ С.А. КРАВЧЕНКО

22 августа отметил юбилей видный российский социолог Сергей Александрович Кравченко — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Окончил Курский государственный педагогический институт, кандидат философских наук (1975), доктор философских наук (1991).

Имя С.А. Кравченко широко известно как в нашей стране, так и за рубежом. Он является автором более 200 научных работ: монографий, энциклопедических словарей, современных инновационных учебников и учебных пособий, получивших признание научной и педагогической общественности. Основной сферой его научных интересов является нелинейная социокультурная динамика социума, его риски, уязвимости, опасности. С.А. Кравченко — автор теорий играйзации общества, интерпретирующей внедрение эвристических принципов в прагматические жизненные стратегии; социологического воображения, адекватного рефлексивной стадии развития социологической науки; гуманистической теории сложности; глоболокальных рисков.

С.А. Кравченко — член редколлегии ряда социологических журналов, среди которых: «Социологические исследования» (СОЦИС), «Социологическая наука и социальная практика» (заместитель главного редактора), «Коммуникология» Он — вице-президент Российского общества социологов, вице-президент Профессиональной социологической ассоциации, академик Международной академии наук высшей школы, член Международной академии коммуникологии, председатель диссертационного совета по социологическим наукам при МГИМО, член союза писателей России; имеет многочисленный научные награды, в частности, серебряную Медаль им. Питирима Сорокина «За вклад в науку» (2009), премию им. М.М. Ковалевского, являющейся высшей наградой РАН, вручаемой за выдающиеся научные работы в области социологии (2010).

Коллектив журнала «Вестник РУДН. Серия Социология» (RUDN Journal of Sociology) поздравляет своего постоянного автора с юбилеем и желает Сергею Александровичу Кравченко крепкого здоровья, реализации всех его научных замыслов и новых творческих достижений.

НАШИ АВТОРЫ

Анисимов Роман Иванович — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: ranisimov@list.ru).

Гребнева Валерия Евгеньевна — кандидат социологических наук, тьютор по работе с аспирантами факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: v.grebneva@inbox.ru).

Егорышев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований — обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (e-mail: nauka@vegu.ru).

Зайцев Дмитрий Викторович — доктор социологических наук, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета (e-mail: dvzsaratov@mail.ru).

Кириллов Андрей Владимирович — доктор исторических наук, декан факультета управления Российского государственного социального университета (e-mail: KirillovAV@rgsu.net).

Кошарная Галина Борисовна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (e-mail: k-galina1@yandex.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России; главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; заведующая отделом центра стратегии развития образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Кумса Элемейху — кандидат социологических наук, профессор Университета Шкоды в Млада-Болеславе (Чехия) (e-mail: alemayehu.kumsa@is.savs.cz).

Куропятник Марина Степановна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kuropjatnik@bk.ru).

Мазаев Юрий Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского государственного социального университета (e-mail: MazaevJUN@rgsu.net).

Мигунова Юлия Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социально-экономических исследований — обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (e-mail: ignatenko_isei@mail.ru).

Никифоров Ярослав Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (e-mail: nikiiforovy@mail.ru).

Остапенко Андрей Александрович — доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (e-mail: ost101@mail.ru).

Пациорковский Валерий Валентинович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (e-mail: patstv41@gmail.com).

Резаев Андрей Владимирович — доктор философских наук, заведующий кафедрой сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: a.rezaev@spbu.ru).

Садыков Рамиль Мидхатович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований — обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (e-mail: SadikovRM@mail.ru).

Селиванова Юлия Викторовна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой коррекционной педагогики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (e-mail: juliaselivanova@mail.ru).

Суркова Ирина Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina_surkova@mail.ru).

Трегубова Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: n.tregubova@spbu.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Хагуров Темыр Айтчевич — доктор социологических наук, первый проректор — проректор по учебной работе, качеству образования Кубанского государственного университета (e-mail: khagurov@mail.ru).

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой этики, декан факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru).

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета); профессор очно-заочного отделения факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvykirina@mail.ru).

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: schabaga@gmail.com).

Шлыкова Елена Викторовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра (e-mail: shlykova70@yandex.ru).

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Щанина Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (e-mail: shchanina@mail.ru).

Юдина Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии Российского государственного социального университета (e-mail: JudinaTN@rgsu.net).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Решение о публикации выносится в течение четырех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made within four months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
